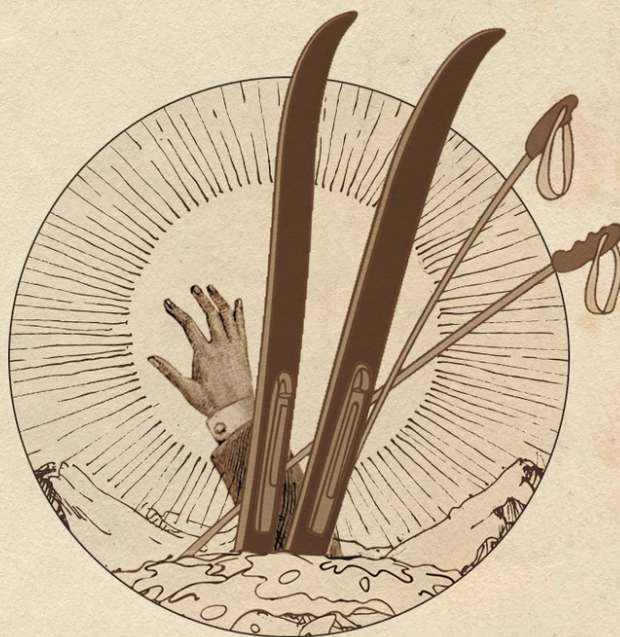

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ПАТРИСИЯ МОЙЕС

МЕРТВЕЦЫ НЕ КАТАЮТСЯ
НА ЛЫЖАХ

ПРИЗРАК УБИЙСТВА

Золотой век английского детектива

Патриция Мойес

**Мертвецы не катаются на лыжах.
Призрак убийства (сборник)**

«АСТ»

1959, 1967

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Мойес П.

Мертвецы не катаются на лыжах. Призрак убийства (сборник) /
П. Мойес — «АСТ», 1959, 1967 — (Золотой век английского
детектива)

ISBN 978-5-17-100960-1

Италия, Доломитовые Альпы, маленькая уютная деревенька в горах. Что может быть лучше для зимнего отдыха? Инспектор Генри Тиббет с женой отправляются в отпуск, чтобы отдохнуть от городской суеты и научиться кататься на лыжах. Но спустя пару дней пребывания в Санта-Кьяре в их идиллическое времяпрепровождение вмешивается смерть. В одном из кресел канатной дороги на нижнюю станцию подъемника спускается труп. А через несколько дней еще один. Потенциальных подозреваемых не так много, но все осложняется тем, что почти у каждого из них есть мотив... Семья Мансайпл всегда отличалась экстравагантностью. Но соседи уже привыкли к странным ирландцам и давно перестали их обсуждать. Вот только труп Реймонда Мейсона на подъездной дорожке их дома спровоцировал новую волну слухов. Случайная ли это пуля со стрельбища Джорджа Мансайпла? Стоит ли принимать во внимание показания единственного свидетеля – девяностолетней старушки, увлекающейся спиритизмом? Имеет ли к случившемуся отношение сын покойного? Генри Тиббету в очередной раз предстоит восстановить картину произошедшего и объяснить ряд странных событий, случившихся в доме Мансайплов.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-100960-1

© Мойес П., 1959, 1967

© АСТ, 1959, 1967

Содержание

Мертвецы не катаются на лыжах	7
Действующие лица	7
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	47
Глава 7	53
Глава 8	60
Глава 9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Патриция Мойес
Мертвецы не катаются на
лыжах. Призрак убийства

Patricia Moyes
DEAD MEN DON'T SKI
MURDER FANATICAL

© The Beneficiaries of the Literary Estate of Patricia Moyes, 1959, 1967

© Перевод. И. Доронина, 2016

© Перевод. М. Левин, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018

Мертвецы не катаются на лыжах

Действующие лица

Генри Тиббет. Главный инспектор Скотленд-Ярда, 48 лет. Совмещая отдых с рабочим заданием, находился на горнолыжном курорте, когда там произошло убийство. Считает себя довольно заурядной личностью, но добросовестным и наблюдательным полицейским, обладающим хорошо развитой интуицией.

Эмми Тиббет. Жена Генри, 40 лет. Ее уравновешенность и доброжелательность зачастую служат мужу надежной опорой.

Джимми Пассденделл. Сын английского лорда, слегка необузданный, но обаятельный.

Роджер Стейнз. Хорош собой, «мечта дебитанток» и друг Джимми. В его прошлом есть тайна, и он совершенно не способен говорить правду.

Кэролайн (Каро) Уиттакер. Очень хорошенькая и кокетливая подруга Джимми, решительно настроенная выйти замуж за Роджера.

Фриц Хозер. Этот «толстый немец-коротышка» родился неподалеку от горнолыжного курорта, где происходят события. Имел врачебную практику в Вене, Берлине и Риме. На местном курорте частый гость, хотя на лыжах не катается.

Баронесса фон Вюртбург. Предпочитает, чтобы ее называли Мария Пиа. Итальянка по происхождению, состоит в несчастливом браке с австрийским бароном **Германом фон Вюртбургом**, который появляется на сцене позже остальных.

Лотти и Ганси фон Вюртбург. Их дети.

Герда Браун. Няня при детях Марии Пиа. Из тех, о ком говорят: в тихом омуте черти водятся.

Франко ди Санти. Смуглый молодой итальянский скульптор из Рима, который, судя по всему, неравнодушен к баронессе, как и она к нему.

Альберто Россати. Владелец отеля. Как ни странно, на лыжах не катается.

Пьетро Веспи. Красив даже по меркам горнолыжных инструкторов. Его брат **Джулио** недавно погиб, катаясь на лыжах.

Марио Веспи. Отец Пьетро, оператор кресельного канатного подъемника.

Роза и Мария Веспи. Его жена и дочь. Держат универсальный магазин.

Полковник Бакфаст и его жена Розамунда. Он – на вид типичный хвастливый британец, но на лыжах катается весьма недурно. Его жена предпочитает вязать и жаловаться. Позже у нее обнаруживаются и другие интересы.

Семейство Зигфрида Книпфера. Немцы. Муж занимается экспортом-импортом в Гамбурге. Он, похоже, единственный среди постояльцев, кто хорошо относится к Хозеру. Семья держится обособленно. Дочь, **Труди**, не слишком преуспевает в обучении лыжному мастерству, но со зрением у нее все в порядке.

Капитан Спецци. Местный полицейский, горячо приветствует участие инспектора Тибета в расследовании и панически боится, что виновным окажется человек, которому он симпатизирует.

Анна. Буфетчица и горничная.

Беппи. Посыльный в отеле.

Карло. Помощник Марио на канатной дороге.

Глава 1

В девять часов холодного пасмурного январского утра такси главного инспектора Генри Тиббета остановилось у неприветливого вокзала Виктория, с виду напоминающего пещеру. Полчища офисных служащих, вывалившихся из пригородных поездов, нервно устремились через контрольные турникеты к автобусам и входу в метро – люди с бледными, напряженными лицами, постоянно спешащие и постоянно опаздывающие. Но здесь, у бокового входа, который вел в помещение, напоминающее склад, набитый впечатляющим количеством грузовых весов, собралась группа, выглядевшая в этот час в этом месте так же парадоксально, как выглядела бы труппа профессиональных исполнительниц эротических танцев в древнегреческом храме Афины. Не все они были молоды, с облегчением отметил про себя Генри, хотя средний возраст, конечно, едва переваливал за тридцать; однако все – молодые и средних лет, мужчины и женщины – были едины в вызывающей экипировке: слишком тесные брюки, слишком яркие свитера, тяжеленные ботинки и самые дурацкие вязаные шапки, какие только можно было придумать. Лица у всех были бледные, но – Генри отметил это с замиранием сердца – агрессивно веселые и лишённые малейших признаков напряжения, а голоса звучали неестественно громко и дружелюбно. В целом это сомнительное сборище напоминало шумную студенческую вечеринку по поводу окончания семестра.

– Дорогой, расплатись с таксистом, пока я разберусь с багажом? – Бодрый голос жены отвлек инспектора от дурного предчувствия.

– Да-да, конечно. Нет, не поднимай тяжести... Я позову носильщика...

Такси с урчанием отправилось своей дорогой, а Генри с удовлетворением увидел, что коротышка-носильщик с лицом злобной обезьяны, который праздно подпирает стену, с раздражающей сосредоточенностью катая в пальцах папиросу, направляется к ним, чтобы предложить свои услуги.

– Санта-Кьяра, сэр? А где же ваши лыжи, которые нужно сдать в багаж? – Носильщик едва сдерживал улыбку.

– У нас нет лыж, – сказал Тиббет. – Возьмем напрокат на месте. Мы просто...

Но носильщик моментально утратил к ним всякий интерес и переключил внимание на только что подъехавшее такси, в котором явно имелись лыжи для сдачи в багаж. Из машины вышел мужчина с гладким красным лицом и безошибочно угадываемой военной выправкой, за ним показался целый лес лыж и лыжных палок, а следом – крупная женщина с недовольным выражением лица. Пока тощий носильщик умело укладывал лыжи и палки на свою тележку, Генри успел разглядеть бирку, на которой крупными буквами значилось: «Полк. Бакфаст, гостиница «Белла Виста», Санта-Кьяра, Италия. Через Инсбрук».

– Они – в тот же отель, что и мы, – жалобно пробормотал он, обращаясь к Эмми.

– Не бери в голову, – улыбнулась она. – Вон та симпатичная компания – тоже.

Генри повернулся и увидел группу из трех молодых людей, которые, судя по шикарному внешнему виду, представляли высшие круги общества. Девушка была лет двадцати, как показалось инспектору, с коротко стриженными волосами и простодушным взглядом блестящих голубых глаз. Один из юношей обладал выдающейся внешностью – светловолосый, сероглазый, с очень красивыми руками, – он выглядел одновременно и мужественным, и чувственным («Где-то я видел его фотографию», – шепнул жене Генри). Другой молодой человек не дотягивал до физического совершенства своих спутников – он был высок, худ, с носом, напоминающим клюв, и темными, слишком длинными волосами, – но недостатки его внешности восполняло великолепие костюма. Брюки, обтягивающие его ноги, как вторая кожа, были бледно-

голубыми, как у руританского¹ офицера из музыкальной комедии; свитер – цвета яичного желтка с ярко-красным оленем, охватывавшим грудную клетку до самых подмышек; а шерстяная шапочка, напоминающая вершину кремового торта, – ярко-синей. Теперь же молодой человек хохотал во все горло, похлопывая себя бамбуковой лыжной палкой по тонкой ноге.

– Господи помилуй, – сказал Генри. – Это же Джимми Пассденделл – младший сын старого Рейвна. Он... – Тиббет запнулся, потому что сама мысль показалась ему абсурдной, – ... он член совета «Ллойда»².

В этот момент какой-то дюжий носильщик, решивший, видимо, что пора освободить тротуар для вновь прибывающих, бесперемонно подхватил вещи Тиббетов, сунув по чемодану под мышки, без усилий взяв еще два в руки, и с воплем «Куда, сэр?», не дожидаясь ответа, исчез в здании вокзала.

Генри и Эмми рысцой припустились за ним и очутились возле гигантских весов, на которые были навалены лыжи.

– Что в багаж? – лаконично спросил носильщик, поигрывая несессером Эмми в своей огромной руке.

– Боюсь, я не совсем понимаю... – начал Генри, чувствуя себя практически дураком. Остальные явно все понимали.

– То, что сдается в багаж, здесь проходит таможеню, и вы не увидите этих вещей аж до самого Инсбрука, – снисходительно пояснил носильщик.

– Мы сдаем два больших чемодана, – твердо сказала Эмми.

Потом Генри рысью бегал между багажом, носильщиком и билетной кассой, как суетливая, заботливая наседка, вознамерившаяся утолить голод своего выводка червяками, – в роли червяков в данном случае выступали загадочные бумажки, которые железнодорожные служащие, качая головами, с восторгом штамповали, компостировали и скрепляли. Наконец формальности были соблюдены, таможня пройдена, и Тиббеты и с двумя маленькими чемоданчиками благополучно водворились на угловые сиденья, забронированные для поездки в Дувр.

Генри откинулся на спинку, облегченно вздохнув, но так и не избавившись от дурного предчувствия. Пока в купе они оставались одни, шум багажного отделения сменился приглушенными звуками, всегда предшествующими отправлению поезда дальнего следования.

– Надеюсь, Ярд знает, что делает, – заметил инспектор, – потому что я – нет. Я бы предпочел, чтобы мы катались на лыжах в каком-нибудь другом месте.

– Ерунда, – отозвалась Эмми. – А мне нравится. И пока я не увидела никого хоть маломальски подозрительного, кроме таксиста и взвинченного носильщика.

Генри посмотрел на жену укоризненным взглядом, говорившим «у стен есть уши», и развернул «Таймс», приступив к разгадыванию кроссворда.

Тиббет не был похож на великого детектива. В сущности, по собственному же заключению, он и не был великим детективом, а был всего лишь добросовестным и наблюдательным полицейским, иногда в ходе расследования проявляющим интуитивное чутье, которое называл «нюхом». Мало кто из начальников не был готов прислушиваться и предпринимать соответствующие действия, когда Генри вдруг говорил: «Нюх подсказывает мне, что мы взяли неверный след. Почему бы не пощупать в другом направлении?» Нос Генри Тиббета, обладающий этим самым нюхом, был такой же симпатичной – и ничем не примечательной – частью его внешности, как и все остальное. Невысокого роста, с седеющими волосами, почти бесцветными бровями и ресницами, он провел большую часть своих сорока восьми лет, стараясь – на удивление, безуспешно – избегать неприятностей.

¹ Руритания – вымышленная страна из романов Э. Хоупа, небольшое государство, где процветают придворные интриги. – Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.

² Известный рынок страхования, называемый иногда (ошибочно) страховой компанией.

– Не моя вина, – жалобно заметил он как-то в разговоре с женой, – что у меня под ногами все всегда взрывается.

Следствием этого была его широко известная и незаслуженная репутация человека отчаянного, авантюриста, скрывающего собственную лихость под маской кротости; и его многократно повторяемые заверения в том, что единственное, чего он хочет, это вести спокойную жизнь, естественно, лишь раздували пожар слухов.

Эмми, разумеется, знала, каков Генри на самом деле, и понимала, что истина лежит где-то между безрассудной личностью, проживающей в воображении его подчиненных, и мягким, тихим как мышь человеком, каким он выставлял себя перед окружающими. Она также знала – и это утешало и ободряло ее, – что мужу, как воздух и вода, необходимы ее уравновешенность и доброжелательность. Ей исполнилось сорок, она уже не была так стройна, как прежде, но сохранила приятность форм, а лицо у нее было милое и умное. У Эмми была необыкновенно красивая кожа, светлая и чистая, очаровательно контрастирующая с курчавыми черными волосами.

Она посмотрела на часы:

– Вот-вот отправляемся. Интересно, кто будет нашими соседями?

Последнее выяснилось довольно скоро. Задолго до того как миссис Бакфаст, словно военный корабль под полными парусами, всплыла в купе, ее недовольный голос зазвучал с дальнего конца коридора. Место ее, естественно, не устроило. Ей якобы определенно дали понять, что у нее будет угловое у окна, лицом по направлению движения.

– Единственное, что я могу сказать, Артур, – она обращалась к мужу, при этом сверля взглядом инспектора, – что для некоторых людей предварительное резервирование абсолютно ничего не значит.

Генри с сожалением уступил ей свое место. Миссис Бакфаст посмотрела на него так, словно впервые увидела, потом снисходительно приняла предложение.

Вскоре веселая суета в коридоре оповестила о прибытии Джимми Пассденделла и его компании. («Семеро в одном купе – это уж слишком», – высказалась миссис Бакфаст, ни к кому конкретно не обращаясь.) Девушка сразу погрузилась в чтение последнего номера «Татлера». Полковник коротко кивнул молодому красавцу и сказал:

– Значит, в этом году снова туда же? У меня было предчувствие, что вы можете опять поехать.

В ответ молодой человек выразил надежду, что снег в этот раз будет таким же хорошим, как в прошлом году, затем стал умело рассовывать багаж и даже заслужил кислую улыбку миссис Бакфаст тем, что затолкал огромное количество ее мелких коробок на багажную полку. Но Джимми Пассденделл тут же совершил большую ошибку, достав губную гармошку и предложив всем хором спеть популярную песенку «Милые старые друзья».

– В конце концов, – радостно заметил он, – мы ими скоро станем. Ведь все мы едем в Санта-Кьяру, не так ли? В «Белла Висту»? – И после короткой паузы воскликнул: – Ураа!

Хорошенькая блондинка захихикала; красивый молодой человек явно испытал неловкость; Генри и полковник еще надежнее укрылись за своими респектабельными газетами, а Эмми простодушно рассмеялась, достала жестяную коробку полезного для пищеварения печенья и стала всех угощать. Молодые люди с радостными возгласами набросились на печенье, и на время разговор, слава богу, сменился довольным жеванием. Поезд медленно отошел от вокзала Виктория и углубился в туман.

Канал был серым и холодным, но спокойным. Лыжники в своих тяжелых гулких ботинках бодро протопали вверх по трапу и дружно бросились в тепло и покой салона, столовой или бара – в зависимости от предпочтений. Когда пароход медленно отошел от причала и миновал узкую горловину бухты, Генри и Эмми остались на палубе одни. Облокотившись о перила,

супруги наслаждались тишиной и смотрели на знакомые очертания прибрежных утесов, таявших в дымке.

– В Санта-Кьяру больше никто не едет, – сказала наконец Эмми. – А среди тех, кто здесь уже есть, – какими бы недостатками они не обладали – ни один не кажется мне похожим на мелкого торговца наркотиками.

– Возможно, все это лишь охота на призраков, – согласился Генри. – Надеюсь, так и есть. Видит бог, я не хочу неприятностей. Хочу всего лишь научиться кататься на лыжах. В конце концов, мы на отдыхе.

– В самом деле? – Эмми печально улыбнулась. – Значит, это простое совпадение, что мы едем в отель, который Интерпол считает логовом контрабандистов?

– Это место я выбрал случайно, – жалобно ответил Генри. – А когда сэр Джон услышал, что мы туда собрались, у меня не было возможности отказаться держать ушки на макушке.

– Стало быть, Интерпол знает, что ты там будешь, правильно?

– Да. Неофициально. У них пока нет никаких доказательств – только подозрения. Они собирались послать в «Белла Висту» кого-нибудь из своих ребят под видом обычного отдыхающего, но когда сэр Джон сообщил им, что я все равно туда направляюсь...

У них за спиной раздался знакомый пронзительный голос:

– Ясно же, что мы должны плыть на пароходе первым классом...

– Пойдем выпьем чего-нибудь, – поспешно предложил Генри, увлекая Эмми в бар.

Там было тесно, накурено и весело. Инспектор с трудом пробился между молодыми атлетами к стойке и взял два скотча и две сотни сигарет за смешную сумму. К тому времени, когда он с таким же трудом пробрался обратно к Эмми, она уже устроилась за последним свободным столиком и дружески болтала со светловолосой девушкой, спутники которой тем временем, устремившись за беспопытным коньяком, штурмовали бар.

– О, Генри, молодец! Познакомься с мисс Уиттакер.

Казалось, Эмми по какой-то причине намеренно подчеркнула фамилию. Господи, подумал Генри, наверное, это кто-то, кого я должен знать. Девушка улыбнулась подошедшему лучезарной улыбкой и сказала:

– Как-то по-дурацки звучит: «мисс Уиттакер». Пожалуйста, зовите меня просто Каро.

Тиббет ответил: «Буду счастливым» и протянул Эмми ее скотч. Спустя минуту, вырвавшись из давки, царившей возле барной стойки, появился красивый молодой блондин, нагруженный бокалами и бутылками. Каро засуетилась, представляя всех друг другу:

– Это милый Роджер... то есть Роджер Стейнз, умопомрачительный лыжник, который посрамил всех... да, посрамил... а это – Генри и Эмми Тиббеты, и они тоже направляются в «Белла Висту»... то есть в тот же самый отель... ну не счастливое ли это совпадение, Роджер дорогой?

Потом прибыл «дорогой Джимми» со своим набором бестамуженной выпивки, и вечеринка завертелась, между тем как серые морские мили проплывали под килем и чайки целеустремленно кружили над бурлящей струей в кильватере корабля.

В Кале пришлось преодолеть толчею носильщиков, весьма поверхностный таможенный досмотр, длиннющий марш по пристани – и наконец все пятеро путешественников водворились в вагон Е6 сверкающего железнодорожного состава; на вагоне, ближе к тамбурам для курения, красовались эффектные таблички «Особый лыжно-спортивный». Ручная кладь была аккуратно уложена на полку над дверью, и первая бутылка бренди откупорена рукой Джимми. Огромный поезд издал шипящий выдох и плавно отошел от станции, взяв курс на юг.

– Ну вот, – сказал молодой Пассденделл, – это наш дом до завтрашнего дня. Давайте выпьем.

Франция, оставаясь позади, проплывала мимо окон в уже сгущавшихся сумерках. Генри разгадывал свой кроссворд, Эмми дремала; Джимми очередной раз прикладывался к бутылке;

Каро читала журнал, а Роджер задумчиво смотрел в окно; его безупречный профиль портило лишь угрюмое выражение лица, свидетельствующее о дурном настроении. Маленький человек в кожаной безрукавке, с красной повязкой на рукаве, на которой желтыми нитками было вышито «Ски-спортс, Лтд.», просунул голову в купе.

– Я – Эдвард, ваш проводник, – сообщил он жизнерадостно, моргая сквозь очки с толстыми линзами. – Если что-нибудь понадобится, обращайтесь ко мне.

– Хотите бренди? – предложил Джимми.

Эдвард нервно хихикнул, отказался и удалился. Было слышно, как он открывает дверь соседнего купе.

– Я – Эдвард, ваш проводник. Если что-нибудь понадобится...

– Разумеется, понадобится, любезный. – Мощный голос миссис Бакфаст с легкостью перекрыл ритмичный стук колес. Даже когда Эдвард зашел в купе и плотно закрыл за собой дверь, этот недовольный рокочущий голос был хорошо различим.

Несколько минут спустя Каро встала, вышла в коридор и, облокотившись на поручень под окном, стала смотреть на темнеющие поля, освещенные окна фермерских домов, крохотные станционные здания, пронесившиеся мимо и безжалостно отбрасываемые в прошлое ненасытным, пожирающим мили монстром, частью которого они сейчас были.

Когда Каро выходила из купе, Эмми открыла глаза, посмотрела ей вслед и снова уютно устроилась подремать. Роджер Стейнз тоже поднялся из своего углового кресла, вышел в коридор и с грохотом закрыл за собой дверь. Сквозь дверное стекло Генри видел две стоявшие рядом невыразительные спины, раскачивавшиеся в такт движению поезда: Стейнз что-то настойчиво говорил, Каро едва-едва ему отвечала. О чем они беседовали, Тиббет не слышал.

В пять часов в вагоне неожиданно включилось освещение, а в половине седьмого в конце коридора весело зазвенел колокольчик, зазывающий первую смену на ужин. Джимми сверился со своим билетом и обнаружил, что он как раз ужинает в первую смену; прихватив с собой Роджера и Каро, теперь расслабленно прислонившихся к двери купе, курящих и праздно болтающих друг с другом, он повел приятелей по коридору в вагон-ресторан. По дороге они громко переговаривались.

После их ухода стало очень тихо и пусто. Генри встал, аккуратно закрыл дверь и сказал:

– Роджер Стейнз... Никак не могу припомнить...

– А я вспомнила, где видела его фотографию, – в «Татлере», – пояснила Эмми. – Его там называли «мечтой дебютанток». Смотри...

И взяла журнал, оставленный Каро на своем сиденье. Он был открыт на одной из тех страниц, где рассказывалось о ночной жизни Лондона; на снимке Роджер и Каро чокались бокалами шампанского. «Мисс Кэролайн Уиттакер, очаровательная дочь сэра Чарлза и леди Уиттакер, со своим частым спутником, мистером Роджером Стейнзом, веселятся и пьют шампанское в одном из аристократических залов», – сообщала подпись к фотографии. Генри не меньше минуты задумчиво смотрел на снимок, потом снова произнес:

– Никак не могу припомнить... Раньше. Чутьку раньше...

– Господи, как я проголодалась, – сказала Эмми. – Хочешь печенье?

Поезд стремительно приближался к швейцарской границе.

Ужиная в третью смену, Тиббеты оказались за столиком с полковником и миссис Бакфаст. Последняя, имея кучу времени, чтобы сделать фарш из бедняги Эдварда, пребывала в сравнительно хорошем расположении духа и согласилась выпить бокал сотерна под рыбу; она даже объявила ужин съедобным. Ободренный таким непривычным смирением, полковник разговорился за кофе.

– Вы впервые едете кататься на лыжах? – спросил он; его гладкое красное лицо излучало любезность.

– Да, боюсь, я совершенный новичок, – ответил Генри. – А вот моя жена уже бывала на зимних курортах и каталась.

– Всего два раза, – вставила Эмми. – Лыжница я никакая.

– Это лучший в мире вид спорта, – сообщил полковник и воинственно огляделся, словно ожидая возражений. Миссис Бакфаст хмыкнула, но промолчала.

– Моя супруга не катается, – доверительно сообщил Бакфаст. – Ее занятия спортом заключаются в том, чтобы из года в год сопровождать меня. Я это ценю. Разумеется, я бы понял, если бы она захотела остаться дома и отпустила меня одного...

В его голосе послышалась мечтательная интонация.

– Горный воздух мне полезен, – решительно пресекла полковника жена. – У меня есть свои способы проводить время. Было бы несправедливо с моей стороны отпускать бедного Артура в такую поездку в полном одиночестве.

– Я всегда говорил тебе... – начал было Артур, но супруга оборвала его, попросив передать ей сахар таким тоном, что любая дальнейшая дискуссия казалась невыносимой. После короткой паузы полковник сделал вторую попытку завязать разговор.

– Вы прежде бывали в Санта-Кьяре?

– Нет.

– Интересно, что вас в ней привлекло, если вы не являетесь страстным лыжником? Это место не всякому придется по душе – отель совершенно обособлен, лепится к верхней площадке канатной дороги. После наступления темноты, знаете ли, даже в деревню никак не спуститься.

– Нам сказали, что катание на горных лыжах – это чудесно, – ответила Эмми. – К тому же мы больше всего хотели побыть именно в тихом, уединенном месте.

– Тогда вы выбрали то, что надо, – кисло заметила миссис Бакфаст. – Рискну предположить, – продолжила она с плохо скрываемым любопытством, – что ваш муж очень много работает. Вероятно, его работа требует большой отдачи сил.

– Не больше, чем работа любого другого делового человека, – отозвался Генри. – Весь вопрос – в темпераменте, полагаю. Мы всегда предпочитаем тихий отдых, вдали от проторенных дорог.

– Значит, вы бизнесмен, если я правильно поняла? Как интересно. Вы работаете в Сити?

– Не совсем, – уклончиво ответил инспектор. – Я работаю в Вестминстере.

Миссис Бакфаст, недовольная тем, что ее попытка выведать профессию Генри не достигла цели, продолжила:

– В этом году в Санта-Кьяру направляется весьма избранное общество. Кэролайн Уиттакер, в честь которой в прошлом году устраивался грандиозный бал в «Клэридже», и distinguished Джимми Пассденделл, – ее голос упал чуть ли не до шепота, – сын лорда Рейвна, знаете ли. Немного необузданный, но милый... очень милый...

– Другой молодой человек тоже кажется весьма приятным, – заметил Генри. – Роджер Стейнз. Его лицо кажется мне знакомым.

– О нем я ничего не знаю, – безапелляционно заявила миссис Бакфаст и повторила: – Совершенно ничего.

Когда Генри с Эмми вернулись в вагон Еб, трехъярусные спальные полки были уже заставлены, однако никто из спутников, судя по всему, не собирался ложиться. Джимми открыл очередную бутылку бренди, и компания под его предводительством распевала песенки разной степени пристойности. Тиббеты с благодарностью приняли по стаканчику на ночь и сказали, что займут две верхние полки, чтобы никому не мешать.

– Не обращайтесь на нас внимания, – добавила Эмми. – Пойте как угодно громко. Мы с удовольствием слушаем.

– Очень любезно с вашей стороны, – ответил Джимми. – Выпейте еще по стаканчику, прежде чем забираться на такую опасную высоту.

Два последних слова он повторил дважды, чтобы убедиться, что до попутчиков дошел смысл. Каро улыбалась, сидя в углу. Они с Роджером держались за руки.

Пение продолжалось еще полчаса, после чего компания решила отдохнуть. Каро заняла одну из средних полок, Роджер и Джимми – две нижние. Вскоре в купе воцарились тишина и темнота, если не считать крохотного синего ночника, горевшего под потолком, тихого посапывания спящих да ритмичного стука колес. В конце последнего вагона, в своем крохотном купе, Эдвард, перебирая список пассажиров, беспрестанно и от всей души честил миссис Бакфаст; пассажиры извивающегося состава на всем протяжении от паровоза до купе проводника мирно спали.

На следующее утро, посмотрев во время завтрака в окно, путешественники увидели, что пейзаж чудесным образом изменился: они оказались в окружении гор. То есть само железнодорожное полотно стелилось по довольно широким зеленым долинам, напоминающим высохшие озера, но вокруг горделиво возвышались горы, на склонах которых свежая зелень сменялась серыми скалами, потом вечнозеленой растительностью и наконец – высоко вверх – сверкающим белым снегом. Настроение у всех поднялось, голоса зазвучали громче. Сияло солнце, и снег обрел невероятно соблазнительную притягательность невероятного чуда освобождения. Скоро, скоро...

Австрийскую границу миновали в половине десятого, около одиннадцати поезд уже мчался по широкой зеленой долине реки Инн, окаймленной величественными горами; примерно в одиннадцать двадцать паровоз с шипением остановился, и с перрона кто-то выкрикнул в морозный, пронизанный солнцем воздух: «Инсбрук! Инсбрук!»

Глава 2

В Инсбруке компания лыжников, державшихся вместе с самого вокзала Виктория, вмиг распалась: гостиничные автобусы или маленькие горные поезда увезли их на разные австрийские курорты. Осталась только группа, направляющаяся в Санта-Кьяру, внезапно ощутившая себя брошенной и какой-то неуместной здесь в своих кричаще-ярких свитерах. Эдвард, в пути навлекший на себя не слишком комплиментарные высказывания пассажиров вагона Еб, теперь показался им последним – но, увы, вероломным – другом, который, быстро сдав отчетность, заспешил домой.

Как всегда в таких ситуациях, «чужаков» охватило чувство товарищества. Джимми принес миссис Бакфаст чашку кофе, полковник поднес чемоданчик миссис Тиббет до подземного перехода, Роджер (командуя на превосходном немецком языке) собрал все сданные в багаж вещи, а Эмми и Каро вместе отправились на поиски дамской комнаты. Генри, чувствуя себя немного не у дел, довольствовался тем, что купил достаточное количество английских журналов в книжной лавке, чтобы всей компании было чем занять себя до вечернего чаепития, ко времени которого им предстояло прибыть к месту назначения. В конце концов все семеро попутчиков вместе с багажом собрались на нужном перроне, чтобы сесть в экспресс Мюнхен – Рим, который должен был доставить их к предпоследнему пункту путешествия.

Очевидно, охотников сменить бодрящую солнечную погоду Инсбрука на сомнительные радости римского января было немного, потому что никто больше не ждал поезда, кроме пожилой четы, которая, как догадался Генри, приезжала в Инсбрук за покупками и, вероятнее всего, следовала не далее приграничного городка Бреннер. Однако за несколько минут до прихода поезда группа носильщиков с солидным багажом вынырнула из подземного перехода в сопровождении высокого и очень худого господина, одетого в норфолкский пиджак из ярко-зеленого твида с меховым воротником и темно-серые чрезвычайно узкие брюки. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, которые выдавали нетерпимость характера, казалось по-лисий хитрым. Зеленая тирольская шляпа в сочетании с такой физиономией выглядела несуразно. С мужчиной была девушка поразительной красоты: с лицом рафаэлевой флорентийской мадонны и локонами цвета старого золота. На ней были серые лыжные брюки, явно скроенные мастером, и маленькая серая куртка с воротником из меха снежного барса, который окутывал ее шею, словно облако. Косметика – в итальянском стиле – подчеркивала восхитительные темные глаза и медового оттенка кожу, прелестные губы лишь чуть-чуть были тронуты нежно-розовой помадой.

– Очень, очень дорого, – шепнула Эмми на ухо мужу, когда кортеж носильщиков проследовал мимо.

Миссис Бакфаст уставилась на вновь прибывших с откровенным любопытством; Каро казалась оробевшей, внезапно осознав, как выглядят ее измятые брюки, в которых она спала; мужчины невольно повернули головы в восхищении и были вознаграждены злобным взглядом из-под тирольской шляпы.

Когда поезд, строго по расписанию, подошел к перрону и компания расположилась в пустом вагоне, Тиббеты подошли к окну, чтобы бросить последний взгляд на Инсбрук. К их пущему удивлению, Тирольская Шляпа, судя по всему, никуда не ехал, он прощался с мадонной, которая стояла у двери купе первого класса, холодная и прекрасная. Поцелуи, заверения в любви, суэта вокруг багажа – все это девушка воспринимала скорее с вынужденным смирением, нежели с энтузиазмом. В какой-то момент, когда ее сопровождающий вступил в пререкания с носильщиком, Генри поймал ее взгляд: красавица смотрела на Тирольскую Шляпу со смешанным выражением презрения и неприязни, таким пронзительным, что по спине детектива пробежал холодок. Наконец раздался свисток, и поезд тронулся. Последним, кого путе-

шественники видели в Инсбруке, оказался этот мужчина, как-то жалко махавший вслед поезду зажатой в длинной тонкой руке тирольской шляпой.

В Бреннере, после краткого и дружелюбного общения с итальянской таможней, вся компания гуськом отправилась по коридору в вагон-ресторан. Молодежь оккупировала отдельный столик на четверых, Бакфасты – столик на двоих. Генри и Эмми, прибывших последними, улыбочивый официант проводил к самому дальнему столу, рассчитанному на четверых, но за ним сидела только одна пассажирка – мадонна из Инсбрука. Она сделала заказ на беглом итальянском языке. Девушка вела себя раскованно, непринужденно и оживленно – совсем не походила на холодную красавицу из Инсбрука. «Как девочка-школьница», – подумалось инспектору.

На протяжении восхитительного обеда, начавшегося с *fettucini*, продолжившегося *fritto misto con fagiolini*³ и закончившегося сливочным сыром *bel paese*, все были больше сосредоточены на еде, чем на разговорах. Но за кофе на путников, приятно сытых, снова снизошло ослабленное настроение; первый шаг сделала красавица, поинтересовавшись у Генри и Эмми на превосходном английском, из Лондона ли они и является ли целью их визита в Италию отдых. Тиббеты ответили на оба вопроса утвердительно.

– Вот и я тоже, – сказала девушка с очаровательной, совершенно счастливой улыбкой. – Видите ли, я итальянка. Но муж – австриец, и приходится жить в Инсбруке.

– Завидую вам, – сказал Генри. – Должно быть, это красивый город.

– Да, – лаконично ответила девушка. Потом с улыбкой продолжала: – А куда именно вы направляетесь. В Рим? В Венецию? Во Флоренцию?

– Вообще-то мы едем кататься на лыжах, – пояснила Эмми.

– О! Я тоже.

– Возможно, мы даже направляемся в одно и то же место, – предположил Тиббет.

– Уверена, что нет, – возразила красавица. – Вы-то наверняка в Кортину. Все англичане и американцы ездят туда.

– Нет, – сказал Генри. – Мы едем в маленькое местечко под названием Санта-Кьяра. Отель «Белла Виста».

К его удивлению, улыбка девушки вмиг померкла, по лицу пробежала тень настоящей паники.

– Санта-Кьяра, – повторила она почти шепотом. – Я... я тоже туда еду.

– Чудесно, – быстро подхватила Эмми. – Нам следует представиться: Генри и Эмми Тиббет.

– А я... – Красавица явно колебалась. Потом встряхнулась, как щенок, вышедший из воды, и на ее лице снова расцвела улыбка. – Я – баронесса фон Вюртберг. Но вы должны звать меня Мария Пиа. Когда я в Италии, то забываю, что стала австрийкой. – Она сделала короткую паузу и продолжила: – Мои дети уже в «Белла Висте» с няней. Ганси – восемь лет, а Лотти – шесть. Вы с ними познакомитесь.

– Буду ждать с нетерпением, – откликнулась Эмми, едва удержавшись от уже готового вырваться замечания о том, что баронесса выглядит неправдоподобно молодо для женщины, имеющей восьмилетнего сына.

– Как жаль, – рискнула заметить она, – что ваш муж не сможет побыть с семьей.

И снова паника читалась в огромных карих глазах.

– У него очень много дел. Он позволяет мне... то есть с радостью отпускает меня на родину каждый год, но сам Италию не любит.

³ Дословно «жареная смесь со стручковой фасолью», готовится из ломтиков курятины, бычьих мозгов или зобных желез, куриной печени, цветной капусты, кончиков аспарагуса (спаржи), почеч артишоков, рисовых или макаронных крокетов.

«Ничуть не сомневаюсь, что не любит», – подумал Генри, припомнив грубые черты лица под тирольской шляпой. Ему стало жаль баронессу, но он не знал, как дать ей почувствовать свою симпатию, не показавшись дерзким, поэтому быстро оплатил счет и с дружескими заверениями в скорой встрече повел Эмми к выходу из вагона-ресторана. К собственному удивлению, инспектор почувствовал, что прекрасные глаза смотрят ему вслед. У двери он обернулся и встретил спокойный насмешливый взгляд баронессы. Глядя ему прямо в глаза, она едва заметно вздернула подбородок, как будто с вызовом. Генри, немного смущенный, улыбнулся и шагнул в раскачивающийся коридор.

В Кьюзе сделали последнюю пересадку. Огромный экспресс умчался на юг, к Вероне, оставив восьмерых путешественников на маленькой станции, освещенной солнцем. Со всех сторон горизонт был изломан очертаниями Доломитовых Альп с их нежно-розовыми вершинами – плоские и остроконечные скалы, обточенные ветрами и снегами до первозданных форм устрашающей мощи и долговечности, существовавшие с незапамятных времен и пребудущие до времен немислимых.

От величия гор отвлек и вернул путешественников к реальности пронзительный гудок. На другом пути стоял самый очаровательный в мире поезд. К паровозу – крохотному, 1870 года выпуска, с высокой стройной трубой и сияющими медными деталями, – было прицеплено всего два вагона, сделанных из светлого, украшенного резьбой дерева, со смотровыми площадками на обоих концах, огороженными перилами фигурного литья. На готических окнах одного из вагончиков, обозначая его принадлежность к первому классу, висели занавески из вошеного ситца. Сиденья были сделаны из деревянных планок, над ними имелись полки для лыж.

Молодые англичане с восторженными криками с чемоданами бросились к поезду; непосредственно за ними следовали Генри и Эмми. Миссис Бакфаст заметила, что давно пора пустить по этой дороге современные поезда, деревянные сиденья – это просто позор. Баронесса в сопровождении всех носильщиков, имеющих на станции, – следовавших за ней по пятам, – медленно перешла по настилу на другую сторону полотна, на лице ее сияло выражение абсолютного умиротворения. Когда багаж был загружен, поезд издал пронзительный гудок, и последний этап путешествия начался.

По прямой от Кьюзы до Санта-Кьяры – около двадцати миль, но поскольку железнодорожное полотно петляет между гор, реально получается больше тридцати. Тридцать миль мучительного, извилистого пути с разворотами на краю обрывов, задымленными тоннелями – каждый пятый с крутым уклоном – и с самыми захватывающими в мире видами. Почти сразу же они пересекли границу, за которой земля между соснами была покрыта снегом. Вскоре Кьюза уже виднелась внизу как горстка розовых и бледно-желтых домиков. Долины расстилались во всем своем великолепии, дома утрачивали итальянский облик, постепенно становясь все более альпийскими – с деревянными балкончиками и снежными «бровями», свисающими с крутых, далеко выступающих карнизов. Пыхтя и фыркая, паровозик тащил вагоны все выше и выше, к заснеженным полям и розовым пикам. На деревенских остановках женщины в белых фартуках забирались в вагоны с корзинками яиц и чудесных зеленых овощей. Потом появились первые лыжники. Из-за крутого поворота показался тянувшийся вдоль железной дороги сверкающий спуск для начинающих, усеянный крохотными фигурками. Волнение росло как на дрожжах. Поезд взбирался все выше, через три курортные деревушки, пока наконец в поле зрения не всплыл розовый луковичный купол церкви, стоявшей среди маленьких домиков.

– Санта-Кьяра, – объявила баронесса.

Все вытянули шеи и приникли к окнам. Деревня располагалась в конце длинной долины, расположенной на высоте более пяти тысяч футов над уровнем моря. Полукругом ее окаймляли горы, одновременно и защищающие, и грозные. Заброшенная в эту белую высь деревенька казалась очень маленькой и очень храброй.

Вокзала в строгом смысле слова здесь не было. Демонстрируя признаки усталости, поезд лягнул и медленно остановился посреди заснеженной площади перед церковью: здесь, под небольшим зеленым навесом, носильщики из разных отелей со своими большими грузовыми санями ждали его прибытия, между тем как лыжники, возвращавшиеся в деревню к чаю, свободно переезжали через пути.

Едва баронесса вышла из поезда, на склоне вдруг поднялась небольшая суматоха, и двое миниатюрных лыжников ринулись вниз, пересекли железнодорожный путь и, идеально выполнив разворот на параллельных лыжах, подняв фонтаны снега вокруг себя, остановились как вкопанные возле поезда.

– Мама! Мама! – закричали они, и баронесса, выронив прямо в снег свой белый чемоданчик из свиной кожи, бросилась обнимать детей. Встреча была шумной, нежной и трогательной; не прошло и нескольких минут, как Генри заметил стройную темноволосую девушку в черном, которая подъехала к поезду вслед за детьми спокойно, но чрезвычайно мастерски и теперь стояла в нескольких шагах от них, молча наблюдая за излиянием чувств. Гувернантка была очень бледна, составляя резкий контраст с окружающими ее бронзовыми лицами, и совсем не пользовалась косметикой. Ее можно было бы счесть красивой, подумал инспектор, если бы она предприняла хоть элементарные усилия, чтобы выглядеть таковой; нынешний же ее вид, казалось, преследовал единственную цель – держаться в тени.

Когда с первыми приветствиями было покончено, баронесса, обняв детей за плечи, лучезарно улыбнулась темноволосой девушке и заговорила с ней по-немецки. Потом, обратившись к Эмми, сказала:

– Мы с Гердой и детьми идем пить чай. Носильщик проводит вас в «Белла Висту». Увидимся за ужином.

Она быстро по-итальянски дала указания дюжему носильщику в черной шапочке с вышитым на околыше золотыми нитками логотипом гостиницы «Белла Виста», а потом, смеясь и поддразнивая, стараясь не отставать, побежала вслед за детьми, медленно съезжавшими по склону к деревенской улице. Черноволосая Герда подождала, пока они доберутся едва ли не до низу, а потом с восхитительной плавностью движений поехала вперед и, постепенно набирая скорость, преодолела склон превосходно выполненной змейкой и остановилась как вкопанная; к тому моменту, когда остальные достигли подножья, она уже ждала их, молчаливая и неподвижная, как прежде.

Пока носильщик грузил его багаж на сани, полковник Бакфаст впервые после Инсбрука, насколько помнил Генри, заговорил с ним.

– Взгляните, – и он указал наверх.

Оба подняли головы. За железнодорожной линией горы возвышались во всем своем величии: к тому времени солнце уже ушло из деревни, но еще освещало розовые пики и снежные шапки у самых вершин. Высоко-высоко, там, где лес редел, на линии, разделявшей свет и тень, виднелось одинокое строение, на фоне окружающего пейзажа напоминающее муху, тонущую в молоке.

– «Белла Виста», – сообщил полковник почти благоговейно.

Мужчины помолчали.

– Я и не представляла себе, что отель так высоко, – тихо вымолвила наконец Эмми. – Как мы туда будем добираться?

– Добираться туда, – вступила миссис Бакфаст, – мы будем на дьявольской штуковине, которая называется кресельным подъемником. Каждый год даю себе обещание, что никогда больше не сяду на него, и каждый год Артуру удается уговорить меня снова. От одной мысли об этом меня начинает мутить. Идемте.

Канатная дорога «Монте Качча», как подчеркивается во всех рекламных буклетах, – одна из самых длинных в Европе. Подъем занимает двадцать пять минут, в течение которых кресла,

подвешенные к прочному толстому тросу, плавно и безопасно ползут вверх – порой в каких-нибудь двадцати футах от земли, между соснами, которыми поросли крутые склоны, но чаще над узкими ущельями и лощинами, которые извиваются и обрываются вниз на сотни футов. Примерно раз в минуту мощный металлический кронштейн, соединяющий кресло с тросом, издает громкий лязгающий звук, проходя над платформой очередного массивного стального пилона, опирающегося на четыре огромных бетонных куба и оборудованного противопожарной системой и лопатой для снега – на случай чрезвычайной ситуации. Для удобства лыжников маршрут подъемника располагается над трассами скоростного спуска, чтобы пассажиры имели возможность с высоты птичьего полета оценить их сложность. Это один из самых холодных видов путешествия, известный человеку.

Генри был удивлен разнообразием реакций участников компании (в том числе и собственной реакцией), оказавшихся перед необходимостью воспользоваться подъемником, – новичков особенно потрясло то, что кресла вообще не останавливаются, а постоянно движутся по замкнутому кругу вверх, потом вниз, и человек должен успеть запрыгнуть в свое кресло, пока оно проплывает мимо него.

Полковник проделал это мастерски и, воспарив к небу, весело помахал спутникам рукой; миссис Бакфаст заняла свое место умело, но с видом вынужденного смирения и, ворча, приняла яркий красный плед, предложенный служащим. Каро, взглянув на кажущийся бесконечным транспортер, уходящий ввысь, заметно побледнела и призналась, что не предполагала, каково здесь будет на самом деле, и что у нее от высоты кружится голова.

– Не волнуйся, ты очень скоро привыкнешь, – бодро заверил ее Роджер. – Тут совершенно нечего бояться. Я поеду в кресле сразу за тобой. Просто опусти страхующую перекладину, расслабься и наслаждайся видом.

Каро не выказала никаких признаков удовольствия, однако без возражений заняла следующее кресло, опустила перекладину, с некоторым испугом уцепилась за вертикальную металлическую штангу, словно нервный ребенок на карусели, и кресло заскользило вверх. Роджер, прежде чем непринужденно усесться в кресло и, не опуская страхующей перекладины, отправиться вверх, успел перекинуться шуткой со служащим-итальянцем, узнать, что того зовут Карло и что подъемник заканчивает работу в семь часов вечера. Джимми, громко выдав какое-то остроумное замечание насчет игры со смертью, которое навело Генри на мысль, что юноша на самом деле побаивается, тем не менее игриво прыгнул на свое место; горлышко бутылки торчало у него из кармана брюк. Ожидание показалось инспектору вечностью, однако кресла двигались так быстро, что не прошло и минуты с момента отправления полковника, как он – лишь отчасти ободренный улыбкой Эмми – оказался первым в очереди, следя за спускающимся креслом, которому здесь, под навесом, предстояло обогнуть гигантское нижнее колесо транспортера. Секунда-другая – и момент настал, Тиббет ощутил под коленями край сиденья, и подъем начался.

Здесь, наверху, по дороге к «Белла Висте», было очень холодно, и, проплывая над некоторыми особенно глубокими ущельями, Генри предпочитал смотреть в точку, к которой стремился подъемник, а не вниз на заснеженные скалы. Но была и какая-то магия в этом медленном, ровном, беззвучном парении – беззвучном, если не считать металлического клацания, сопровождавшего прохождение каретки через контакты каждого очередного пилона. Однако нервирующий звук уравнивался мимолетным ощущением безопасности, поскольку, осмотрев платформу пилона, проплывавшую в каких-нибудь восемнадцати дюймах под его болтающимися ногами, Генри заметил металлическую лестницу, которая спускалась от нее на землю, и испытал пылкую надежду на то, что, если подъемник вдруг сломается, то произойдет это в момент прохождения пилона, а не тогда, когда он, инспектор, будет висеть над глубоким ущельем.

Справа, на расстоянии футов десяти, тянулся трос, по которому вереница пустых кресел с исполненной достоинства меланхолией опустевшей карусели следовала вниз, к долине. Изредка кресло на спуске оказывалось занятым – чаще всего какой-нибудь дамой неопределенного возраста в мехах и неспортивной обуви. По наблюдению Тиббета, процесс напоминал езду на эскалаторе в лондонской подземке, когда, поднимаясь, ты на миг оказываешься лицом к лицу с тем, кто едет вниз, прежде чем неумолимый механизм унесет тебя дальше. Впрочем, если обратиться к окружающим видам, сходство исчезало. Вместо кричащей рекламы, которую лондонские транспортные компании размещают для развлечения пассажиров, здесь открывался вид на снежные просторы, горы и облака, на сосновые леса и розовые скалы, на туманные долины и освещенные солнцем пики. Наконец впереди, на открытой снежной площадке, окруженной деревьями, показалась маленькая будка-станция. Низенький худой мужчина с каштаново-коричневым лицом стоял, готовый подать Генри руку; он помог прибывшему неуклюже спрыгнуть с кресла за миг до того как оно, с лязгом обернувшись вокруг маховика, заскользило вниз.

Эмми безмятежно прибыла в следующем кресле, изящно покинула его, подошла к мужу и встала рядом.

– Ну вот мы и на месте, – сказала она. – Разве здесь не замечательно?

Далеко-далеко внизу виднелась Санта-Кьяра, напоминающая игрушечную деревеньку, выстроенную на полу детской комнаты: миниатюрные домики, разбросанные вокруг абрикосово-розовой церкви. Впереди, на склоне, где кончалась трасса подъемника, до следующей горной гряды раскинулось снежное поле, формой напоминающее неглубокое блюдо. А справа, за поворотом окаймленной сугробами тропы, располагалась гостиница «Белла Виста». Остальные гости уже направлялись туда, останавливаясь через каждые несколько ярдов, чтобы привлечь внимание друг друга ко все новым местным красотам. Генри и Эмми последовали за группой не спеша, держась за руки и пребывая в умиротворенном расположении духа.

Глава 3

Одна из обаятельных особенностей горной архитектуры – ее постоянство. Сильно выступающие карнизы крутых двускатных крыш, деревянные балконы и окна со ставнями веками отличали жилища, расположенные в горах выше определенного уровня, – просто потому, что все это функционально обеспечивает наибольший комфорт и безопасность для людей, живущих среди снегов. Вот и «Белла Виста» выглядела точно так же, как любое другое горное шале – с аккуратной мозаикой дров, уложенных в поленницу, прислоненную к одной стене, с балконом-верандой и светлыми деревянными ставнями с вырезанными в них окошками-сердечками.

В холле – со стенами и полами из навощенной сосны цвета меда – мужчина в светло-синем пиджаке, пухленький, как каплун, с редкими тронутыми сединой волосами, тщательно зачесанными, чтобы скрыть лысину, приветствовал гостей сочным голосом:

– Позвольте представиться... Россати, Альберто... добро пожаловать в «Белла Висту», *meine Herrschaften*⁴... о, рад снова видеть вас, полковник Бакфаст... господин Стейнз... не будете ли вы любезны расписаться в книге регистраций... вот здесь, *bitteschoen*⁵... ваши паспорта, пожалуйста.

Один за другим гости расписывались в книге регистраций, сдавали паспорта и получали ключи. К этому времени привезли багаж, доставленный наверх в одной из двух грузовых гондол, прикрепленных к канатному подъемнику. Наконец все были устроены по номерам, и Генри с Эмми оказались одни в своей спальне. Как и во всем здании, стены здесь были светлого дерева, пол – без ковра, но теплый благодаря огромной пышущей жаром батарее под окном. На массивной резной кровати вместо шерстяных одеял лежали два огромных пуховых – белых, пышных, стеганых, толщиной не меньше фута, но легких как перышко. Обстановку довершали вместительный платяной шкаф, простой туалетный столик из ели, умывальник и два стула с прямыми спинками.

Из разговора с горничной по-итальянски удалось выяснить, что ванная комната здесь, конечно, имеется, но ванну можно принять только за 500 лир.

– Это больше пяти шиллингов, – возмутился Генри.

– В горах принять ванну всегда стоит страшно дорого, – непринужденно сообщила Эмми. – Я никогда не рассчитываю больше чем на один раз в неделю. Но в данный момент даже фунт не показался бы мне слишком высокой платой.

Они оба позволили себе роскошь принять ванну, переоделись во все чистое и в четверть восьмого были готовы к встрече с внешним миром и к аперитиву.

Бар представлял собой помещение, тянувшееся вдоль всего здания. Одна его стена полностью состояла из окон, выходивших на веранду. Снаружи было темно – луна еще не взошла, – лишь снег тускло поблескивал под чернильно-черным небом. Обстановка состояла из маленьких столиков, покрытых льняными скатертями в красно-белую клетку, молочно-белых деревянных стульев и длинной хромированной стойки с табуретами, обитыми темно-красной кожей. Кофемашина «Эспрессо» шипела и пыхтела на стойке, словно котел со змеями. Тибеты влезли на табуреты, и смуглая улыбчивая девушка подала им кампари с содовой. Кроме них, в баре находился только один посетитель – мужчина, сидевший за столиком в дальнем углу и вертевший в руке бокал с томатным соком.

Едва заметным движением головы указав на незнакомца, Эмми шепнула:

– По-моему, он совсем не похож на лыжника.

⁴ Господа (нем.).

⁵ Здесь: прошу (нем.).

Генри полуобернулся и увидел маленького человека лет за пятьдесят; все в нем было округлым – от толстых небольших пальцев, ласкавших ножку бокала, до коротких пухлых ступней, форму которых не могли скрыть замшевые туфли с острыми мысами. Лицо у мужчины было розовым, круглым и доброжелательным, за толстыми линзами очков моргали маленькие глазки.

Несколько минут спустя в бар вошел синьор Россати, хозяин. Быстрым шагом он направился к человеку, сидевшему в углу, и тихо заговорил с ним по-немецки. Мужчина приветливо кивнул, опорожнил бокал, и, продолжая оживленно беседовать, оба вышли из бара. Они пересекли холл, и Генри услышал, как щелкнул замок закрывшейся за ними двери служебного кабинета Россати. Голоса смолкли.

– Кажется, наш хозяин двуязычен, – заметила Эмми.

– В этих краях почти все двуязычны, – ответил Генри. – Мы ведь отъехали всего ничего от австрийской границы, и эта провинция до тысяча девятьсот девятнадцатого года была частью Австрии. Сейчас официальный язык здесь итальянский, но для значительной части населения немецкий остается гораздо более привычным – особенно в небольших селениях.

– Интересно, вызывает ли это недовольство у местных жителей – то, что их произвольно передали Италии?

– Официально – нет. Неофициально – да, разумеется. Но это не принято демонстрировать. Ничто не должно отрицательно влиять на приток туристов. – Генри повернулся к барменше. – Вы говорите по-английски – *parla Inglese?* – спросил он.

Та фыркнула, покачала головой и сказала – нет.

– *Tedeschi?*⁶

Ее лицо осветилось.

– *Ja, ja.*

Хлынул быстрый поток немецкой речи, но Генри лишь улыбался и отрицательно качал головой. Затем объяснил жене:

– Видишь? Я сделал вид, что не понимаю. Не хочу, чтобы наши английские друзья знали, что я говорю по-немецки и по-итальянски. Но ты слышала, что она сказала?

– Для меня она говорит слишком быстро, – призналась Эмми. – Ты же знаешь, мой немецкий не настолько хорош. Самое большее, что о нем можно сказать, так это то, что он лучше итальянского.

– Она сказала, что немецкий – ее родной язык, и она была бы счастлива общаться с нами на нем, если мы не знаем итальянского. Это было бы для нее большим облегчением, – перевел Генри.

Внезапно холл за дверью бара наполнился итальянской речью и бодрым топотом ботинок.

– Лыжи... лифт... финиш, – с трудом подбирая английские слова, объяснила барменша.

В открытую дверь инспектор увидел баронессу, вслед за Гердой и детьми поднимавшуюся по лестнице. Мужской голос произнес: «Мария Пиа...» – и она остановилась, отстав от шедших впереди. Смуглый молодой итальянец в чрезвычайно элегантных темно-синих брюках появился в поле зрения Генри. Стоя у подножья лестницы, он положил ладонь на руку баронессы, удерживая ее, и заговорил настойчиво, но тихо. Та мягко освободила руку и покачала головой, но он снова поймал ее запястье и потянул баронессу вниз, к себе. В этот момент за поворотом лестницы возникла Герда с бесстрастным выражением лица. Молодой человек резко отпустил руку Марии Пиа, сделал какое-то шуточное замечание и взбежал по лестнице мимо обеих женщин, перескакивая через две ступеньки. Герда что-то сказала баронессе, и они пошли дальше вместе. Тем временем Тиббет с любопытством заметил, что в холл вместе

⁶ Здесь: а по-немецки? (*ит.*)

вошли полковник Бакфаст и Роджер Стейнз, в полном лыжном снаряжении, с налипшим на ботинки снегом.

– Signori Inglesi...⁷ очень много *лыжи*... уже сегодня, – стараясь изо всех сил, сказала барменша. – Пол-ков-ник Бак-фаст, он... лыжи *molto*...⁸ вы не кататься?

– Пока нет, – ответил Генри.

– На третьей трассе ужасное скольжение, ледяной наст, – говорил полковник. – Вы очень благоразумно выбрали первую.

– Первое, что я сделаю утром – это отправлюсь именно по третьей, – возразил Роджер. – Просто я подумал, вечером там освещение будет обманчивым.

– Очень разумно, – повторил полковник. – Не зная броду, не суйся в воду, – наставительно произнес он и, понизив голос, добавил: – Этот тип, Фриц Хозер, снова здесь. Помните? Я видел его в конторе у Россати, когда выходил. Не нравится мне этот парень.

– Хозер? Ах да, тот немец, коротышка... был здесь в прошлом году. В толк не возьму, зачем он приезжает, если не лыжник...

И они направились вверх по лестнице.

Ужин начался довольно приятно. Баронесса в умопомрачительных черных бархатных брюках и белой шелковой блузке сидела одна, но оживленно и громко переговаривалась со смуглым молодым итальянцем, тоже сидевшим за отдельным столиком. Герда, вероятно, ужинала наверху с детьми. Бакфасты (миссис Бакфаст облачилась в сиреневый креп) устроили целое представление из усаживания за «свой обычный» стол, который ничем не отличался от остальных, но якобы подчеркивал их превосходство. Генри и Эмми, следуя настойчивому приглашению Джимми, присоединились к троице молодых англичан за большим столом в центре зала. За другим центральным столом сидела явно немецкая семья: уютная пухлая блондинка лет за сорок, мужчина с землистым лицом, прямой спиной и глубоким шрамом на щеке и пышущая здоровьем девушка, предположительно их дочь, без малейших признаков косметики, с прической, которая совершенно не шла ей, – косами, закрученными на манер наушников. Девушка молчала. В углу в одиночестве ужинал Фриц Хозер, он ел быстро и сосредоточенно.

Роджер был переполнен впечатлениями после первой в нынешнем сезоне вылазки.

– Снег еще трудный, – тоном знатока заявил он. – И его пока недостаточно, к сожалению, – в прошлом году в это время было куда лучше. Тем не менее – ничего сложного, если вы знаете, как вести себя на такой трассе.

– Я, например, уж точно не знаю, – откликнулся Генри, – поэтому для начала собираюсь завтра же утром записаться на инструктаж.

Джимми и Каро поддержали его.

– Я пойду с вами, – пророкотал от своего стола полковник Бакфаст, который не мог позволить Роджеру перетянуть одеяло на себя. – Разумеется, лишь для того, чтобы вас представить. Я знаком со всеми. Чудесные ребята. Хорошо бы вам попасть к Джулио – это лучший здешний инструктор. Его брат Пьетро послабее будет. Оба – сыновья старика Марио, того, что управляет подъемником на верхней станции. Он сам когда-то был первоклассным инструктором, пока не доездили.

С умиротворенно любезным видом полковник откинулся на спинку стула, довольный тем, что продемонстрировал свою осведомленность в местных делах.

Прежде чем кто-нибудь успел вымолвить хоть слово, Мария Пиа тихо произнесла:

– Джулио погиб.

⁷ Господа англичане (*ит.*).

⁸ Здесь: много (*ит.*).

– Что?! – Роджер со стуком уронил ложку в тарелку с супом и, резко развернувшись, посмотрел на баронессу. Затем, почувствовав, что его собственные приятели с удивлением уставились на него, пробормотал: – Просто я довольно хорошо знал его. Джулио учил меня кататься, когда я приезжал сюда в прошлом году.

– Ну и ну... Мне чертовски жаль, – сказал полковник, лицо которого приобрело цвет красной смородины. Он выглядел искренне огорченным, однако Генри не мог бы сказать с уверенностью, по какой именно причине: то ли из-за смерти Джулио, то ли потому, что кто-то узнал о ней раньше, чем он.

– Как это случилось? – спросил полковник. – Он ведь был совсем еще юношей.

– Несчастный случай во время спуска на лыжах, так мне сказали в деревне, – ответила баронесса и после паузы добавила: – На прошлой неделе.

– Он был очень... безрассудным молодым человеком, – присоединился к разговору смуглый итальянец, тщательно произнося слова, отчасти потому, что говорил с глубокой искренностью, отчасти – из-за того, что затруднялся говорить по-английски. – Это неудивительно. Если бы не лыжи, то что-нибудь другое... Он и на автомобиле гонял как бешеный... никаких тормозов... он был обречен погибнуть.

– Джулио должен был участвовать в имменфельдской гонке. Имменфельд здесь рядом, сразу по ту сторону австрийской границы, – продолжила баронесса. – Там очень опасная трасса, и гонка наверняка была запрещена из-за состояния снежного покрова. Но именно потому, что это не было дозволено, Джулио не мог не попробовать. Таким он был. Его нашли на дне расселины. Одна лыжа осталась у него на ноге. Другую, как и палки, вообще не нашли.

Повисла неловкая пауза.

– Бедный старик Марио, – произнес наконец полковник, вытирая усы салфеткой.

Послышался стук дерева о дерево: это Фриц Хозер приподнялся и переставил стул поближе к столу. Только он и немецкое семейство казались совершенно не взволнованными этим разговором. «Может быть, они не понимают по-английски», – подумала Эмми.

Закончив ужинать, Хозер подошел к столу, за которым сидели немцы, что-то тихо сказал девушке и через весь зал направился к выходу. У двери он задержался, словно принял какое-то решение. Потом развернулся и, обращаясь ко всему залу, заявил на хорошем английском:

– Этот идиот Джулио мертв. И это его собственная вина. Он не подчинился установленному порядку. Пусть это послужит предостережением для других лыжников.

И, коротко отвесив забавный кивок, вышел.

– Злобный коротышка, – сказала Каро.

– Тем не менее то, что он сказал, справедливо, – ответила баронесса. – Если человек ведет себя разумно, опасаться нечего. Только глупость приводит к беде.

– Именно так я всегда и говорю, – произнесла миссис Бакфаст неожиданно и очень твердо. – Всегда требуется соблюдать осторожность.

Генри вдруг охватило необычное ощущение всеобщей напряженности, будто каждая произнесенная фраза таила некий скрытый подтекст, и все говорившие посылали какой-то намек – кому? Всем? Кому-то одному? Он огляделся. Каро, уставившись в тарелку, выглядела так, словно ей было неуютно. Роджер отодвинул еду и, похоже, был искренне расстроен. Полковник, опустив подбородок на грудь, о чем-то размышлял. Но так же быстро, как пришло, тревожное ощущение рассеялось и показалось нелепым. Баронесса заметила, что это большая трагедия, но такое случается, так что событие не должно омрачить им отдых, и добавила: поскольку лед теперь сломан, она хотела бы представить всем Франко ди Санти (смуглого итальянца) – скульптора из Рима, с которым познакомилась здесь в свой предыдущий приезд.

– Так что мы давние друзья, – сообщила она с ослепительной улыбкой.

Это вернуло разговор в нормальное русло, и когда все заверили, что счастливы познакомиться с Франко, Роджер спросил полковника, собирается ли он опробовать Галли – трассу,

которая, как он объяснил остальным, является самым прямым, но также и самым крутым спуском к деревне. Полковник раздраженно ответил, что навел справки на этот счет и оказалось: эта трасса закрыта до дальнейших распоряжений из-за чрезвычайно опасного состояния снежного покрова. Побоявшись, что это известие вернет разговор к гибели Джулио, Эмми поспешила спросить Роджера, как гости «Белла Висты», находясь в полной изоляции, обычно проводят вечера. Роджер просиял и ответил, что в баре имеется чертовски хорошая радиола и почему бы им всем не пойти туда потанцевать?

– Как насчет этой бедной немочки? – спросил Джимми вполголоса, указывая на стол, где сидело немецкое семейство. – Давайте пригласим ее с нами.

– Да, давайте, – подхватила Каро драматическим шепотом. – Бедняжка, похоже, запугана так, что и говорить не решается.

Генри понадеялся, что немецкое семейство не понимает по-английски: разумеется, по их виду невозможно было догадаться, понимают ли они, что речь идет о них, потому что те продолжали флегматично есть сыр и поглощать корнишоны.

– Роджер, старик, спроси ты, – сказал Джимми. – Ты ведь мастер зубы заговаривать.

– Да, Роджер, дорогой, давай, – подхватила Каро.

С некоторой неохотой тот встал и направился к соседнему столу. Каро и Джимми видели, что молодой человек, излагая приглашение, мобилизовал все свое незаурядное обаяние, однако получил решительный отказ. Не успела девушка и рта раскрыть, как ее отец коротко проскрежетал что-то, и все трое, поднявшись из-за стола, чеканным шагом покинули столовую. Роджер вернулся к своей компании удрученный и сердитый.

– Очень мило, ничего не скажешь, – заметил он, плюхаясь на стул.

– Что этот старый боров тебе сказал? – озабоченно спросила Каро.

– Пробубнил, что об этом не может быть и речи, и потащил несчастную девочку прочь, не дав ей и слова сказать, – ответил Стейнз.

– Дева в беде... прелестно. – Джимми был чрезвычайно доволен собой, и его заговорщицкая улыбка оказалась заразительна. – Мы должны вырвать ее из когтей дракона. Кто знает, где ее комната?

Каро охотно сообщила, что видела, как девушка выходила из номера напротив ее собственного на верхнем этаже.

– Моя комната находится в глубине дома, значит, ее должна располагаться над входной дверью.

– Отлично, – сказал Джимми. – Подождем, пока они улягутся, а потом мы с Роджером заберемся к ней на балкон и споем серенаду...

– Не говорите глупостей, вас все услышат, – возразила мисс Уиттакер.

– Мы будем петь очень тихо, – не без сарказма пообещал Джимми.

– И тогда она уложит под одеяло валик, а сама тайком спустится по лестнице...

Продолжая с упоением развивать этот сюжет, все направились в бар.

– ...а если старый мерзавец явится и устроит сцену, – продолжал молодой Пассденделл, – обещаю, что я...

И осекся на полуслове. Из бара доносилась мелодия сентиментальной неаполитанской песни о любви, которую исполнял роскошный тенор под аккомпанемент гитар; и в проеме двери они увидели «деву в беде», степенно вальсирующую с Фрицем Хозером, между тем как ее родители, сидя за столиком, потягивали кофе с итальянским бренди.

Эмми расхохоталась.

– Вот вам и «дева в беде», – сказала она.

На беднягу Джимми обрушился град добродушных подтруниваний, которые тот воспринял с обычной невозмутимостью. Вскоре танцевали все. Баронесса, потанцевав один раз с Роджером и несколько раз с Франко, объявила, что очень устала и хочет завтра пораньше встать,

чтобы кататься на лыжах, после чего ушла; Генри и Эмми тоже решили, что пора спать, и Франко с ними согласился. Когда ушли и они, Роджер и Каро исполнили для Джимми ча-ча-ча; полковник Бакфаст между тем заказал еще бокал бренди – скорее всего, последний на сегодняшний день, а миссис Бакфаст пожаловалась, что итальянцы никогда не научатся варить хороший английский кофе.

Лежа в постели и протянув руку, чтобы выключить свет, Эмми заметила:

– Бедный Джимми. В роли сэра Галахада ему сегодня не повезло.

– Да. – Голос Генри был уже совсем сонным. – Хотя кто знает... возможно, ему еще раз доведется выступить в этой роли...

Эмми приподнялась на локте.

– Ты имеешь в виду, что ей не очень понравилось танцевать с Хозером?

– А тебе бы понравилось?

– Не знаю. Он кажется весьма разумным парнем, хоть и коротышка. Дорогой...

– М-м-м? – Генри уже спал.

– Дорогой, ты думаешь, что баронесса приехала сюда для тайной встречи с Франко ди Санти? Он потрясающе привлекателен и, я уверена, влюблен в нее...

– Ох, спи уже, – пробормотал Тиббет, уткнувшись в подушку.

В наступившей тишине снизу доносился слабый звук радиолы, ритмичный и назойливый. Последней мыслью Эмми перед сном была мысль о незнакомом молодом человеке по имени Джулио, одиноко лежащем на дне ледяного ущелья с лыжей, все еще пристегнутой к ноге.

Глава 4

На следующее утро полковник Бакфаст доказал, что держит слово, и отправился сопровождать новичков в лыжную школу.

– Школа в Санта-Кьяре, – объяснил он, – но поскольку вы забронировали места и все организовали заранее, попробую уговорить их каждый день присылать вам инструктора сюда, наверх. Сегодня вам лучше спуститься по канатной дороге, а я буду ждать вас внизу.

Роджер заявил, что намерен опробовать новый лыжный подъемник, который только в этом сезоне установили в другой долине, на противоположном от деревни склоне.

– Ах да, трассы для начинающих, – заметил полковник. – Очень благоразумно с вашей стороны изменить планы и отказаться от маршрута номер три.

Молодой человек одарил собеседника свирепым взглядом, но сказал лишь: «Увидимся за ленчем». Миссис Бакфаст устроилась на солнечной стороне веранды, ее плетеное кресло стояло в одном ряду с креслами немецкой четы и Фрица Хозера, который явился в темных очках с окулярами размером не меньше блюда и шегольских ботинках из леопардовой кожи.

Полковник прикрепил лыжи и, прокричав: «Боже мой, какое чудесное утро! Встречаемся внизу!», помчался по спуску, в начале которого стоял столб со стрелкой и крупной цифрой «1». Остальные гурьбой затопали по тропинке к подъемнику.

Лыжники уже поднимались наверх. Не все кресла подъемника были заняты, но людей прибывало достаточно, чтобы Марио не зевал. Наблюдая за маленьким добродушным человечком, сновавшим между лыжниками, Генри удивился, что накануне не заметил его явной хромоты, предположительно и являвшейся результатом того, о чем полковник сказал: «Доездили». Марио очевидно был личностью популярной. Все прибывающие по канатной дороге лыжники знали его, и он почти каждого приветствовал по имени, в самой веселой манере сетуя на прискорбный недостаток снега. Если он и страдал из-за своего увечья, то ничем этого не показывал, и Тиббет понимал, что как человек, всю жизнь проведенный на лыжах, старик научился воспринимать сопровождающий это занятие риск с философским фатализмом, а также усвоил код поведения, принятый в тех местах, процветание которых зависит от туризма: никогда не демонстрировать на публике личные неприятности – шоу должно продолжаться.

Генри ожидал, что спуск будет еще более головокружительным испытанием, чем подъем, но ошибся. На самом деле маленькое путешествие оказалось восхитительным: эдакое олимпийское ощущение бесшумного скольжения меж вершин деревьев вниз, к деревушке – должно быть, именно так Аполлон или Меркурий спускались на землю, чтобы вмешаться в мелкие дела смертных. К тому же сейчас, когда солнце припекало, было гораздо теплее. Навстречу им кресла подъемника одно за другим плыли вверх – теперь пустых мест не было, – и инспектор заметил, что все сидевшие в них отстегивали лыжи и клали их на колени поперек кресла вместо страшной перекладки.

Внизу Карло помог им сойти на землю и принял плату за проезд, а за турникетом, взвалив лыжи на плечо, сияя и с восторгом вдыхая чистый горный воздух, уже ждал полковник.

– Ну, вперед! – бодро протрубил он. – Все на месте? Все в порядке? Отлично. Первая остановка – лыжная база.

Бакфаст оказался человеком чрезвычайно знающим и полезным. Прежде всего он препроводил компанию англичан в маленькую темную мастерскую, где пахло горячим воском и сосновым деревом, там всем подобрали лыжи и палки, а для Тиббетов также и ботинки.

После этого все направились к маленькому выкрашенному голубой краской строению, располагавшемуся на деревенской улице, где проверили их предварительную запись в лыжную школу и приняли плату за услуги инструктора на неделю вперед. Эмми, с ее большим опытом, определили во второй класс (она скромно отказалась от более высокой ступени, пока немного

не попрактикуется, чем заслужила одобрителный кивок человека за стойкой регистрации). Это означало, что ей придется каждое утро спускаться на занятия в деревню либо на лыжах, либо на подъемнике. Что касается новичков, то, поскольку в отеле их оказалось сразу четверо (включая, как выяснилось, немецкую девушку, которую здесь, в лыжной школе, все почему-то называли «бедная фройляйн Книпфер») и сезон еще только начинался, а потому царило затишье, сошлись на том, что при отеле для них формируется отдельный класс и инструктор будет сам приезжать к ним каждое утро. Полковник – на чудовищном итальянском – убедительно попросил, чтобы этим инструктором был Пьетро Веспи, второй сын старика Марио. Поскольку тот оказался одним из немногих инструкторов, хоть чуточку говоривших по-английски, эту просьбу также удовлетворили.

– Пьетро будет ждать вас на первый урок в половине третьего, – сказал администратор, вручая им карточки учащихся лыжной школы.

Когда все формальности были благополучно завершены, полковник отправился обратно к подъемнику, чтобы до ленча совершить еще несколько спусков, а остальные решили ознакомиться с деревней и пройтись по магазинам.

– Предупреждаю: английских сигарет вы здесь не найдете! – крикнул им Бакфаст из очереди на подъемник. – А единственный магазин, торгующий американскими, – это *Generi Misti*⁹, напротив отеля «Стелла». В нем заправляет Роза Веспи... жена Марио... очень приятная женщина... скажите, что это я вас прислал. – И полковник исчез за турникетом.

Санта-Кьяра мало чем отличается от любого другого альпийского курорта. Деревенская улица тянется от массивного белого основания отеля «Стелла» на одном конце до кажущейся невесомой в силу своей архитектуры церкви абрикосового цвета – на другом. Продовольственные и винные магазины, хозяйственный и магазин бытовой химии – маленькие и темные, поскольку предназначены для местных жителей. В противоположность им витрины двух роскошных современных спортивных торговых центров демонстрируют соблазнительную роскошь: в них выставлены красивые свитера, шелковые шарфы и анораки, итальянские модели которых исключительно хороши; обрамляют это восхитительное изобилие ряды сияющих разноцветных лыж и лыжных палок. Во всех магазинах, независимо от того, чем они торгуют, имеются стеллажи с красочными открытками – глянцевыми, имитирующими старинные фотографии, по двадцать лир за штуку или (неестественно-яркие цветные) – по тридцать.

Компания англичан с восторгом бродила по главной улице, глаза на витрины и покупая открытки. Вскоре они обнаружили, что в это время дня – была половина двенадцатого – вся жизнь деревни сосредоточивалась в барах и кафе. Их было бесчисленное множество. Оформление по последней моде – в лиловых и оранжевых тонах – и миланская мебель черного дерева отличали фешенебельный бар «Олимпия»; красный плюш и свечи в птичьих клетках источали дух старой Вены в баре «У Альфредо»; потрепанная обстановка в стиле «ар нуво» с мебелью из хромированных труб помещала кафе «Палом» в нижний разряд иерархии; между тем как не только выскобленные деревянные столы и стулья, но и само название бара – «Шмидт» – делали его практически недоступным для посторонних посетителей. Здесь местные накачивались своим пивом и вермутом и откровенно высказывали то, что думали о приезжих. Лишь когда какому-нибудь гостю удавалось установить по-настоящему доверительные отношения с деревенскими жителями, его иногда приглашали в *sanctum sanctorum*¹⁰, которая являлась истинным сердцем Санта-Кьяры и откуда исходили все сплетни. В конце концов английские туристы устроились выпить кофе в «Олимпии».

– Наверняка тут баснословно дорого, – сокрушался Джимми.

Так и оказалось. Зато там было очаровательно, и кофе – выше всяких похвал.

⁹ Букв.: разные товары (*ит.*).

¹⁰ Святая святых (*лат.*).

Как все члены небольшой группы поняли по одиночеству, в котором оказались на вокзале в Инсбруке, англичане и американцы еще не открыли для себя Италию как страну зимних видов спорта. «Олимпия» была полна нарядных итальянок и француженок, которые предпочли провести утро в праздной болтовне друг с другом, пока их мужья катались на лыжах; кое-где можно было заметить более скромных на вид немцев и австрийцев. Многие при звуках английской речи повернули головы – появился свежий повод почесать языками.

За соседним столиком сидели две молоденькие итальянки, загадочно-прелестные, явно богатые и избалованные. Наслаждаясь кофе, Эмми уловила в потоке итальянской речи у себя за спиной имя баронессы фон Вюртбург. Она толкнула мужа ногой под столом и почти незаметно кивнула назад. Когда девушки ушли, миссис Тиббет сказала, что ей нужно купить сигарет, и Генри пошел с женой в магазин Розы Веспи, пока остальные позволили себе выпить еще по чашке кофе.

На улице Эмми схватила мужа за руку.

– Ну давай, колись. Что они говорили? Я умираю от любопытства.

– Я всегда считал, что ты не интересуешься сплетнями, – укоризненно заметил Генри.

– Не занудствуй. Рассказывай.

Тиббет ухмыльнулся.

– Ладно. Ты не единственная, кто не считает Марию Пиа пай-девочкой, – сказал он. – Из их разговора можно было понять, что они хорошо знали ее в Риме, до замужества. И Франко ди Санти они тоже знали. Скорее всего, у него – ни гроша, и они думают, что баронесса ходит по краю пропасти: судя по всему, с ее мужем шутки плохи.

– Я это сразу поняла. Стоило только взглянуть на него... – Эмми едва заметно передернула плечами. – Бедная Мария Пиа.

– Интересно, почему она вышла за него, если так ненавидит? – задумчиво произнес Генри.

– Может, на самом деле она его и не ненавидит...

– Нет, ненавидит! Ты видела ее лицо там, в Инсбруке?

– Да, но...

– Мы пришли, – сообщил Генри.

Они остановились перед маленьким тесным магазином, над которым красовалась вывеска «Разные товары». Товары действительно были очень разными. Огромные упаковки спагетти и макарон всех форм и цветов теснились рядом с гирляндами детских туфель, связанных наподобие луковых плетенок; красочные открытки (куда без них) делили прилавок с миндалем в сахаре и сыром; пармская ветчина источала соблазнительный аромат рядом с наваленными кучей солнцезащитными очками; изящные бутылки кьянти свисали на крюках вперемешку с салями, мортаделлой и ботинками-снегоступами. В магазине стоял густой смешанный запах чеснока, пыли, сыра и лакричных конфет. И нигде ни малейшего признака сигарет.

Коренастая женщина за прилавком, в белоснежном, без единого пятнышка фартуке, взвешивала мясистые черные оливки на медных, начищенных до блеска весах. Ее волевое загорелое лицо было изрезано смешливыми морщинками, и она безостановочно болтала с покупателем – маленьким мальчиком в рваной полотняной кепке.

– *Eccoli!*¹¹ – Роза Веспи бросила еще пару оливок на и без того уже полную чашу весов и ловко скрутила бумажный кулек, из которого начал вытекать черный сок, как только мальчик сжал его своими маленькими пальчиками.

– Синьора Веспи? – сказал Генри.

– *Si, Signore.*

¹¹ Здесь: ну вот (*um.*).

– *Non parlo Italiano*¹², – решительно вставила Эмми.

– *Ah, Inglese?*¹³ – просияла хозяйка магазина. – *Sigarette Americano, no?*¹⁴

– Да, пожалуйста, – ответил Генри.

Волна черных нижних юбок колыхнулась над прилавком, когда Роза Веспи, нырнув своим крупным торсом под него, стала шарить в темных недрах. Раскрасневшаяся, с победным видом, она возникла вновь, словно Афродита из пены морской, с четырьмя пачками «Кэмела».

Генри протянул пятитысячную банкноту, которую недавно поменял в отеле. Роза закудала над ней и стала рыться в обшарпанном выдвижном ящике, служившем кассой, словно курица, раскапывающая червяка в пыли. В конце концов, не сумев наскрести достаточно бумажек и блестящих медных монет, она бодро улыбнулась покупателям, несколько раз повторила: «*Momento, signore*» и скрылась за дверью позади прилавка, которая вела в семейное жилое помещение.

Через открытую дверь Тиббету была хорошо видна гостиная – небольшая комната, загроможденная обшарпанной тяжеловесной мебелью красного дерева с набивкой из конского волоса и щедро украшенная пластмассовыми статуэтками шести или семи разных святых. Его внимание, однако, привлекли два других предмета. Первым была новенькая и явно дорогая радиолы, неуместно засунутая под замусоленную оконную занавеску. Вторым – что-то вроде алтаря, искусно сооруженного из черного крепа и черных лавровых листьев и занимающего центральное место на каминной полке; по обоим краям мерцали две маленькие свечки, а посередине стояла черно-белая чуть выцветшая фотография исключительно красивого молодого человека с иссиня-черными волосами, дерзко взиравшего изнутри петли четок, висевших поверх портрета. Этим молодым человеком мог быть только Джулио, трагически погибший инструктор по горным лыжам, сын Розы. Генри невольно задумался: является ли эта демонстрация скорби – столь же не вяжущаяся с очевидно бодрым настроением синьоры Веспи, – не более чем благочестивой декорацией, просто символом родительского горя, или она выражает истинную, глубоко скрытую душераздирающую боль, которую семья не может позволить себе выставить на публичное обозрение.

Минуты через две Роза вернулась со сдачей и тщательно закрыла за собой дверь. Генри и Эмми поблагодарили, пообещали вскоре навеститься снова и вышли из магазинного полумрака на солнечную, ослепительно сияющую деревенскую улицу.

Джимми ожидал их перед входом в «Олимпию». Каро, как он им сообщил, в конце концов не устояла перед соблазном итальянских свитеров и исчезла со своими дорожными чеками в недрах одного из роскошных спортивных магазинов.

– А это означает, друзья, – сказал молодой человек с мрачной серьезностью, – что у чертовой девчонки отныне и до конца пребывания не будет ни гроша, и догадайтесь, кому придется платить за все ее проклятые штучки.

С этими словами он зашагал на поиски заблудшей Каро в надежде остановить шопинг; синяя вязаная шапочка нелепо подпрыгивала над его тощей фигурой.

Когда они шли от подножья холма к подъемнику, Эмми сказала:

– Удивительно, что Джимми тревожится о деньгах, – он должен быть богат.

– Ему разрешается обменять денег не больше, чем любому из нас, – напомнил ей Генри.

– Я знаю, но...

– Эй, вы там! – закричал кто-то сверху. Тиббеты подняли головы и посмотрели туда, где лыжня выныривала из леса, чтобы пересечь последнее снежное поле перед подъемником. Человек энергично махал лыжной палкой, и они узнали мистера Бакфаства – узнали лишь

¹² Я не говорю по-итальянски (ит.).

¹³ А, вы англичане (ит.).

¹⁴ Американские сигареты, да? (ит.).

благодаря одежде, потому что не было практически ничего общего между грузным нескладным полковником, с которым они недавно познакомились, и этой легкой фигурой, стремительно мчавшейся им навстречу с изяществом стрижа в полете. Это был совершенно неожиданный Бакфаст – полковник, который не просто напоминал, а действительно превратился в птицу. Наблюдая за ним, Тиббеты понимали причину его лыжного фанатизма. Каждый год на несколько коротких недель полковник попадал в свою стихию: освобождался от повседневной рутины, от жены, окружения, собственных ограничивающих жизненных правил...

Грация фигура, взметнув гигантский снежный веер, сделала вираж, остановилась возле них и сразу стала узнаваемой: сверхэнергичный, дородный, оперирующий штампами мужчина средних лет. Страхивая снег с лыж, он тут же принялся отпускать прискорбно предсказуемые шутки.

Все вместе они отправились к подъемнику, чтобы не опоздать на ленч.

Роджер, похоже, с утреннего катания вернулся рано, потому что, войдя в холл, компания увидела его сидящим в баре и болтающим с Фрицем Хозером, единственным, кроме него, посетителем. Когда остальные разбрелись по своим комнатам, Генри заметил, что Каро подошла к открытой двери бара и остановилась как будто в нерешительности – войти или не стоит.

К тому времени, когда все спустились в бар, Хозер исчез. Каро и Роджер сидели у стойки и пили чинзано, а Книпферы устроились в углу с большими бокалами пива. Ни Мария Пиа, ни Франко видно не было – они уехали рано утром, прихватив сухой паек, – но дети затеяли какую-то шумную и сложную игру посреди комнаты отдыха. Фройляйн Герда сидела тут же, невозмутимо читая книгу и лишь через определенные промежутки времени отрывая от нее взгляд, чтобы сказать: «Ганси... Лотти...» – бесстрастно, но так непрекращаемо, что по крайней мере на полминуты после этого наступала тишина.

Во время ленча полковник предложил Роджеру покататься вместе: судя по всему, в нынешнем приступе дружелюбия ему хотелось заглазить вину за свои язвительные замечания по поводу третьего, сложного маршрута. Молодой человек согласился, и они вдвоем отправились в лыжный сарай, обсуждая преимущества всевозможных лыжных мазей для нынешних условий. Когда они вернулись, Генри отметил, что у обоих в карманах – маленькие коробочки с воском разных цветов и, прежде чем отправиться на трассу, оба долго и усердно натерли скользящие поверхности своих лыж.

Миссис Бакфаст объявила, что положительно не собирается еще три часа провести в обществе Книпферов.

– Они ничего не делают, – шепотом поведала она Тиббету. – Только едят. Отвратительно. Мистер Хозер довольно приятный человек, но ему пришлось отправиться в Кьюзу по делам. Так что я полежу немного, а потом на подъемнике спущусь в деревню выпить чаю.

Эмми отправилась на канатной дороге в Санта-Кьяру на занятия своей группы, а Генри, Джимми, Каро и фройляйн Книпфер остались на террасе; их лыжи стояли рядом у стены в ожидании прибытия Пьетро и начала первого урока. Точно в половине третьего они увидели инструктора в великолепном красном анорাকে, вышедшего из-за поворота тропы, ведущей от подъемника.

Для инструкторов по горнолыжному спорту это традиция – быть красавцами. Но Пьетро был выдающимся красавцем даже среди инструкторов: высок ростом и строен, с идеальными классическими чертами лица, с загорелой кожей цвета ореха, с глазами темно-синими, как сапфиры; когда он улыбался – а улыбался он часто, – белоснежные зубы сверкали. Генри сразу отметил его фамильное сходство с несчастным Джулио, но если у последнего волосы были черными, то у Пьетро – светлыми, как у боттичеллиевского ангела. Сейчас, на солнце, они блестели и отливали золотом.

– Добрый день, – заговорило это видение на недурном, кстати, английском. – Я – Пьетро, ваш инструктор. Не откажите в любезности дать мне свои карточки, чтобы я мог выучить ваши имена.

Так начался первый урок. Для начала Пьетро заставил их трудолюбиво подниматься на небольшую возвышенность лесенкой, горизонтально впечатывая одну лыжу все выше и выше и приставляя к ней другую, пока у всех не заболели икроножные мышцы. Потом он показал, как сохранять равновесие на лыжах, как сгибать колени и бросать вес тела вперед. А после этого предложил, следуя за ним, спуститься по невысокому пологому склону. Один за другим новички трогались, набирали скорость, яростно молотили палками по воздуху и... садились на снег – все, кроме Джимми, который сохранил вертикальное положение не столько благодаря естественным способностям, сколько благодаря исключительной врожденной осторожности, не позволявшей ему разгоняться сверх меры. Этим он отличался от Каро, которая бросилась вперед безоглядно и секунды три на большой скорости держала хорошую стойку, прежде чем отважно рухнуть головой вперед. Фройляйн Книпфер, которая к тому времени уже целую неделю брала уроки катания, представляла собой комок нервов и ненавидела каждую минуту этого занятия.

– Смелее, фройляйн! Быстрее! Быстрее! – подбадривал ее Пьетро по-немецки. Бедняжка всаживала палки в снег в отчаянной попытке оттолкнуться и увеличить скорость, но тут же падала. Генри начинал сочувствовать Пьетро, чье терпение, казалось, было на исходе. Никто из его учеников не демонстрировал никаких успехов, но, в конце концов, это ведь первое занятие, подумал Тиббет. Ему уже сейчас было ясно, что к завтрашнему дню они обойдут фройляйн просто потому, что бедняжка панически боялась даже попробовать научиться.

Еще после нескольких попыток стало очевидно, что Каро с ее бесшабашной удалью станет звездой их класса.

– Браво, мисс Каро! – крикнул Пьетро, когда девушка на гораздо большей скорости, чем остальные, преодолела спуск и, попытавшись сделать разворот вниз, кувыркнулась в снег.

– Немного терпения, мисс Каро. Этому мы будем учиться завтра.

Пьетро явно был в восторге.

Джимми оставался воплощением осторожности.

– Вам нужно добавить немного смелости, мистер Джимми, – посоветовал инструктор, чем привел молодого человека в ярость.

– Меня и близко нельзя сравнивать с этой девчонкой Книпфер, – сердито прошептал он в ухо Генри. Джимми был совершенно уверен, что ничего сложного в катании на горных лыжах нет, что для этого требуется лишь желание, остальное с легкостью приложится. Но пока не получалось.

– Согните колени! – кричал ему Пьетро. – Наклонитесь вперед, мистер Джимми... Нет, нет, нет, не откидывайтесь назад...

– Я научусь, даже если это убьет меня, – заметил молодой человек, выныривая из сугроба, в который только что воткнулся головой. Он был похож на снеговика. Джимми упорно практиковался в спуске, между тем как остальные уже осваивали повороты.

Генри оказался твердым середнячком.

– Чуть-чуть больше *corragio*,¹⁵ чуть-чуть больше сосредоточенность – и мы сделаем из вас вполне приличный лыжник, мистер Генри, – сказал Пьетро, оценивая возможности ученика, как догадался Генри, выше, чем они того заслуживали. И все снова поднялись на невысокую насыпь, чтобы совершить очередную попытку.

Итак, в первый день катания случилось чудо, уже ставшее обыкновенным явлением. Обладатели трех пар ног (увы, включить фройляйн Книпфер в их компанию было невоз-

¹⁵ Смелость (*um.*).

можно), которые в начале урока не сомневались, что никогда, никогда эти огромные неповоротливые дощечки не станут ничем иным, кроме как острыми и скользкими ловушками, к четырем часам научились воспринимать и использовать свои лыжи как практичное и восхитительное продолжение собственных ступней; каждый из новичков испытал, пусть всего мгновение, скромный триумф гладкого, стремительного безмолвного скольжения вниз.

По окончании урока все в приподнятом настроении вернулись в отель, уже чувствуя себя опытными горнолыжниками.

– Я, – объявила Каро, набив рот булочкой с кремом, – безумно влюбилась в Пьетро.

– Не будь такой предсказуемой. Тебе это не идет, – ехидно откликнулся Джимми. – Это очень провинциально – влюбиться в своего лыжного инструктора. И кроме того, думаю, он слишком самодоволен.

Девушка тут же приняла воинственную позицию.

– Почему тебе непременно нужно высмеять любого, кто мне нравится? – горячо воскликнула она. – Ты тоже был бы самодовольным, если бы был столь же красив, как он, так же божественно катался на лыжах и... – Она вдруг оборвала себя на полуслове и совсем другим тоном спросила: – А где Роджер?

– Поехал кататься с полковником Бакфастом, – ответил Генри. – Полагаю, они скоро вернутся.

– Полковник уже вернулся, – сказала Каро, вставая и подходя к окну. Полковник с лыжами на плече направлялся к лыжному сараю позади отеля.

– Ой, ради бога, Каро, не впадай в панику, – легкомысленно заметил Джимми. – Роджер умеет позаботиться о себе.

Ничего не ответив, девушка продолжала стоять у окна, наблюдая за тем, как силуэт полковника растворяется в сумерках.

Спустя несколько секунд появились Эмми и миссис Бакфаст, вместе приехавшие на подъемнике.

– Чудесно! Чудесно! – сказала Эмми, плюхаясь на стул. Щеки у нее разругались, в коротких черных волосах блестели еще не растаявшие снежинки. – Дорогой, оказалось, я катаюсь немного лучше, чем думала. Завтра меня переводят в группу третьей ступени. Мы дважды спустились по первому маршруту, и во второй раз я упала только однажды. А как твои дела?

– Я упал двадцать пять раз, – ответил Генри с оттенком гордости. – Я считал.

– Черт, а я забыл сосчитать, – сказал Джимми. – Но все равно уверен, что мой результат лучше.

– А Каро – вундеркинд в нашем классе, – сообщил Генри. – Она будет по-настоящему хорошей лыжницей.

– И представьте себе, – добавил Джимми, – она влюбилась в...

– Не говорите, дайте сама догадаюсь... в вашего инструктора! – Эмми рассмеялась. – Каро, как вы могли!

Девушка отвернулась от окна.

– Лучше бы вам всем заткнуться, – сказала она, стремительно направилась к двери и почти врезалась в полковника Бакфаста. Ко всеобщему удивлению, Каро схватила его за руку и воскликнула:

– Полковник Бакфаст, где Роджер?

– Молодой Стейнз? Неплохой лыжник. Совсем неплохой. В былые времена я взял бы его в команду – ну, после небольшой тренировки, конечно. Одержим скоростью, разумеется, как все молодые. В конце мы предприняли попытку съехать по третьему маршруту... не совсем удачно, но съехали.

– Но где же он? – не унималась Каро.

– Я могу сказать вам, где он, – вставила Эмми. – Пьет чай в «Олимпии».

– Один? – спросила девушка чутьчуть чрезмерно громко.

Эмми бросила взгляд на мужа и ответила:

– Нет. С Фрицем Хозером. Должно быть, встретились в деревне. Стоя в очереди на подъемник, я видела, как они вместе вошли в бар.

– Ну вот видишь, дурочка, – сказал Джимми. – Твой бесценный дружок цел и невредим, хотя и в сомнительной компании.

Каро заметно побледнела, но сумела выдавить улыбку.

– Простите. Пойду, пожалуй, приму ванну.

И она взбежала по лестнице.

– Ну и девица, – заметила миссис Бакфаст. – Надеюсь, она не израсходует всю горячую воду.

Достав из своей необъятной сумки пачку цветных открыток, она принялась энергично писать.

Полчаса спустя на подъемнике прибыл Роджер, коротко поприветствовал всех и поднялся к себе переодеться. И только уже после семи Генри увидел Хозера, осторожно, как кошка, идущего по тропинке; видимо, он успел в последний момент, перед самым закрытием канатной дороги.

В тот вечер за ужином ощущалась неловкость – Каро с Роджером явно поссорились. Ни беззаботность Джимми, ни хорошее настроение Эмми не могли затмить того факта, что на красивом лице Роджера пролегли упрямые морщинки дурного расположения духа, а Каро хранила зловещее молчание. Баронесса и Франко ди Санти сидели теперь за одним столом и общались в той манере тесной дружбы, которой было достаточно, чтобы вызвать тревогу у любого, кто помнил суровое лицо под тирольской шляпой в Инсбруке. Только Книпферы, Бакфасты и Хозер, казалось, чувствовали себя непринужденно. Миссис Бакфаст была в своем репертуаре и последовательно критиковала холодный суп, жесткую телятину и сквозняк; полковник замкнулся в своем коконе молчания, с удовольствием вспоминая дневные занятия спортом. Хозер ел, быстрыми движениями разборчиво разделяя еду на тарелке, – как птица, выскивающая зерна, – и ни с кем не разговаривал. Под конец он снова ангажировал фройляйн Книпфер в качестве партнерши для вечерних танцев в баре.

Роджер и Каро после ужина исчезли. В девять часов Джимми сказал:

– Чем, черт возьми, эти двое занимаются? Пойду поищу их.

Он вышел из бара и через несколько минут вернулся, ведя обоих, словно на буксире. К облегчению Тиббета, молодые люди, казалось, были в лучшем настроении, чем за ужином.

– Чем вы занимались? – с улыбкой спросила Эмми. – Тайно практиковались в катании на лыжах? Или чем-нибудь предосудительным?

– Разумеется, нет, – лаконично ответил Роджер.

– Могу поручиться, – сказал Джимми. – Все совершенно невинно. Когда я нашел их, они сидели за столом и играли в какую-то игру с карандашами и бумагой.

Каро посидела в баре недолго – выпила чашку кофе и отправилась спать. Джимми налегал на бренди и пытался на чудовищном итальянском флиртовать с Анной, барменшей. Роджер беседовал с полковником о лыжном спорте, миссис Бакфаст мирно вязала. Мария Пиа и Франко устроились за столиком в углу и лишь изредка переговаривались. Даже когда Герда, гувернантка ее детей, в простом черном платье спустилась в бар и Роджер пригласил ее на танец, баронесса, похоже, даже не обратила на это внимания. Тиббеты, уединившиеся за отдельным столиком, обменялись многозначительными улыбками.

– Есть зацепки, мистер Холмс? – спросила Эмми.

– Все слишком просто, – ответил Генри. – Но мне кажется, что-то должно вот-вот случиться. А пока давай забудем обо всем и будем просто радоваться отдыху.

Так они и поступили.

Вскоре жизнь в «Белла Висте» вошла в приятную рутинную колею. Завтрак в девять, лыжные занятия с десяти до двенадцати, ленч с разговорами о лыжах – до половины третьего, снова катание до половины пятого. Потом – чаепитие в «Олимпии» (через несколько дней даже новички худо-бедно, спотыкаясь, на разъезжающихся лыжах, научились спускаться по маршруту номер один в деревню), а вечером – аперитив в баре отеля, ужин и танцы.

На четвертый день вечером пошел снег, и на свежем, легком, пушистом покрытии даже ученики первого класса лыжной школы почувствовали себя увереннее, словно на пути к высшему мастерству. Они освоили торможение «плугом» – сближая концы лыж для уменьшения скорости перед остановкой – и разворот в этой позиции с перенесением центра тяжести тела на ту или другую ногу и уже испытывали чудесное, заставляющее покалывать мышцы ног ощущение при диагональном спуске с крутого склона («Отклоняйтесь в противоположную склону сторону... в сторону долины, мистер Генри!.. Смотрите, как это делает мисс Каро... и сгибайте колени!..»). Теперь они тренировались выполнять боковое скольжение – боком спускались по обледеневшему склону на плашмя поставленных лыжах, отрицая, как им казалось, все законы природы и гравитации тем, что отклонялись наружу, в сторону долины, чтобы сохранить равновесие. Этот маневр оказался самым трудным из всех, ими до сих пор освоенных, и каждый падал по многу раз («Это не боковое скольжение, мистер Джимми... это какое-то заднее скольжение...») – смеялся Пьетро, стараясь использовать свой небогатый репертуар английского юмора).

Фройляйн Книпфер после долгого и честного разговора с Пьетро, случившегося после очередного дня занятий, покинула – к великому облегчению остальных – лыжный класс и вернулась к частным урокам с унылым инструктором средних лет по имени Джованни. Теперь каждый день можно было видеть их плохо сочетаемые фигуры на пологих склонах близ отеля: Джованни спускался вниз черепашьями шагами, с выражением лица, напоминавшим усталого блаухаунда, а девушка – негнушаяся, одеревеневшая от тревожности – страдальчески-неуклоуже ковыляла следом.

В пятницу вечером, на пятый день занятий, компания англичан, перейдя после ужина в бар, с приятным удивлением обнаружила там Пьетро. Тот за бокалом вина болтал с Фрицем Хозером, который всегда ужинал рано; после появления англичан немец-коротышка, оставив инструктора, присоединился к Книпферам. Пьетро сиял.

– Я поел дома и приехал сюда, пока не закрыли подъемник, – объяснил красавец. – Сегодня полнолуние, так что я смогу спуститься обратно на лыжах, когда захочу.

Вежливо потанцевав с Эмми, он на весь остаток вечера монополизировал Каро. Девушка пребывала в приподнятом настроении и совершенно очевидно купалась в лестном внимании молодого инструктора. Роджер, явно отставленный, скрылся наверху и минут десять спустя вернулся с протестующей Гердой, которую уговорил все же составить ему компанию для танцев.

Мария Пиа и Франко, по обыкновению, рано отправились спать, не сделав даже попытки примкнуть к танцующим, они просто сидели за дальним столиком и о чем-то серьезно беседовали. Генри показалось, что оба чрезвычайно встревожены, даже напуганы. Тиббет заметил, что они часто бросали взгляды в сторону Хозера.

Все остальные, однако, пребывали в отличном настроении и допоздна веселились в баре. Фриц Хозер активно танцевал с фройляйн Книпфер, а старшие Книпферы поразили всех, выйдя на танцпол и продемонстрировав исключительно искусное исполнение венского вальса. Роджер танцевал с Гердой, лишь раз или два бросив свирепый взгляд на Каро и Пьетро, которые кружились, прижавшись друг к другу щеками и не замечая ничего вокруг. Вскоре после часу ночи Хозер и Книпферы все же отправились спать, но танцы продолжились. Генри, как и все остальные, переусердствовал с граппой и радовался тому, что не ему, а Пьетро предстояло

под луной спускаться в Санта-Кьяру в половине третьего утра. Выйдя проводить инструктора, все оказались на жгучем холоде.

Было нечто тревожное, но захватывающе прекрасное в горах, мерцавших в ледяном лунном свете, но тревогу рассеивали огни деревни, приветливо подмигивавшие из долины. Подъемник, соединявший отель и деревню, казался прерывистой цепочкой фонарей, потому что после наступления темноты на каждом пилоне зажигали лампу, отбрасывавшую теплый круг света на голубовато-белый снег. Пристегнув лыжи, Пьетро ринулся вниз. Приходилось напрягать зрение, чтобы разглядеть его грациозную, стремительно несущуюся фигуру, которая то исчезала за деревьями, то ненадолго возникала вновь там, где лыжня пересекала пространство под канатной дорогой, и наконец полностью скрылась из виду в нижнем лесу.

Следующим утром все проснулись, испытывая небольшое похмелье, и вследствие этого катались хуже, чем обычно. В остальном не чувствовалось никаких признаков надвигающейся беды. Что было странно.

Глава 5

День прошел, как всякий другой, и был отмечен незначительными происшествиями, которые приобрели значение – заслуженно или нет – лишь в свете того, что случилось потом.

За завтраком Хозер послал за синьором Россати и попросил счет. Он сообщил, что отбывает сегодня вечером последним поездом, но уже утром уедет в Санта-Кьяру и не предполагает возвращаться в отель. Баронесса, по обыкновению, завтракала у себя в комнате, но, идя за лыжами, Генри увидел ее с Хозером в опустевшем баре, они разговаривали очень быстро и сопровождали свою речь эмоциональными жестами. Когда инспектор проходил мимо двери, Мария Пиа посмотрела на него, и в этом взгляде он снова уловил то паническое выражение, которое заметил еще в поезде. Спустя секунду из кухни вышел Франко ди Санти с двумя упакованными в коробки ленчами под мышкой и позвал баронессу. Генри натирал лыжи мазью, когда они вошли в сарай, взяли со стойки свои и, не произнеся ни слова, удалились.

Когда ученики собрались на занятия, Пьетро разговаривал с Марио на верхней площадке подъемника. Увидев их, он коротко, жестом на удивление покровительственным, обнял отца за плечи, после чего направился к ученикам со своим обычным приветствием:

– *Bon giorno... com'è sta?*¹⁶ Надеюсь, сегодня все хорошо? Не слишком много граппы вчера вечером, мистер Генри?

– О, слишком, слишком много, – сокрушенно признался Тиббет.

– Тогда начнем с легких упражнений... прежде всего боковой спуск.

– О, нет! – застонали все хором.

– Мисс Каро первая показать нам, так ли хорошо она выполнять боковой спуск, как танцевать, – сказал Пьетро с ослепительной улыбкой. – За мной.

И он ринулся вниз.

Роджер и полковник Бакфаст, проходившие мимо, приветственно помахали рукой. Пользуясь преимуществом хорошего снежного покрова, они решили опробовать Имменфельдский спуск, который только что был официально объявлен открытым. Этот длинный и трудный маршрут должен был привести их через австрийскую границу в маленький горнолыжный курорт Имменфельд, откуда им предстояло вернуться на поезде.

Герда с детьми отправилась на третий маршрут. Эмми села на подъемник, чтобы присоединиться к своему классу, отправлявшемуся на весь день к спуску с Альпийской розы – он находился на другом краю деревни. Миссис Бакфаст с предельной сосредоточенностью вязала, усевшись на террасе «Белла Висты» как можно дальше от Книпферов, жевавших молочный шоколад без тени улыбки. Их дочь, вихляя на своих дорогуших пекановых лыжах, умудрилась дважды упасть на дорожке от отеля до подъемника, где ее ждал Джованни. Снег сверкал на солнце. Стояло абсолютно обычное утро.

Ко времени ленча Генри понял, что ему нужно в деревню.

– Я поем в Санта-Кьяре, – сказал он, – и присоединюсь к вам позднее. Если запоздаю, не ждите меня. Я сам вас найду.

Купив сигареты, бритвенные лезвия и почтовые открытки в магазине синьоры Веспи, он, набравшись отваги, зашел в бар «Шмидт», где был встречен холодными и любопытными взглядами местных жителей. Съев свой ленч, Тиббет сел на автобус, направляющийся в Монтелунгу, маленький городок, расположенный в дальнем конце долины. В половине пятого, когда вся компания явилась в «Олимпию» пить чай, он уже ждал их там, поглощая эклеры. Инспектор кротко извинился за свою лень.

¹⁶ Добрый день. Как дела? (ит.)

– Вы пропустили божественный день, – мягко упрекнула его Каро. – Мы дважды спустились по первому маршруту, и это было изумительно.

– Все сделали большие успехи, – сообщил Пьетро, который, как обычно, пришел вместе с ними. – Замечательная группа.

– Пьетро сказал, что завтра мы можем начать осваивать поворот на параллельных лыжах, – добавила Каро.

– Не завтра, а в понедельник, – поправил ее Джимми. – Завтра воскресенье, и занятий нет. Спасибо, с удовольствием съем еще пирожное. Еще кофе, Каро, красавица моя?

– Через минутку, – отозвалась Каро. – Мне нужно припудрить носик.

Она направилась в дамскую комнату, а Пьетро – к бару, купить сигарет.

Оставшись с Генри наедине, Джимми спросил:

– Как вы находите поведение Каро?

– Что вы имеете в виду? – уточнил Генри.

Джимми слегка кивнул в сторону бара.

– Пьетро, – сказал он. – Она выставляет себя на посмешище, если хотите знать мое мнение.

– Не думаю, что это серьезно, – ответил инспектор. – В конце концов, она же совсем юная. Молодой человек помолчал, затем продолжил:

– У нее просто талант связываться не с теми людьми.

Прежде чем он успел развить тему, к столу вернулись Каро и Пьетро. Они заказали еще кофе с пирожными, и разговор переключился на фройляйн Книпфер.

– Мы видели ее сегодня утром с Джованни, – сказал Джимми. – Честно признаться, эта девица – сплошная катастрофа. Вы только подумайте: две недели тренировок, а она даже стоять на лыжах не научилась. Лучше бы ей забыть о лыжах и заняться бёрдвотчингом¹⁷.

Пьетро сухо улыбнулся.

– Это печально, но я с вами согласен.

– Мне ее ужасно жалко, – сказала Каро. – Ее комната находится напротив моей, и я часто сталкиваюсь с фройляйн, направляясь в ванную. У бедняжки всегда такой несчастный вид... Должна сказать, – добавила она, – меня это ничуть не удивляет, я бы тоже была несчастна, если бы пришлось все вечера проводить в обществе Фрица Хозера.

– Не понимаю, за что вы все так ополчились на этого коротышку, – возразил Джимми. – Он не так уж плох. Осмелюсь предположить, девица Книпфер души в нем не чаёт.

– Не говори глупостей. Никто не может «души в нем не чаять», – осадила его Каро.

– Так или иначе, – вставил Генри, – теперь она свободна. Он уехал.

Без четверти пять к компании присоединилась Эмми. Она была в чудесном настроении, в волосах у нее блестели снежинки.

– Мы провели великолепный день на Альпийской розе, – объявила она. – Ленч у нас был в ресторане на самой вершине. Вид оттуда фантастический. А потом мы спустились по очень трудному маршруту. Сколько раз я падала – не сосчитать, но это было восхитительно. Божественно, – прибавила она, увидев себя в зеркале. – О, мне нужно что-то сделать с волосами. Закажи мне чай с лимоном, пожалуйста, Генри. Я вернусь через минуту.

В пять часов Роджер и полковник Бакфаст, стряхнув снег с ботинок и повесив в гардероб свои анораки, тоже смогли расслабиться за чашкой ароматного горячего шоколада.

– Этот Имменфельдский спуск очень коварен, – рассказывал полковник. – Скрытые расщелины на последнем этапе на каждом шагу – именно там погиб молодой Джулио. – Он вдруг осознал, что за столом сидит Пьетро, и сделался пунцовым, но инструктор оживленно беседовал с Джимми и, похоже, не слышал упоминания о брате.

¹⁷ Наблюдение за птицами (англ.).

– Наверное, там ужасно опасно, – сказала Каро.

– Ерунда, – возразил Роджер. – Если держаться лыжни, ничего страшного. А кроме всего прочего, мы ехали медленно. Полковник не одобряет больших скоростей.

– Чушь, – весьма грубо перебил Бакфаст. – Просто не хочу сломать себе шею, вот и все.

– Роджер всегда рискует, – сказала Каро. – Он обожает опасности.

– Это неправда, – заметил Стейнз. – Я всегда точно знаю, что делаю.

– А в сущности, – вставил Пьетро, – что за жизнь без риска?

– Полагаю, в вашем случае это очень уместное ощущение, – вступил Джимми. – Я имею в виду... катание на горных лыжах как профессию. Боже, как я вам завидую! Жить здесь, все время кататься на лыжах!.. Это, должно быть, чудесная жизнь.

– Думаете? – Лицо итальянца вдруг стало мрачным и решительным. – Вы бы не говорить так, если бы сами здесь жить. В этой деревушка... нет никаких перспектив для молодой человек. Ни для кого из нас. Все мы учим кататься на лыжах, лазать по скалам и этим немного зарабатываем себе на жизнь... А потом старимся, и остается лишь управлять подъемником, как моему отцу. Я не собираюсь дожидаться такого конца. Когда-нибудь я разбогатеть. И знаете, что я тогда сделать?

– Что, Пьетро? – спросила Каро.

Красавец одарил ее улыбкой.

– Я поехать в Америка, – сказал он. – Это страна, где делают деньги. Я поселиться в Нью-Йорке, ездить на большом «кадиллаке», а на лыжах кататься – только по выходным, для развлечения.

– Насчет Нью-Йорка я ничего не знаю, – заметил Джимми, – но готов биться об заклад, что там нет таких пирожных с кремом, как эти. Я бы съел еще десятка два. Кто-нибудь хочет составить мне компанию?

В двадцать минут шестого, когда все уже собирались уходить, в бар, словно на волне веселых голосов, всплыла баронесса с детьми. Ганси и Лотти прижимали к себе новые свитера, которые мама им только что купила. Спустя несколько секунд вошедших догнала Герда. Когда она сняла свой анорак, на ней поверх неизменных черных брюк-форлагеров оказался белый свитер, который делал девушку еще бледнее, чем обычно. Она заказала чашку кофе, отказалась что-либо съесть и сидела молча, слушая возбужденную болтовню подопечных. Генри заметил, что Мария Пиа нервно и с ожиданием каждые несколько секунд поглядывает на дверь, и, разумеется, не прошло и пяти минут, как вошел Франко ди Санти.

Он сразу направился к баронессе и что-то сказал ей по-итальянски. Ее лицо озарилось радостной улыбкой, и Генри услышал, как та ответила:

– Чудесно. О, как чудесно! Просто не могу в это поверить.

Пьетро спросил Марию Пиа, хорошо ли она покаталась сегодня, и, поскольку разговор стал общим, Роджер и Франко сдвинули два стола, и все сделали еще заказы – кто кофе, кто шоколад, кто чай. Баронесса и Франко излучали такое веселье, что оно оказалось заразительным, а инспектор, памятуя их мрачные лица предыдущим вечером в баре, восхитился переменчивостью итальянского характера.

На часах, висевших над барной стойкой, было пять минут седьмого, когда Герда, перебив Пьетро на середине истории о том, как он однажды оказался единственным выжившим под лавиной, тихо напомнила, что детям скоро нужно будет готовиться ко сну; это положило конец застолью – все решили, что пора возвращаться в отель.

Компания тепло распрощалась с Пьетро.

– *Arrivederci*¹⁸, – сказал инструктор. – До понедельника.

¹⁸ До свидания (*ит.*).

– Пьетро, а почему бы вам снова не прийти в «Белла Висту» сегодня вечером? – предложила Каро. – Луна еще полная...

– Сегодня луна не будет, мисс Каро, – с улыбкой ответил Пьетро. – Смотрите: идти снег.

Снег падал крупными мягкими хлопьями и ложился на землю пушистым покрывалом, когда они вышли из кафе и свернули на деревенскую улицу. Компания почти дошла до турникета канатной дороги, когда Эмми сокрушенно воскликнула:

– Мои лыжные очки! Я забыла их в «Олимпии». Черт возьми, придется возвращаться.

– Я пойду с тобой, – вызвался Генри.

Когда они снова объявились в кафе, Пьетро все еще был там. Он пил граппу в баре и пригласил Тиббетов составить ему компанию. Они не спеша выпили по бокалу ромового грога, вдоль уже темной улицы дошли обратно до подъемника и купили билеты. Пустые кресла с лязгом проплывали мимо, Карло притопывал ногами и дул на пальцы, чтобы согреться.

Часы с белым циферблатом в его будке показывали без восемнадцати минут семь, когда Генри, приготовившийся запрыгнуть в кресло, к великому удивлению, заметил, что кто-то спускается по канатной дороге вниз – съездившийся силуэт высветила лампа первого пилона. Мужчина поднял меховой воротник куртки, чтобы защититься от снега, и его голова утонула в складках пышного воротника, но не узнать щегольские ботинки из леопардовой шкуры было невозможно.

– Хозер оставил себе времени в обрез, как бы не опоздал на поезд, – заметил Тиббет, обращаясь к жене.

Когда кресло приблизилось, Карло вышел вперед, чтобы помочь Хозеру спрыгнуть, хотя Генри ранее уже отметил, что в результате продолжительной практики малорослый немец прекрасно научился справляться с этим самостоятельно. Но на этот раз он не казался ловким, как обычно. Когда Карло взял его за руку, Хозер дернулся в сторону, а потом неожиданно наклонился вперед и, упав лицом в снег, остался лежать. Карло – длинная сильная фигура под резким светом единственной лампы, горевшей в маленькой будке, – закричал по-немецки и рухнул на колени. Генри и Эмми быстро подбежали.

– Герр Хозер, – неуверенно произнес Карло, – герр Хозер... *er ist krank*...¹⁹

Опустившись на колени прямо в снег, Тиббет осторожно перевернул Хозера на спину и, подняв голову, сказал по-немецки:

– Он не болен, Карло. Он мертв.

Эмми навсегда запомнила эту сцену – нечто в духе Эль Греко. Длинная фигура Карло с мертвенно-бледным лицом, изрезанным вертикальными морщинами, в резком свете голой лампочки из будки; скелетоподобные силуэты пустых кресел, с лязгом проплывающие мимо; съездившаяся фигура, неподвижно лежащая на желтоватом утоптанном снегу; и все это затянуто белой пеленой падающих снежных хлопьев.

Генри поднялся на ноги.

– Остановите подъемник, – скомандовал он.

Словно обрадовавшись, что у него появилось конкретное дело, Карло вскарабкался наверх и перевел ручку рубильника, прекратив подачу электричества. Как только механизм подъемника смолк, наступила тишина, и в этой тишине пронзительно зазвонил телефон в будке.

– Это Марио, – сказал Карло. – Хочет узнать, почему остановился подъемник.

– Я поговорю с ним, – ответил Генри.

Он снял трубку, коротко переговорил с Марио, потом сообщил Карло:

¹⁹ Он болен (нем.).

– Марио пока останется наверху, в «Белла Висте». Все постояльцы уже в отеле. Соедините меня с полицейским участком Монтелунги, я хочу поговорить с капитаном Спецци.

Повернувшись к жене, он сказал:

– Возвращайся в «Олимпию», дорогая, и выпей что-нибудь, хотя бы кофе. Мы с Карло побудем здесь.

– Лучше я останусь с вами, – предложила Эмми.

– Хозер застрелен, – очень тихо сообщил жене Тиббет. – Я хочу, чтобы ты посмотрела и запомнила, кто сейчас находится в «Олимпии». Как только смогу, я к тебе присоединюсь.

Он ободряюще сжал ей руку и легонько подтолкнул в направлении улицы.

Миссис Тиббет шагала механически, в каком-то болезненном оцепенении. Внезапная смерть Хозера сама по себе была шоком, но теперь придется еще разбираться, самоубийство это или убийство... у Эмми появилось безумное желание бежать со всех ног... куда угодно, только бы подальше от запаха смерти.

«Ну-ка, соберись, детка», – строго приказала она себе и нашла некоторое утешение в мысли, что, вернувшись в «Олимпию», она, по крайней мере, сможет очистить от подозрений всех тех, кого там увидит.

Толкнув распашную дверь, Эмми прошла в оранжево-сиреневый альков и села за кованый железный столик. У стойки бара увидела Пьетро в окружении еще нескольких инструкторов, которых тот угощал, размахивая толстым бумажником, набитым банкнотами. Оглядевшись в поисках других знакомых лиц, Эмми, к своему удивлению, заметила в углу синьора Россати. Владелец отеля сидел за столиком, удачно скрытым за сложной конструкцией современного мобайла²⁰ из жестяных деталей, скрепленных шнурами, и, казалось, испытывал неловкость большую, нежели предполагало созерцание этого объекта. Постоянно поглядывая на часы, он с некоторой нервозностью помешивал свой кофе.

«Ждет кого-то», – отметила про себя миссис Тиббет. Стрелки часов над барной стойкой показывали без пяти семь. Эмми заказала черный кофе и бренди; не успела официантка поставить их перед ней, как случились две вещи.

Пьетро заметил ее и подбежал к столику.

– Синьора Тиббет, подъемник сейчас остановят... вам надо спешить...

Инструктор наклонился над столиком, красивое смуглое лицо выражало искреннюю озабоченность. И в тот же миг дверь кафе властно распахнулась, и в высшей степени недовольный голос проскрипел по-немецки:

– Всего пять минут восьмого. Почему подъемник уже остановили?!

Взглянув поверх плеча Пьетро, Эмми встретила взглядом с парой черных глаз, сверкавших из-под зеленой тирольской шляпы.

Внезапно наступила тишина. Барон прошагал через зал и стукнул кулаком по барной стойке.

– Я должен быть в «Белла Висте» сегодня вечером. Почему не работает подъемник?

Зал вмиг загудел, все начали энергично жестикулировать. Эмми встала и, протиснувшись сквозь толпу, оказалась лицом к лицу с бароном фон Вюртбергом.

– Думаю, я могу объяснить, – сказала она по-английски. – Произошел инцидент.

– Инцидент? – Пьетро уже стоял рядом с ней. – Какой инцидент, синьора?

Миссис Тиббет сделала глубокий вдох, мысленно призвала на помощь все свое благоразумие и сказала:

– Герр Хозер.

Присутствующие в кафе лыжные инструкторы окружили ее, тараторя по-итальянски и по-немецки. Пьетро нервно перевел:

²⁰ Подвижный объемный муляж рекламируемого продукта.

– Они хотят знать, что случилось. Подъемник сломался?!

– Нет, – ответила Эмми. – Герр Хозер... думаю, он заболел.

Коллеги Пьетро заметно расслабились, когда тот перевел им слова англичанки. Серьезная поломка подъемника могла повредить репутации курорта и поставить под удар их заработки, но поскольку проблема оказалась не в подъемнике, несчастье, случившееся с каким-то отдельным человеком, их мало заботило. Только Пьетро выглядел по-прежнему встревоженным.

– Герр Хозер... – повторил он и взял Эмми за руку. – Вы должны мне рассказать.

– Значит, подъемник снова заработает сегодня? Очень хорошо, – ледяным тоном произнес барон на безупречном английском. – Благодарю вас, мадам.

Он слегка кивнул, потом с тем же ледяным выражением лица повернулся к стойке и заказал себе выпить. Когда Пьетро вел миссис Тиббет обратно к ее столику, та бросила взгляд в угол, где сидел синьор Россати. Владелец «Белла Висты» неподвижно смотрел прямо перед собой, и на его пухлом лице играла едва заметная странная улыбка.

Пьетро сел напротив Эмми.

– Так что там – болезнь или несчастный случай? – напряженно спросил он. Не успев ответить, Эмми с огромным облегчением заметила, что Генри вошел в кафе и уже направлялся к ее столу.

– Идем, – сказал он.

Миссис Тиббет встала.

– Извините, Пьетро. Мне пора. Уверена, вы все узнаете завтра.

Генри взял жену за руку, и они вышли под продолжавшийся снегопад. Очутившись на улице, Эмми сообщила:

– Здесь барон. Муж Марии Пиа.

– Я видел, – ответил Генри. – Я ожидал его появления. Когда он прибыл?

– Не знаю, когда он прибыл в Санта-Кьяру, но в «Олимпии» появился вскоре после того, как туда вернулась я, и был жутко зол из-за того, что подъемник не работает. Синьор Россати тоже был там, сидел, затаившись в углу, и кого-то ждал.

Несколько минут они шли молча, потом Эмми спросила:

– Это самоубийство?

Генри покачал головой.

– Практически исключено. Точно узнаем, когда придет медицинское заключение, но, на мой взгляд, это совершенно не похоже на выстрел в упор.

На нижней станции подъемника царило оживление. Фотограф с лампой-вспышкой снимал тело, несколько карабинеров болтали, курили и отгоняли местных жителей и туристов, которые, почувстввав сенсацию, уже толпились вокруг.

Завидев Тиббетов, от группы отделился высокий светловолосый человек в форме.

– Это моя жена, а это капитан Спецци, – представил их друг другу Генри.

Капитан поклонился и поцеловал Эмми руку.

– Очень рад, синьора, – запинаясь, произнес он по-английски. – Хотел бы, чтобы наше знакомство произошло при более благоприятных обстоятельствах. Это... – он красноречиво пожал плечами, – плохое дело.

– Я бы хотел как можно скорее подняться в «Белла Висту», – сказал Тиббет. – И есть еще несколько человек, застрявших здесь. Когда можно будет запустить подъемник?

В этот момент началась небольшая суматоха: санитары разворачивали носилки и укладывали на них тело.

– Теперь уже скоро – как только его унесут, – ответил капитан. Эмми содрогнулась при виде маленькой процессии, ковылявшей вниз по склону к тому месту, где стояла машина «скорой помощи». Одного карабинера послали в «Олимпию» сообщить барону и синьору Россати,

что подъемник вот-вот заработает. Карло, с белым лицом, дрожащими руками запустил механизм, и кресла подъемника, скрипнув, начали движение.

Эмми очень замерзла, и подъем внушал суеверный страх, так что она возблагодарила бога, увидев мерцающий свет будки Марио на верхней станции. Помогая пассажирам сойти на землю, старик напоминал озадаченную обезьянку, с которой плохо обращались. Он попытался расспросить Тиббета на старательном итальянском, и тот отвечал ему успокаивающе. Когда они с Эмми уже шли по дорожке к отелю, Генри сказал:

– Бедный Марио. Он глубоко потрясен. Случилась ужасная вещь, и, думаю, он чувствует себя неким образом ответственным за это.

– А он знает... ну, что Хозер мертв? – спросила Эмми.

– Я сказал ему. Теперь уже вся деревня знает.

И они вошли в дом.

В баре было людно. Каро, Роджер и Джимми пили мартини и оживленно болтали. Бакфасты заняли маленький столик рядом с Книпферами: похоже, миссис Бакфаст снизошла до того, чтобы поддержать знакомство с немцами. Мария Пиа и Франко сидели за барной стойкой на небольшом расстоянии друг от друга, пили бренди и тихо переговаривались.

– Я собираюсь исполнить торжественный выход, – шепнул жене Тиббет. – Наблюдай за их лицами.

Он с мрачным видом вошел в бар и, когда все повернулись, чтобы поприветствовать его, произнес голосом, который ему и самому показался комически мелодраматичным:

– У меня очень серьезная новость. Инцидент. Фриц Хозер мертв.

Несколько минут стояла абсолютная тишина. Внезапно фрау Книпфер разразилась безумным пронзительным истерическим смехом.

– *Danke Gott! Danke Gott!*²¹ – визжала она. Никто и двинуться не успел, как ее муж вскочил и залепил ей тяжелую пощечину. Женщина обмякла, превратившись в бесформенную всхлипывающую массу. Герр Книпфер обвел присутствующих вызывающим взглядом.

– У моей жены нервный срыв, – объяснил он по-английски. – Прошу нас извинить. Ей нужно отдохнуть. Труди... – Фройляйн Книпфер уже обняла мать за трясущиеся плечи и помогла ей встать. Герр Книпфер взял жену под руку с другой стороны, и они повели плачущую женщину сквозь настороженно затихший бар. В следующий момент дверь с грохотом захлопнулась за ними.

– Ну и ну, какая странная реакция, – сказал Джимми. – Кто-нибудь может мне сказать: старуха сорвалась от горя или от радости?

– Она твердила: «Слава богу», – сдержанно напомнил Роджер.

– И я бы сказала то же самое.

Это была Каро, ее голос прозвучал необычно резко.

– Заткнись, Каро, – угрожающе произнес Роджер.

– Не заткнись! Никто из вас не знает... никто...

– Каро!

– Сам заткнись, Роджер. Я не собираюсь сплетничать. Единственное, что я хочу сказать, – слава богу, что он умер. Вот и все.

– Не волнуйся так, старушка, – озабоченным голосом призвал ее Джимми. – Согласен, Хозер не был мечтой любой девушки, но...

– Он был мерзким человеком... – Неожиданно Каро повернулась к Генри. – Вы ведь это знали, правда? – спросила она. – Все время знали... но ничего не предприняли. А теперь кто-то что-то сделал наконец. И я счастлива.

²¹ Слава богу (нем.).

– Что ты имеешь в виду под этим «кто-то что-то сделал»? – Голос Роджера прозвучал как удар хлыста. – Генри сказал, что произошел инцидент, разве не так?

– Инцидент? С такими людьми, как Хозер, инцидентов не случается. – Каро смотрела инспектору прямо в глаза. – Его ведь убили, правда?

– Да, – ответил Генри. – Боюсь, что так.

Воцарилась тишина, вызванная всеобщим шоком. Потом Джимми неуверенно произнес:

– Ну молодчина, прямо в девятку. Подозреваемая номер один – мисс Кэролайн Уиттакер. Можете ли вы объяснить присяжным, мисс Уиттакер, откуда вы узнали, что покойный был убит, прежде чем кто-либо сообщил...

– Да замолчи ты, дурак! – Каро вскочила и побежала к двери.

Джимми бросился за ней.

– Каро, вернись... Я хочу с тобой поговорить... – Он схватил девушку за плечо, она стряхнула его руку и выскочила в холл. Молодой человек ринулся следом, продолжая увещевать ее, и оба скрылись на верху лестницы.

Тем временем Бакфасты поднялись из-за стола и присоединились к группе, собравшейся у барной стойки. Мария Пиа и Франко, побелевшие, держась за руки, не сдвинулись с места, но напряженно прислушивались. В холле хлопнула входная дверь, оттуда донесся шум, и Генри поспешно сказал:

– Баронесса... извините, из-за всей этой суматохи я совершенно забыл... сообщить вам, что ваш муж здесь. Должно быть, это он.

Мария Пиа печально склонила голову и ответила:

– Спасибо. Я ждала его.

Она соскользнула с табурета и вышла в холл с высоко поднятой головой – словно приговоренный на эшафот. Франко сделал было движение, чтобы последовать за ней, но передумал и придвинул свой табурет поближе к компании англичан, будто хотел затеряться среди людей.

– Вы сказали – убит? – Голос полковника прозвучал неожиданно дрожаще. – Плохо. Очень плохо. Что случилось?

– Его застрелили, – ответил Генри. – На подъемнике.

– Не верю! – категорически заявила миссис Бакфаст.

– Тем не менее боюсь, что это правда, – сказал инспектор. – Он был единственным пассажиром, ехавшим вниз, и его было нетрудно опознать по меховым ботинкам даже сквозь метель. Медицинское заключение еще не пришло, но я видел рану и готов биться об заклад, что пуля была выпущена справа, с расстояния около десяти футов, с точки, располагавшейся чуть выше или чуть ниже тела.

– То есть с одного из кресел, шедших вверх, – предположил Роджер.

Повисла пауза, показавшаяся бесконечной.

– Я видел его, когда ехал вверх, – сказал наконец полковник. – Кто еще тогда находился на подъемнике? Все мы, полагаю.

Генри окинул бар взглядом и ответил:

– Да, все здесь присутствующие за исключением миссис Бакфаст. Плюс мисс Уиттакер, мистер Пассденделл, баронесса, Герда и дети.

– А вы, мистер Тиббет? – ехидно вставил Роджер.

– Я – нет, – ответил Генри. – Моя жена забыла в «Олимпии» свои лыжные очки, мы вернулись за ними и выпили там с Пьетро, а у подъемника оказались как раз в тот момент, когда несчастный Хозер подъехал к нижней станции.

– На редкость удачно для вас получилось. – Роджер бросил на Тиббета тяжелый холодный взгляд. – Это означает, что вы двое, миссис Бакфаст и Книпферы – единственные постояльцы «Белла Висты», которые вне подозрения? Я прав?

– Да, – ровным голосом ответил Генри. – Правы.

Роджер встал.

– Понятно, – произнес он. – Ну что ж, даже осужденный убийца имеет право быть накормленным, насколько я знаю. Так что я иду есть. Франко, вы со мной?

– Я не голоден, – ответил итальянец, белый как мел.

– Как угодно, – сказал Стейнз и зашагал из бара в столовую.

– Должен сказать, вы это заслужили, Тиббет, – заметил полковник Бакфаст. – Можно было бы сделать все потактичнее, знаете ли.

– Прошу прощения, – извинился Генри. – Просто я думал, вы все захотите узнать, как обстоят дела, до того как приедет полиция и начнет задавать вопросы.

– Но они же не могут всерьез полагать, что кто-то из нас... – Незаконченный вопрос миссис Бакфаст повис в воздухе между тремя мужчинами, как облако дыма.

– Боюсь, что могут, – сказал инспектор. – В конце концов, они ничего не знают ни о ком из нас, да и мы знаем друг о друге ничтожно мало. Однако осмелюсь предположить, что очень скоро узнаем гораздо больше. Пойдем есть? – добавил он, обращаясь к жене.

Та кивнула, и вдвоем они молча направились к выходу сквозь почти осязаемое ощущение страха, клубившегося, как туман, среди домашнего уюта альпийского бара.

Глава 6

В половине девятого в отель прибыл капитан Спецци с полудюжиной карабинеров; подъемник был запущен на короткое время для единственной цели: доставить Его Величество Закон в «Белла Висту». Полицейские тут же приступили к бесплодным поискам оружия, между тем как Спецци с разрешения синьора Россати превратил его кабинет в допросную. Устроившись, капитан отпустил своего стенографиста – нескладного долговязого юношу, почти не открывающего рта, но записывающего все в аккуратный блокнот с точностью хорошо смазанного механизма. Потом Спецци попросил пригласить к нему Тиббета.

– Должен признать, инспектор, вы были правы сегодня днем, – начал он по-итальянски с грустной улыбкой. – Все случилось даже быстрее, чем вы предсказывали.

– Я виню себя, – сказал Генри. – Мне следовало прийти к вам раньше, но было слишком мало информации. Мне и в голову не приходило, что может случиться что-то подобное.

– Вам совершенно не в чем себя винить, мой друг, – горячо запротестовал капитан. – Напротив, это моя ответственность, потому что преступление совершено на моей территории.

Он вздохнул, несколько мелодраматично, и предложил Генри черную грубую сигарету из ярко-оранжевой пачки. Инспектор вежливо отказался. Несколько секунд в комнате царила тишина.

– Что ж, по крайней мере, теперь нет никаких сомнений, что Хозер был «нашим человеком», – наконец произнес Генри.

Спецци пожал плечами.

– В жизни, дорогой инспектор, всегда есть место для сомнений...

– В жизни – возможно, – ответил Тиббет. – Но не в смерти. По моему разумению, убийство Хозера ставит все точки над i.

– Он был плохим человеком. – Капитан снова вздохнул и с небрежным изяществом сел за стол Россати, вытянув ноги. – Согласен, он был глубоко вовлечен в распространение наркотиков. И, подозреваю, еще кое во что. Шантаж разного рода. Но общая картина все еще далеко не ясна.

– Думаю, – сказал Генри, – мы имеем дело одновременно с двумя проблемами. Первая – и во многих отношениях менее важная – состоит в том, чтобы выяснить, кто убил Фрица Хозера, человека, о котором, безусловно, можно сказать, что мертвый он лучше, чем живой. Вторая – в том, чтобы выявить и обезвредить организацию, которая провозит кокаин из Танжера в Европу. Хозер мог быть всего лишь звеном в этой цепи, а мог – и главой всего предприятия. Эти проблемы, возможно, связаны друг с другом, а возможно, и нет.

– После того как вы ушли сегодня днем, – сообщил Спецци, – я подготовил для вас полный отчет о том, что нам уже известно об этой наркоцепи. Хотите послушать?

– Конечно.

Капитан достал из портфеля пачку бумаг и полистал их.

– Думаю, я могу коротко резюмировать все это. Римской полиции известно все о частной яхте, перевозящей контрабанду из Танжера на Сицилию... Они в любой день могут арестовать судно, но банда быстро найдет другое. Я согласен с вами, что кокаин почти наверняка доставлялся из Рима в Санта-Кьяру в портфеле Хозера, а отсюда попадал в Австрию; зимой на лыжах, а летом – в рюкзаках скалолазов... Маршрут очевиден. Но нам не удалось выяснить, кто перевозил наркотики и каким образом, хотя мы тщательно проверяли всех лыжников. Затем, как известно вашим коллегам, эта дрянь добиралась также и до Лондона; и тут мы снова в полном неведении о том, как банда проводила свои операции, хотя у меня есть кое-какие соображения. Так или иначе, это объясняет, почему мы не действовали быстрее. Хотелось накрыть

всю организацию и выявить ее руководителя. С этой точки зрения смерть Хозера – большая неприятность.

– Значит, вы полагаете, что с его смертью наркотрафик не прекратится? – уточнил Генри.

– Честно говоря, инспектор, не знаю. Если он был лишь наемной лошадкой – конечно, нет, но детали будут изменены, и нам придется все начинать сначала. Если же он был главой дела, – Спецци сделал многозначительный жест руками, – я бы предпочел видеть этого наркоторговца живым в тюрьме, а не мертвым в могиле, чтобы негодя осудили в назидание другим. Однако – перейдем к нашей текущей работе.

– Вы получили медицинское заключение? – спросил Тиббет.

Спецци пододвинул ему лист бумаги, плотно заполненный машинописью. Сквозь дебри медицинской терминологии довольно ясно вырисовывались простые факты. Хозер был убит пулей, выпущенной из пистолета тридцать второго калибра, выстрел произведен с расстояния около десяти футов справа и немного снизу от жертвы. Пуля пробила сердце, и смерть наступила мгновенно, это случилось менее чем за час до того, как тело осмотрел врач. Никаких других ран обнаружено не было.

– И никаких следов оружия, разумеется, – заметил Генри, рассеянно потирая затылок, что всегда служило у него признаком нетерпения.

– Разумеется, нет. Сейчас мои люди обыскивают отель, а завтра осмотрят всю трассу под канатной дорогой. Но это пустая трата времени. Револьвер, выброшенный с подъемника в расщелину и мгновенно засыпанный снегом... Мы его до лета не найдем.

Тиббет кивнул.

– Что я на самом деле хотел бы узнать, – проговорил он, – так это как можно больше о самом Хозере: его биографию, все, что вам известно.

Спецци сделал глубокий вдох.

– Это все здесь, – он похлопал по стопке бумаг, – но я могу сразу сказать вам: наши сведения пока неполны. Естественно, мы начали собирать информацию об этом человеке, как только он попал под подозрение, но это было не так давно. Я все еще жду последний отчет из Рима. Вы, конечно, знаете, что он был итальянцем.

– Итальянцем?

– Он родился в тысяча девятьсот первом году в Санта-Кьяре.

– Здесь, в этих местах?

Капитан улыбнулся.

– Да. Разумеется, родился он австрийцем, но в тысяча девятьсот девятнадцатом году, как и все местные жители, стал гражданином Италии. Происходил из простой крестьянской семьи, но был умен – можно даже сказать, обладал выдающимися способностями. Окончив деревенскую школу, получил стипендию Венского университета, а за время учебы стал весьма состоятельным человеком – почти подозрительно состоятельным. Опуская все последующие события, – Спецци как бы отмахнулся движением руки, – которые трудно проследить достоверно, можно с уверенностью сказать, что в конце концов он попал под подозрение в нелегальном провозе наркотиков. До суда дело так и не дошло – скорее всего, не хватило доказательств. Но, так или иначе, Хозера явно спугнули. В тысяча девятьсот двадцать четвертом году он продал свою практику и уехал из Вены. Тут в наших сведениях наступает провал, который пока заполнить не удалось, – а может, никогда и не удастся. В следующий раз он объявился в тысяча девятьсот тридцать шестом году в Мюнхене.

– Это связано с политикой?

– А вот это как раз интересно. Похоже, что политических убеждений у него вообще не было.

– Как это возможно – в Германии, прямо накануне войны?

– Тем не менее. Скажем так: Хозер не был активным антифашистом, иначе он бы не выжил, не говоря уж о том, что не получил бы разрешения на работу, даже притом что отношения между нашими двумя странами, безусловно, были... сердечными... в то время.

Капитан помолчал, испытывая некоторую неловкость, потом быстро продолжил:

– В любом случае на публике Хозер старательно избегал любой политической определенности. До конца тысяча девятьсот тридцать восьмого года он практиковал в Мюнхене, потом переехал в Берлин. К тому времени он был уже человеком богатым, модным доктором. Большой дом, два автомобиля...

– И никаких связей с партией?

– Ничего такого, что можно было бы доказать. Среди его пациентов были нацисты, это само собой разумеется. Но врач едва ли может нести ответственность за политические взгляды своих больных. Никого из партийной верхушки он никогда не лечил. Его контингент разделялся на представителей старой аристократии, семей военных и мир богемы: актеров, актрис, музыкантов, кинорежиссеров. Гонорары у него были высокие, и жил он припеваючи.

– А что случилось, когда началась война? – спросил Генри.

– Он вернулся в Италию. За все эти годы Хозер никогда не менял своего итальянского гражданства. Переехал в Рим и открыл практику там.

– В Риме он был так же успешен?

– Друг мой, наши страны были тесно связаны между собой, а мир богемы интернационален. Со своими берлинскими рекомендациями он очень скоро оброс клиентурой в Риме. Когда Италия вступила в войну, пошел работать в большой госпиталь и тем самым избежал службы в армии.

– Он был фашистом? – поколебавшись, уточнил Тиббет.

Спецци пожал плечами:

– А кто не был? Уверяю вас, инспектор: если поговорить с любым из нас, итальянцев, теперь, можно подумать, что не было ни одного человека, который поддерживал Муссолини. Тем не менее очевидно, что таких людей было множество. Партия у власти – приходится соглашаться. Но большинство из нас хотели только одного: мирно прожить свою жизнь... а для этого надо было не участвовать в антифашистских демонстрациях. Как я уже говорил, Хозер политикой не интересовался... как и подавляющее большинство из нас.

– Понятно, – кивнул Генри.

Спецци поспешно продолжил:

– Еще четыре года назад у нас не было никаких сведений о его преступной деятельности – наши люди в Риме как раз сейчас работают над этим. Хозер уволился из госпиталя по окончании войны и по всем признакам был успешным законопослушным врачом. Только когда вспыхнуло дело Карони, появился намек – всего лишь легкий намек – на подозрения в отношении него. Вы помните это дело?

– Конечно, помню, – подтвердил Тиббет. – И помню, какую сенсацию сделала из него пресса по всему миру. В скандал с торговлей наркотиками в Риме оказались вовлечены известные персоны. Умершая девушка была актрисой, не так ли? София Карони... Подождите минуточку. Актриса. Вы хотите сказать, она была пациенткой Хозера?

– Именно, – ответил Спецци. – Таким образом, на него пали подозрения, как пали бы они на любого врача, независимо от того, виновен он или нет. Доказательств не нашли – никаких. Но Хозер был – сама осмотрительность. Прежде чем дело дошло до суда, он объявил о своем намерении оставить врачебную практику и посвятить себя научным исследованиям. Он основал небольшую лабораторию, где проводил совершенно законные эксперименты, связанные с вирусными заболеваниями. Время от времени публиковал в некоем медицинском журнале ничем не примечательные статьи. Много путешествовал. В декларациях указывал, что его лаборатория финансируется благодаря инвестициям.

– Чего я не понимаю, – заметил Генри, – так это того, что он говорил только по-немецки и обращались к нему «герр Хозер» – даже не «доктор Хозер». Если он был итальянским гражданином и работал в Риме...

– Мой дорогой инспектор, – с улыбкой ответил Спецци, – разве у вас в Англии нет такого снобистского понятия, как «заграничный доктор»? Хозер работал в Австрии и Германии, и это был типичный прием – выдавать себя за знаменитого венского врача. Пациенты не просили его предъявить паспорт. Что же касается «герра Хозера», то им он был только в Санта-Кьяре, где, кстати, никогда не акцентировал внимания на своей профессии. В Риме он всегда был «доктором Хозером».

– Это его настоящая фамилия?

– О да. В здешних краях у многих до сих пор австрийские фамилии. Когда регион отошел к Италии, кое-кто фамилии сменил – так же, как были переименованы города и деревни. Монтелунга, например, раньше была Лангенбергом, а для некоторых людей остается им и по сей день.

– А что насчет остальных членов семьи Хозера – тех, которые не покидали здешних краев?

– Никого не осталось, – ответил Спецци. – Родители умерли много лет назад, а единственный брат погиб на войне.

– Понятно, – протянул Генри. – Так что именно впервые вызвало подозрения против Хозера в Риме – если не считать дела Карони?

– А никаких подозрений и не было еще несколько недель тому назад. Но тогда он совершил свою первую ошибку, вернее, кто-то совершил ее за него.

– И что это было?

Капитан помолчал.

– Существуют, – сказал он, – и всегда существовали молодые люди авантюрного склада ума, которые находят торговлю наркотиками неодолимо привлекательным занятием. Такие юные пираты в особо больших количествах появляются после войн. Они послужили в морском флоте... научились жить опасно, управлять судами... Эти люди получают доступ к какому-нибудь судну и перевозят контрабанду. Для многих из них Танжер становится подходящей стартовой площадкой.

– Мне ли не знать, – кивнул Тиббет. – Все начинается как веселая шалость – сигареты, бренди, а потом... – Он вдруг запнулся. Спецци посмотрел на коллегу и ухмыльнулся.

– Ага, инспектор, теперь понимаете?

– Роджер Стейнз, – медленно произнес Генри. – «Нэнси Мод». Три года тому назад. Это была его яхта...

– У вас прекрасная память.

– Память у меня паршивая, – раздраженно возразил англичанин. – Я должен был сразу сообразить. Посмотрим, что я смогу вспомнить теперь. «Нэнси Мод» была арестована на Сицилии с грузом контрабандных сигарет. На борту находилось два матроса-итальянца. Стейнз лично привел яхту из Те-Солент²² в Танжер и гостил там у друзей. По его утверждению, судно украли – он не появлялся на нем десять дней и потому не знал о пропаже. Итальянцы же, со своей стороны, настаивали на том, что он специально нанял их, чтобы они совершили рейс, пока он сам будет оставаться на берегу. Правда, они зашли слишком далеко, утверждая, будто не знали, что за груз перевозят. Оправдание было весьма слабым, учитывая, что их взяли в момент, когда они в два часа ночи перевозили сигареты на лодке с яхты на берег какого-то заброшенного ручья. Полиция поверила Стейнзу, и итальянцы отправились в тюрьму. Я все правильно излагаю?

²² Пролив в северной части Ла-Манша, отделяет остров Уайт от южного берега Великобритании.

– Абсолютно. Не думаю, что вы запомнили имя парня, который заправлял там.

Генри покачал головой и признался:

– Тут вы меня поймали.

– Да это и неважно. Его звали Донати, в близком кругу он был известен под миленьким прозвищем Лупо – волк. Преступный тип, каковым он остается и поныне.

– Но ведь тогда речь шла лишь о сигаретах, – вставил Тиббет. – Это же не были...

– Разумеется, это были сигареты – тогда. Лупо Донати вышел из тюрьмы два года назад. Он вернулся на море, поступил на какое-то торговое судно, но служба была тяжелой, и он оставил ее. В прошлом году Лупо обзавелся собственным судном – симпатичным маленьким катером, который называется «Кариссима». Как вы понимаете, за катером велось пристальное наблюдение, особенно после того, как тот начал совершать регулярные рейсы в Танжер. Очевидно, что у самого Лупо не было денег на такой катер, – значит, кто-то финансировал его приобретение. Несколько недель тому назад мы получили твердые доказательства того, что «Кариссима» перевозит наркотики, но какой был смысл снова арестовывать Лупо? Мы хотели выяснить, кто стоит за ним. Поэтому, когда он прибыл в Рим, мы вызвали его на допрос. Сначала тот страшно испугался. Потом полицейские сумели убедить его, что верят его рассказам, и Лупо решил, что ему удалось всех провести, – молодой человек тщеславен. И вот, покинув полицейский участок, очень довольный собой, он проявил неосмотрительность: взял такси и поехал прямо в лабораторию Хозера.

– Неужели?

– Хозер сам открыл ему дверь. Он страшно разозлился, притворился, будто не знает Лупо, и прогнал его. Но этого было достаточно. Началось расследование. Римская полиция заинтересовалась частыми визитами Хозера в Санта-Кьяру. Возможно, в том, что он посещал свою малую родину, ничего предосудительного не было, а возможно, и было. И почему он останавливался именно в «Белла Висте», если не катался на лыжах? Картина начинала проясняться. И тут какой-то болван убивает его.

– Вы что-то говорили о шантаже... – начал Генри.

– Это только подозрение. В Риме выясняли источники его доходов. В лабораторию Хозера и впрямь поступает немало инвестиций. Но много денег приходит и на его личный банковский счет, всегда наличными, одинаковые суммы через одинаковые промежутки времени. А это может означать шантаж, разве нет?

– Нет, то есть я имею в виду – да, – ответил Тиббет.

– Ну вот, теперь вы знаете столько же, сколько и я.

– Спасибо, капитан.

Генри размышлял.

– Рим, Вена, Берлин... но не Лондон. А между тем связь с Лондоном должна существовать, потому что мы знаем: эта дрянь туда проникает... откуда-то. Может, и по другому каналу. В том, что касается нас, все очень неопределенно. В любом случае трудно заподозрить кого-либо из гостей здесь англичан в подобных делах – за исключением Роджера Стейнза. Но почему-то я не думаю... Ладно, гадать нет смысла. Кстати, – добавил инспектор, – что насчет багажа Хозера?

– Его обнаружили в «Олимпии», – сообщил Спецци. – Я лично осмотрел вещи и не нашел ничего интересного, если не считать того факта, что замок на портфеле был сломан. Это могло случиться как давно, так и сегодня – кто знает? На вещах не обнаружено никаких отпечатков пальцев, кроме отпечатков бармена «Олимпии», который вносил их.

– А что было в портфеле?

– Незаконченный медицинский трактат о вирусных заболеваниях и несколько порнографических журналов, – ответил капитан с оттенком брезгливости.

– Не слишком щедрый улов, – улыбнулся Генри. – А в карманах нашлось что-нибудь интересное?

– Нет, – коротко ответил Спецци. – Ключи от квартиры, деньги, чековая книжка, носовой платок. Только то, что обычно носят в карманах.

– Ну что ж, – заключил Тиббет, – наверное, на большее надеяться и не стоило. Он взглянул на часы.

– Уже поздно. Я должен вас покинуть и дать возможность провести опрос.

Спецци смущенно посмотрел на него.

– Я хотел бы попросить вас об одолжении. Как вы понимаете, нужно опросить всех, кто так или иначе связан с этим делом. А мой английский, – итальянец застенчиво улыбнулся, – не слишком хорош. Я был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вы взяли на себя опрос английских постояльцев. Разумеется, я буду присутствовать, так же, как, надеюсь, вы будете присутствовать при моих беседах с остальными.

Генри сделался глубоко несчастным.

– Я понимаю, друг мой, – ласково произнес капитан, – вы уже подружились с этими лыжниками...

– И они не знают, кто я и зачем здесь нахожусь, – продолжил за него Генри. – Ну, ладно, полагаю, вызывать неприязнь – часть моей профессии. Хорошо, я это сделаю. А ваш парнишка, случайно, не умеет стенографировать по-английски?

– Боюсь, что нет.

– Тогда, может, вы не станете возражать, если моя жена тоже будет сидеть с нами и делать заметки для меня?

– Я буду в восторге, – галантно ответил капитан, невольно оглядываясь в поисках руки, которую следовало поцеловать.

Таким образом, Эмми и молодой карабинер были приглашены и посажены в противоположных концах комнаты на маленьких жестких стульях. У каждого в руках был блокнот. Капитан вольготно устроился во вращающемся кресле за столом Россати, а Генри присел на подоконник, мечтая оказаться за тысячу миль отсюда.

– С чего начнем? – спросил Тиббет.

– Прежде всего нам нужны факты. – Спецци подтянул поближе бювар со стопкой бело-снежной бумаги и написал на первом листе: «Хронология событий». На Генри, склонного вести опросы свидетелей, полагаясь в основном на интуицию, это произвело впечатление.

– Предлагаю начать с синьора Россати, – сказал капитан.

Глава 7

Любого человека, оказавшегося на месте синьора Россати, можно было бы простить за излишнее волнение и недовольство. Смерть постояльца – событие неприятное для владельца отеля в любой ситуации, не говоря уже об убийстве, в связи с которым большая часть гостей становится подозреваемыми; добавьте к этому унижение от того, что вас допрашивают в собственном кабинете, где вы вынуждены сидеть на краешке жесткого стула, между тем как самодовольный полицейский валяжно развалился за вашим столом, – и почти любая степень беспокойства и раздражения покажется объяснимой и вполне простительной.

Внешне, однако, синьор Россати держал удар очень достойно. Он сидел, сложив вместе толстые красные ладони, и смотрел на капитана с выражением одновременно уважительным и настороженным.

Специ говорил неторопливо и спокойно:

– Прежде всего мы хотели бы как можно точнее восстановить передвижения каждого из тех, кто находился в отеле, синьор Россати. Начнем с герра Хозера. Когда вы впервые увидели его сегодня?

– Сегодня... это было в девять часов, во всяком случае, близко к этому времени...

– Он уже позавтракал?

– Он как раз завтракал. Сам я обычно ем у себя в комнате и после этого перехожу в рабочий кабинет. Но сегодня Анну, буфетчицу, послали за мной с просьбой, чтобы я спустился в столовую.

– Вы всегда позволяете беспокоить вас в это время?

– Герр Хозер был важным клиентом отеля. Я всегда готов пойти на небольшие уступки.

– И чего он от вас хотел?

– Он попросил подготовить счет, так как собирался уехать из Санта-Кьяры на одиннадцатичасовом поезде, как он сказал, и, скорее всего, до отъезда уже не планировал возвращаться в отель.

– Кто-нибудь это слышал?

– Кто-нибудь? – Россати сделал выразительный жест. – Да все, *caro Capitano*!²³ Там же были все гости – разве не так? – Последний вопрос он адресовал Генри, чье присутствие, кажется, не вызвало у него никаких вопросов. Тиббет коротко кивнул.

– На каком языке он говорил? – вдруг спросил капитан.

– На немецком, конечно.

– Конечно. В деревне мне сказали, что и вы предпочитаете говорить по-немецки, синьор Россати. Это так?

– Я... – Теперь Россати явно был смущен. – Я говорю на обоих языках, как вы знаете, капитан. У меня нет политических взглядов – вообще никаких...

– Тем не менее вы предпочитаете говорить по-немецки?

– Ну я... для нас, жителей этого региона, капитан, эти два языка равно...

– Но вы-то не всю жизнь прожили в этих местах, верно, синьор Россати? – Голос капитана звучал спокойно и непринужденно. – Судя по вашему акценту, я бы предположил, что вы родом из Рима.

Последовала едва заметная пауза.

– Да, я родился в Риме, капитан.

– И у вас не было никаких связей с Австрией или Германией?

– С тех пор как я живу здесь, они неизбежны...

²³ Дорогой капитан (*ит.*).

Спецци улыбнулся.

– Вы меня неправильно поняли, синьор. Я не имел в виду, что у вас есть какие-то связи с этими странами. Наоборот, я задался вопросом: почему римлянин, не говоривший по-немецки, в совершенстве овладел языком всего после нескольких лет... кстати, сколько точно времени вы живете здесь?

– В марте будет три года... – Голос Россати упал почти до шепота.

– Всего три года – и такое знание языка, – продолжал Спецци, – что вы предпочитаете общаться по-немецки. Впрочем, вам, вероятно, сейчас не до дискуссий на эту тему. У нас будет для этого еще время. А в данный момент нам нужны факты.

В наступившей тишине красный, как свекла, Россати пухлым указательным пальцем ослабил ворот рубашки.

Капитан продолжил так же мягко, как прежде:

– Итак, Хозер по-немецки попросил подготовить счет в девять часов утра, в присутствии гостей, которые могли его слышать. Что он сделал потом?

– Закончил завтракать, и мы с ним вдвоем пошли сюда, – ответил Россати. Голос у него чуть заметно дрожал. – Я выписал счет, и он его оплатил.

– Чеком?

– Нет... вообще-то... наличными...

– Можно поинтересоваться, на какую сумму был выписан счет?

Как ни удивительно, этот вполне закономерный вопрос, похоже, привел Россати в смятение. После минуты сомнений владелец отеля сообщил:

– Большую часть счета Хозер оплатил уже на прошлой неделе.

– Что вы имеете в виду?

– Только то, что сказал, капитан. Он провел здесь три... Да, сегодня ровно три недели. Но в прошлые выходные он собрался было уезжать и оплатил счет. А потом передумал и остался...

– У вас есть соображения, почему он так поступил?

– Ни малейших. Ни малейших, уверяю вас. Он – человек... конечно, теперь следует говорить «был человеком» состоятельным, капитан, и ему нравилось жить в моей маленькой гостинице. Поэтому, наверное, и решил задержаться еще на неделю.

– Стало быть, сегодня утром он оплатил счет за одну неделю наличными. И после этого?..

Синьор Россати заметно расслабился, явно решив, что худшее позади.

– Герр Хозер отправился вверх – должно быть, собрать вещи. Я видел, как посыльный снес его багаж вниз около... думаю, было около половины одиннадцатого. Как раз в тот момент, когда Анна несла кофе миссис Бакфаст на террасу, а она всегда...

– Его багаж находился в кафе «Олимпия», – сообщил Спецци. – Когда его туда отправили?

– Не могу сказать. Перед ленчем, наверное. Посыльный скажет вам точнее.

– А когда вы в следующий раз увидели герра Хозера?

– Он звонил из моего кабинета около одиннадцати часов.

Спецци, заинтересовавшись, подался вперед.

– Куда? – спросил он.

– В Инсбрук, капитан. Больше ничего не могу вам сказать. Я, разумеется, оставил его одного, пока он разговаривал.

– Понятно. Видели ли вы его еще?

– Только сегодня вечером. – Теперь Россати отвечал легко и свободно, без колебаний. – Я предполагаю, он обедал в деревне, так как здесь его не было. На самом деле я думал, что он уехал окончательно, но, когда зашел в бар незадолго до пяти, чтобы проверить, все ли готово к возвращению лыжников, он оказался там.

– Вы с ним говорили?

– Перекинулись словечком, не более. Кажется, я сказал, что не ожидал увидеть его снова, а он напомнил, что уезжает только последним поездом. Я спешил, поскольку у меня была назначена встреча в деревне.

– Можно поинтересоваться – с кем?

– Конечно, капитан. С банковским управляющим. А после этого я собирался встретиться с другом в «Олимпии», но, к сожалению, тот не пришел. Я как раз ждал его там, когда... когда синьора Тиббет пришла с этой вестью...

Специ, делавший заметки на бумаге в раскрытом бюваре, поднял голову.

– Прежде чем мы пойдем дальше, – сказал он, – я хотел бы получить точное представление о ваших собственных передвижениях в течение дня. Мы остановились на девяти часах утра, когда Хозер в этой комнате оплачивал свой счет. Что вы делали потом?

– Мои дни складываются рутинно, капитан. Это вам подтвердит весь мой персонал. Всегда одно и то же – или почти одно и то же. Когда герр Хозер оплатил счет, я вернулся к себе, допил кофе, потом пришел сюда, чтобы сделать записи в бухгалтерских книгах.

– Вы видели, как выходили лыжники?

– Честно говоря, нет, капитан. В холле в это время постоянно кто-то входит, кто-то выходит, а поскольку ведение учета требует сосредоточенности, я ни на что не обращаю внимания, если меня не отвлечет кто-нибудь, кому нужно со мной поговорить.

– А сегодня кто-нибудь вас отвлекал?

– Нет, капитан.

– Понятно. Что потом?..

– К десяти часам лыжники ушли на трассы. Я, как всегда, пошел на кухню согласовать завтрашнее меню и проверить, все ли в порядке с сегодняшней едой. Когда я возвращался к себе в кабинет, Анна несла кофе миссис Бакфаст, а Беппи, посыльный, нес по лестнице багаж герра Хозера. В кабинете я напечатал меню ленча и обеда, составил списки закупок. Вот когда я этим занимался, и пришел герр Хозер, чтобы позвонить.

– Ясно. И этим вы занимались вплоть до ленча?

– Да. Еще я разбирал почту. Марио доставляет письма из деревни, когда приезжает, чтобы запустить подъемник. Сегодня писем было немного – обычные счета, квитанции и парочка запросов о бронировании.

– В какое время вернулись лыжники?

– Около половины первого. Сегодня это были только те, кто посещает класс для начинающих, – кроме синьора Тиббета, его с ними не было.

– Совершенно верно, – вставил Генри, – я поел в деревне.

– И, конечно, бедная фройляйн Книпфер была здесь, – добавил Россати.

– Вы разговаривали с кем-нибудь из них?

– Я всегда захожу в бар перед ленчем, чтобы перекинуться словечком с гостями, капитан, – просто чтобы убедиться, что они всем довольны. Сегодня там были только мистер Пасденделл и молодая английская леди.

– И они были довольны?

– Думаю, да. Откуда я могу знать? Жалоб они не высказывали...

– А о чем они разговаривали?

– Ну о чем разговаривают все лыжники? – просиял Россати. – Снег... Утренние занятия... Каких успехов они добились... Об инструкторе.

– И никаких других тем?

– Нет, капитан.

– Что вы делали потом?

– Съел свой ленч в гостиной, как обычно.

– Тогда откуда вы знаете, кто присутствовал на ленче? Кто-то ведь мог появиться позднее.

– Знаю, потому что Анна приносит мне счета за подписью тех, кто присутствовал.
– Был ли сегодня среди них кто-нибудь, кто не живет в отеле?
– Нет, капитан. Иногда к нам заходят другие лыжники или те, кто поднимается сюда ради красивого вида, но для таких сезон еще не наступил.

– А после ленча?

– Ничего особенного, капитан. Я немного отдохнул у себя в комнате, почитал газеты. Вскоре после четырех Беппи позвал меня посмотреть одну из верхних комнат, где на потолке появилось сырое пятно. Отель – дело такое: все время что-то требует починки, вечные расходы. Потом я снова пошел на кухню, убедиться, что все готово к обеду, и захватить новую бутылку бренди для бара. Когда я ее принес, то заметил герра Хозера, как уже говорил. После этого я на подъемнике спустился в деревню.

Спецци что-то отметил в своих записях и сказал:

– Благодарю, синьор. Вы нам очень помогли. Еще один-два вопроса. Герр Хозер часто бывал здесь прежде?

– О, много раз. С тех пор как я здесь, он приезжал по несколько раз каждый год.

– Он и раньше проводил здесь по три недели?

– Он... нет, обычно это была одна неделя или две...

– Ясно. Синьор Россати, у вас есть оружие?

– Оружие? – Россати снисходительно улыбнулся, словно разговаривал с ребенком. – Зачем мне оружие, капитан?

– Хозер был застрелен. У кого-то должно было быть оружие.

Улыбка Россати сделалась шире.

– Это очень просто, капитан. В этой гостинице оружие было только у одного человека, и этот человек – сам герр Хозер. Я много раз видел его пистолет.

– Он вам его показывал?

Небольшая заминка.

– Я... видел его. Такой маленький автоматический пистолет. Герр Хозер держал его в портфеле.

– Есть ли у вас догадки, зачем ему был нужен пистолет?

Россати пожал плечами.

– Откуда мне знать? Он много путешествовал. Вероятно, у него были враги... теперь ясно, что были, раз он убит.

Спецци сидел, подавшись вперед и слушая очень внимательно.

– Кто, кроме вас, знал про пистолет?

– Вы задаете вопросы, на которые невозможно ответить. Откуда мне знать? В таких отелях, как этот, среди постояльцев не принято запираеть двери комнат...

– И герр Хозер не запирал свой номер? – Спецци взглянул на Генри и вопросительно поднял брови. – Вы в этом уверены, синьор Россати?

– Не могу утверждать, что он никогда его не запирал, но не могу вспомнить и случая, чтобы он это делал. И зачем бы? Никто ведь не запирал.

Улыбка Россати стала совсем слащавой.

– Значит, кто угодно мог знать о пистолете и кто угодно мог его украсть?

– Sì, капитан.

– Вы его украли? – Вопрос вылетел словно пуля, но Россати ничуть не встревожился.

– Я? А зачем? Герр Хозер был ценным клиентом...

– Когда вы в последний раз видели этот пистолет?

Россати подумал.

– Точно не помню, капитан. На этой неделе, на прошлой... Не могу сказать. Просто я знал, что герр Хозер всегда носит его с собой.

Спецци выглядел недовольным, но добиться более точного ответа не смог, поэтому капитан ограничился тем, что бросил на Россати сердитый взгляд и сказал:

– И последний вопрос. Каково ваше личное впечатление о герре Хозере как о человеке? Он вам нравился?

– Он был ценным клиентом.

– И поэтому нравился вам?

– Конечно. Другое отношение вредило бы бизнесу.

Спецци посмотрел на Генри.

– Есть ли у вас вопросы к синьору Россати? – спросил он, затем, повернувшись к хозяину отеля, объяснил: – Синьор Тиббет имеет отношение к английской полиции. Он помогает мне в расследовании.

Если для Россати это и было новостью, он никак того не продемонстрировал, лишь кивнул и перевел взгляд со Спецци на Генри.

– Только один, – сказал Тиббет. – Когда вы встречаетесь в деревне с друзьями, в каком баре это обычно происходит, синьор Россати?

– Это бывает очень редко, синьор. Я...

– Но в каком заведении?

– В... в баре «Шмидт», как правило, синьор. Видите ли, этот бар... этот бар скорее для местных жителей, чем для туристов...

– Однако вчера вечером вы ждали своего друга, который не пришел, в «Олимпии»?

– Мой друг – один из лыжных инструкторов, синьор, – поспешно пояснил Россати. – А они предпочитают «Олимпию».

– Понимаю, – сказал Генри. – Это все.

– Спасибо, синьор Россати, вы можете идти. – Спецци взглянул на кнопку звонка, встроенную в край стола. – Когда я позвоню, пожалуйста, попросите... – Он обернулся к Генри. – Кого из группы англичан вы предпочитаете видеть первым?

– Послушайте, – сказал Генри, – я не хочу вмешиваться в ваши планы, но уже почти десять часов, и если я начну опрашивать своих соотечественников сейчас, мы проторчим здесь всю ночь. Нельзя ли отложить это до утра?

– Как угодно. – Спецци, похоже, остался недоволен. – Итак, синьор Россати. Скажите гостям, что они могут отправляться спать, когда захотят, но им не разрешается покидать отель ни сегодня вечером, ни завтра утром. Мы начнем в половине десятого. Вы приготовили комнаты для моих помощников и для меня?

– Разумеется, *caro Capitano*. Я сам провожу...

Россати с удивительной живостью вскочил и снял два ключа с доски, висевшей на стене.

– Идите за мной, пожалуйста, – обратился он к помощникам капитана.

Когда двое полицейских были препровождены в их комнаты, владелец отеля вернулся в кабинет вместе с сержантом, отвечавшим за поиски пистолета. Тот мрачно доложил, что оружие не найдено.

– Не огорчайтесь, – произнес Спецци, – этого мы и ожидали.

Он распорядился, чтобы утром осмотрели трассу под канатной дорогой, после чего вызвал сонного Марио и велел тому запустить подъемник, чтобы доставить карабинеров в деревню.

– Еще кое-что, – заметил Генри. – На вашем месте я бы на несколько дней закрыл Имменфельдский спуск, если мы не хотим, чтобы кто-нибудь сбежал.

– Я это уже сделал, – не без самодовольства ответил Спецци.

Когда он и его помощник удалились в свои комнаты, Генри и Эмми переглянулись и обменялись улыбками.

– Пойдем, – сказал Тиббет. – Мне нужно выпить.

В баре были только Джимми, Роджер и Франко. Мужчины стояли в дальнем конце зала, облокотившись на стойку, сблизив головы и о чем-то серьезно беседуя. По другую сторону стойки Анна, зевая, натирала до блеска и без того сверкающий бокал. Было очень тихо. Когда вошли Генри и Эмми, все трое гостей подняли головы.

– Привет, – сказал Джимми. – Выпейте что-нибудь. Должен сказать, немало вы там пробыли. Что это было? Допрос третьей степени? Вы – главные подозреваемые?

– Я же сказал тебе, кто они, – кисло напомнил Роджер, залпом допивая бренди.

Джимми рассмеялся.

– Не обращайтесь внимания на Роджера, – сказал он. – Ему иногда приходят в голову самые экстравагантные идеи, к тому же он прилично набрался. По каким-то неясным причинам он считает...

– Я не считаю, я знаю, черт побери, – перебил приятеля Роджер. Отойдя от бара, он нетвердой походкой направился к Генри. – Вы ведь – фараон, что, неправда?

– Да, – подтвердил Генри и добавил: – Уж извините.

– Тогда что вы здесь делаете? – спросил Джимми напряженным голосом.

– Провожу отпуск. Точнее, проводил.

– Чертов врун. – Роджер метнулся обратно к стойке и шваркнул об нее бокалом. – Еще бренди, Анна. Он же выслеживает... кого-то... спит и видит, как бы какого-нибудь бедолагу отправить на виселицу...

– Возьми себя в руки, старина, – несколько неуверенно предложил Джимми. – В конце концов, кто-то ведь убил нашего незабвенного друга Хозера, и лично я спал бы спокойнее, если бы этого человека поймали. Не очень приятно знать, что убийца на свободе и шастает где-то поблизости.

– Пожалуйста... О чем вы?.. Я не понимаю. – Франко переводил взволнованный взгляд с одного лица на другое, тщетно пытаясь вникнуть в суть разговора. Роджер повернулся к нему.

– Этот человек – английский полисмен, – сказал он по-итальянски.

– *Carabiniere*? – Напряжение на лице Франко сменилось улыбкой. – О, добро пожаловать, синьор. Это большая удача, правда?

– Нет, – мрачно ответил Роджер.

– Я очень рад, что вы так думаете, – печально сказал Генри, обращаясь к Франко. – Анна, можно нам два бренди?

– Я не знала, что вы так хорошо говорите по-итальянски, Роджер, – заметила Эмми.

– Просто я бил проклятых фрицев по всему побережью Италии. Есть возражения?

– Разумеется, нет.

Пока Анна наливала бренди в бокалы, все молчали, потом Франко вежливо извинился на вымученном английском и отправился спать. Джимми быстро допил свой бокал.

– Я тоже пошел, – сказал он. – Полагаю, веселье начнется завтра.

– Боюсь, что так, – ответил Генри. – Мы постараемся сделать все как можно безболезненнее.

– Очень любезно с вашей стороны, – сухо произнес Джимми. – Интересно будет наблюдать детектива в действии. Есть уже какие-нибудь зацепки?

– Еще слишком рано, – сказал Тиббет. – Кроме того, это совсем не мое дело – это дело местной полиции. Но они настояли, чтобы я провел опрос англичан, поскольку у них трудности с английским.

Несколько секунд Джимми смотрел прямо в лицо Генри, потом ухмыльнулся.

– Вы жалкая личность, – отрезал он. – Мне вас жаль.

И с этими словами вышел из бара.

Роджер уселся на табурет и стал разглядывать инспектора с выражением крайней неприязни.

– Отпуск, – проговорил он наконец. – Расскажите это моей бабушке. Какое странное совпадение: убийца появляется в тот самый момент, когда ищейка решает провести здесь свой отпуск. Вы не находите?

– Признаю, я совмещаю отпуск с небольшим делом, – невозмутимо сказал Генри. – Но это дело не касается убийства.

– Однако все это окажется так или иначе весьма полезным? – Роджер вдруг страшно разозлился. – Завтра вы собираетесь поджаривать нас на медленном огне. Ладно. Поберегите свой пыл до утра. И не думайте, что достаточно вам прийти сюда, выпить с нами – и мы поплывем. Я повидал много таких, как вы, и знаю одно: все, что они говорят, все, что они делают, все это – для одной-единственной цели: заставить человека оступиться и выдать себя. Но в данном случае это не сработает. Я иду спать.

– Мне жаль, что вы такого мнения, – ответил Генри, – потому что я пришел сюда для того, чтобы поговорить именно с вами.

– Да уж, кто бы сомневался.

– Когда я буду опрашивать вас завтра, там будет присутствовать итальянская полиция, а капитан достаточно хорошо понимает английскую речь. В любом случае допрос будет официальным, и Эмми будет все стенографировать.

– Как, и вы тоже «в деле»? – грубо бросил Роджер в сторону миссис Тиббет. – Жаль, вы мне весьма понравились.

– Поэтому я думал, – проигнорировав его замечание, продолжал Генри, – что это – последняя возможность поговорить с вами наедине.

– Ладно. Валяйте, говорите. Но не ждите, что я буду вам отвечать. Даю вам две минуты.

– Мне столько не нужно. Я просто хотел предупредить, чтобы завтра вы не совершили глупость. Поскольку вы в панике...

– Да как вы смеете!

– ...следите за тем, чтобы не потерять голову, иначе навлечете на себя реальные неприятности. Капитан Спецци знает все о «Нэнси Мод».

На несколько мгновений воцарилась мертвая тишина. Потом Роджер очень тихо произнес:

– Спасибо.

– Не за что. Вы же не предполагали, что эта история не всплывет?

– Это было давно. Я не думал, что возникнет необходимость вытаскивать ее на поверхность теперь...

– Тем не менее она будет упомянута. Так что, бога ради, говорите правду, вот и все. Идем, Эмми. Пора спать.

– Я тоже иду, – сказал Роджер.

Они покинули бар вместе и стали подниматься по крутой деревянной лестнице. У своей двери Роджер задержался и произнес:

– Только незачем растрезвонивать об этом... остальным.

– Конечно, – кивнул Генри. – Но я уверен, что... кое-кто из них уже знает, я прав?

– Нет, они не знают! – Роджер говорил очень темпераментно. – Никто не знает.

Он вошел в свою комнату и громко хлопнул дверью. Тиббеты услышали, как в замке поворачивается ключ.

Глава 8

Первое, что предстояло сделать Генри на следующее утро – составить телеграмму в Скотленд-Ярд, заместителю комиссара. Понимая, что для местной телеграфистки будет выше человеческих сил не поделиться с земляками содержанием такого документа – он не мог позволить себе понадеяться на то, что служащая не поймет английского текста, – Генри спросил капитана Спецци, нельзя ли начать опрос с итальянцев и немцев, чтобы Эмми успела съездить в Монтелунгу и отправить телеграмму оттуда.

Таким образом, англичане сидели на террасе в неловком молчании и пили кофе, между тем как Беппи, посыльного отеля, отправили к подъемнику подменить Марио. Несколько минут спустя Марио был препровожден в кабинет Россати. Спецци собирался начать утро с опроса баронессы, перед которой испытывал благоговейный трепет, но Герда лаконично сообщила ему, что хозяйка неважно себя чувствует и встанет лишь к ленчу. Спецци не стал спорить.

Марио с несчастным видом сидел на краешке стула, словно намокший воробей на телеграфном проводе, нервно скручивал в жгут свою шерстяную шапку шишковатыми пальцами и по очереди бросал испуганные смущенные взгляды на Генри, Спецци и стенографа. Капитан был с ним очень мягок.

– Вы должны понимать, что мы ни в чем вас не обвиняем, – начал он, – но нам необходимо задать вам некоторые вопросы, чтобы выяснить правду о случившемся. Итак, ваше имя?

– Веспі, Марио, – выдавил старик.

– Марио, вы дежурили на верхней станции подъемника вчера вечером?

– Sì, Capitano. Я всегда там.

– Что вы можете нам рассказать о последнем спуске герра Хозера в деревню?

Это было Марио не по силам – с ходу составить складный рассказ. Он жалобно смотрел то на Спецци, то на Генри и молчал, словно язык у него прилип к небу.

– Ну, хорошо, скажите нам, в котором часу Хозер поехал вниз, – уточнил Спецци с легким раздражением.

– Это было... должно быть, минут в десять седьмого, капитан.

– Кто-нибудь еще ехал на подъемнике в это время?

– Нет. Было уже почти темно, поэтому никто из лыжников не поднимался.

– Но постояльцы «Белла Висты» еще не вернулись?

– Нет, капитан. Я еще подумал: что с ними случилось?

– Почему вы так подумали?

– Ну... Простите, капитан, это не мое дело, я знаю... господа поднимаются, когда пожелают, естественно, но...

– Думаю, Марио имеет в виду, – пояснил Генри, – что обычно мы возвращались в отель до половины шестого. Но вчера вечером мы все случайно встретились в «Олимпии» и засиделись там за чаем.

Марио послал Генри жалобно-благодарный взгляд.

– Ясно, – сказал Спецци. – Итак, приблизительно десять минут седьмого, подъемник пуст, постояльцы «Белла Висты» еще в деревне. Что случилось потом?

– Потом я увидел герра Хозера.

– Где?

– Он спускался по дорожке от отеля.

– Откуда вы узнали, что это он? Ведь было темно, и шел сильный снег.

Марио застыл от страха и нечленораздельно что-то пробормотал. Можно было разобрать только слово «ботинки».

– Какие ботинки?

– Ботинки герра Хозера, – чуть взбодрившись, пояснил старик. – Меховые, – добавил он, – с черными пятнами. Я их хорошо знал; ну, и на дорожке был свет.

Потом он доверительно сообщил:

– Я его ждал.

– Ждали?

Марио вдруг снова испугался и быстро объяснил:

– Его багаж уже спустили вниз – перед ленчем, я сам его отправил... Беппи принес вещи из отеля и сказал, что никакой спешки нет, потому что герр Хозер уезжает только на последнем поезде. Поэтому я знал, что он сам тоже должен спуститься в деревню.

– Понятно. Герр Хозер вам что-нибудь сказал?

– Он, как всегда, сказал «добрый вечер», он был очень вежливым господином. – Взгляд Марио, устремленный на капитана, был полон надежды, что ответ того удовлетворил.

– Больше ничего?

– Нет, капитан. Я помог ему сесть в кресло и пожелал счастливого пути.

– Он выглядел как обычно? Был в хорошем настроении?

– Он был такой же, как всегда, капитан.

– И тогда вы видели его в последний раз?

– Sì, Capitano.

Спецци, хмурясь, изучил собственные заметки и спросил:

– Не можете ли вы поточнее указать время, когда герр Хозер отправился на канатной дороге вниз?

На лице Марио появились глубокие морщины.

– Простите, капитан... извините... я же не знал, что это важно...

Казалось, старик вот-вот расплачется.

– Не волнуйтесь, – успокоил его Генри. – Я могу назвать точное время. Спуск или подъем занимают двадцать пять минут, я это сам проверял. Когда Хозер достиг нижней станции, было без семнадцати минут семь. Так что, если вы хотите абсолютной точности, то он отчалил от верхней станции в... шесть восемнадцать.

– Благодарю вас. – Спецци с явным удовлетворением внес цифру в свои аккуратные записи.

– Только, капитан... – Марио, в попытке быть полезным, выдал дополнительную информацию: – Боюсь, это не совсем верно. Должно было быть шесть шестнадцать.

– Почему?

– Потому что подъемник остановился на две минуты вскоре после того, как герр Хозер сел в него, – сообщил Марио с триумфальным видом фокусника, доставшего яйцо из уха зрителя. – Предохранитель выбило, – добавил он.

– На вашем конце или на конце Карло?

– На моем, капитан. Бедный герр Хозер, он только начал спускаться, я видел, как он сидит в кресле. Ну, я постарался поменять предохранитель как можно быстрее, но это всегда занимает две минуты. Вы можете проверить в журнале, который я веду. И я знаю, что это правильное время, потому что записал его, посмотрев на часы у себя в будке. Они электрические, так что не врут, – добавил он с оттенком гордости.

– Благодарю вас, – сказал Спецци.

– Конечно, – продолжил Марио, воодушевившись, – это могло занять у меня немного больше двух минут. И тогда, значит, герр Хозер сел в кресло в... пятнадцать с половиной минут седьмого...

– Ладно, ладно, время определено уже достаточно точно, – брюзгливо сказал Спецци, чувствуя на себе насмешливый взгляд Генри, и подчеркнул цифру в своих записях. «Кое-кто, –

словно бы говорило выражение лица капитана, – может сколько угодно ухмыляться по поводу точности деталей, но он еще убедится в подобной необходимости».

– Итак, – сказал Спецци после паузы, – что случилось потом?

– Ничего, капитан... пока не прибыли дамы и господа, живущие в «Белла Висте».

– И в какое время это было?

– Я... боюсь, что точно не знаю, капитан...

И снова на помощь пришел Генри.

– Думаю, я могу указать время, если вы действительно хотите его знать.

– Это совершенно необходимо, поймите вы наконец, пожалуйста, – язвительно заметил Спецци по-английски.

– Разумеется, – согласился Генри. – Так вот, мы сидели в «Олимпии», когда Герда заметила, что уже пять минут седьмого. Все расплатились и вышли. Скажем, потребовалось десять минут, чтобы дойти от «Олимпии» до подъемника. Значит, первый из нас сел в кресло в четверть седьмого... Прошу прощения, в восемнадцать минут седьмого, учитывая поломку.

– Ясно. – Спецци записал цифры.

– Таким образом, – продолжил Генри, – они должны были достичь верхней станции примерно тогда же, когда Хозер достиг нижней, и поскольку несколько секунд ушло у нас на то, чтобы осознать тот факт, что он мертв, и остановить подъемник, думаю, последний из нашей группы как раз вылез из кресла, когда подъемник остановился по моему указанию. Все так? – спросил он у Марио.

– Sì, sì, signor. Последней была фройляйн Герда, я помню. Она как раз шла по тропинке наверх, когда подъемник остановился.

– Вы можете припомнить, в каком порядке ехали постояльцы? – спросил Спецци.

На лице Марио появилась заискивающая улыбка.

– Это очень трудно, капитан. Столько народу ездит каждый день...

– Вы все же постарайтесь.

– Ну... Синьор Джимми был первым, это я помню. А потом, после него, все англичане. Последним из них, кажется, был синьор Роджер. Потом синьор ди Санти, баронесса, потом двое детей и фройляйн Герда. – Старик закончил перечисление с явным облегчением.

– Спасибо, это очень важно. Что было потом?

– Подъемник остановился.

– И что вы сделали? – подстегнул его Спецци, заметив, что поток речи Марио начал иссякать.

– Я позвонил Карло. Еще рано было останавливать подъемник, поэтому я подумал, что опять вылетел предохранитель. Ответил синьор Тиббет. Он сообщил мне, что случилось какое-то несчастье, и велел ждать у себя в будке, пока подъемник не запустят снова. Еще он спросил, все ли лыжники из отеля прибыли, и я сказал – да.

– А теперь, Марио, – закончив писать, Спецци откинулся на спинку кресла, – я хочу, чтобы вы попытались вспомнить, кто еще пользовался подъемником в тот день.

Лицо Марио омрачилось.

– Но, капитан... они же ездят весь день... сотни людей...

– Меня больше интересуют те, кто спускались. Например, герр Хозер раньше в тот день пользовался подъемником?

– Да, капитан. Он спускался незадолго до двенадцати часов.

– До или после того как отправили его багаж?

– До того, капитан. Багаж находился у меня в кабинке с половины одиннадцатого, – объяснил Марио, – но я был слишком занят, чтобы спускать вещи. Беппи сказал, что это не срочно...

– Хорошо, хорошо. Продолжайте.

– В двенадцать заканчиваются занятия в лыжной школе, все идут на ленч, и становится тише. Вот тогда я и отправил багаж вниз. Герр Хозер велел мне сказать Карло, чтобы тот отнес его в «Олимпию», когда подъемник остановят на обеденный перерыв.

– Минутку, – сказал Спецци. – Я хочу знать точно периоды работы подъемника. Когда его запускают утром?

– Без четверти девять, капитан, – к этому времени я прихожу и поднимаюсь наверх. Но никого не сажают на подъемник до девяти – чтобы я был уже наверху, когда туда приедут первые лыжники. Потом он работает до половины первого, когда его останавливают на перерыв.

– Вы обедаете дома?

– Sì, capitano.

– Как вы спускаетесь в деревню?

– На лыжах, капитан, – ответил Марио. – Моя нога не настолько плоха, чтобы я не мог одолеть простой спуск.

– Понимаю. А когда подъемник запускают снова?

– Тут все опять как утром: я поднимаюсь без четверти два, а в два подъемник снова начинает работать для лыжников и работает до начала восьмого.

– Что значит – до начала восьмого?

Марио, казалось, занервничал.

– После семи часов никому уже не разрешают пользоваться подъемником, капитан, – пояснил он. – Иногда люди заскакивают в кресла за несколько минут до семи, и тогда подъемник должен работать до того момента, пока все пассажиры не окажутся на верхней станции. Но в этих случаях мы с Карло связываемся по телефону. Если после половины седьмого на подъемник никто не сел – а часто так и бывает, – то мы заканчиваем работу ровно в семь. Поскольку вечером уже темно, я спускаюсь на подъемнике, и, когда оказываюсь на нижней станции, мы останавливаем машину.

– Хорошо, – сказал Спецци, делая соответствующую запись. – А теперь давайте вернемся к герру Хозеру. В котором часу тот вернулся в «Белла Висту»?

– Где-то после полудня, капитан. Точнее не могу сказать... это было самое бойкое время. Марио с надеждой посмотрел на Генри, но тот покачал головой.

– На этот раз, боюсь, я не смогу вам помочь.

– Жаль. Может, Карло вспомнит. Но в принципе, раз вы, по вашим словам, ждали, что герр Хозер поедет вниз, то вы должны были раньше видеть, что он поднялся?

– Да, капитан, но... – Марио безнадежно пожал плечами.

– А синьор Россати? Он спускался?

– Да, капитан. Около пяти... должно быть... начинало смеркаться. – Марио позволил себе улыбнуться, явно гордясь собственной неопровержимой логикой.

– Не могли бы вы вспомнить, еще кто-нибудь из отеля спускался в деревню?

– Не думаю, капитан...

– Хорошо, Марио, можете идти. И пожалуйста, – добавил он, – не распространяйтесь у «Шмидта» о том, какие вопросы вам задавали.

Марио был шокирован.

– Ну конечно же, не буду, капитан.

– Да, кстати, вы ни о чем не хотите спросить Марио? – Спихватившись, Спецци обернулся к английскому коллеге.

На самом деле было очень много того, что Генри хотел бы еще узнать у Марио, но, решив задать свои вопросы в менее официальной обстановке, он просто покачал головой. Марио, хромая, поспешно вышел из комнаты, и его место занял посыльный Беппи – жизнерадостный здоровяк.

Беппи подтвердил, что синьор Россати велел ему утром отнести багаж герра Хозера к подъемнику, и сообщил, что выполнил поручение около половины одиннадцатого.

– Из чего состоял багаж? – поинтересовался Генри.

– Мы осматривали вещи, – вмешался Спецци. – Два чемодана из тисненой кожи, маленький саквояж с вещами первой необходимости и портфель.

– Точно, – подтвердил Беппи, сияя. – У герра Хозера всегда один и тот же багаж. Я хорошо это знаю.

– Когда вы забирали вещи, герр Хозер был в комнате?

– Sì, Capitano. Он стоял у окна, заложив руки в карманы, и смотрел наружу – вот так. У него было очень хорошее настроение.

– Откуда вы знаете?

– Он насвистывал, – объяснил Беппи. – Я пожелал ему удачного путешествия и сказал: надеюсь, мол, вы приятно провели тут время, а он мне ответил: «Не только приятно, Беппи, но и с пользой». Я ему сказал, что такого здорового климата, как у нас, больше нигде нет, а он ответил: «Да, точно. Он принес мне большую пользу».

– Это все, что он сказал?

– Еще он говорил, что хочет успеть на семичасовой поезд до Монтелунги и чтобы Карло отнес его багаж в «Олимпию». Больше ничего.

– А потом вы отнесли вещи к подъемнику?

– Да. Бедняга Марио был очень занят – он мне совсем не обрадовался, должен вам доложить. Но я сказал ему, что это не срочно.

– Вы еще видели герра Хозера в тот день?

– Видел днем. Около половины пятого, наверное. Я понес в бар стул, который чинил, и он был там с синьорой Бакфаст.

– Вы слышали, о чем они говорили?

Беппи как будто даже обиделся.

– Я не подслушиваю личные разговоры гостей, – сообщил он, потом широко улыбнулся и добавил: – В любом случае они говорили по-английски, так что я не понял бы ни слова. А позже я видел герра Хозера, когда тот выходил из отеля.

– В какое время?

– Сразу после шести, капитан. Точно не помню. Я как раз проходил через холл, он попросился со мной и вышел.

За Беппи последовал Карло, который представил правдивую, чтобы не сказать вдохновенную картину того, что произошло у подножия подъемника. Он также подтвердил сведения Марио о времени, когда разные постояльцы «Белла Висты» пользовались подъемником, но не смог точно назвать время, когда Хозер днем поднимался в отель.

После ухода Карло капитан Спецци вызвал Герду. Генри снова отметил внушающий странное беспокойство настороженно-бесстрастный вид фройлейн. Она была одета во все черное – черные брюки-форлагеры и черный свитер с высоким стоячим воротом, лицо, как обычно, отличалось бледностью. Грациозно усевшись на стул, девушка замерла в ожидании вопросов капитана. Все ее движения, казалось, были сведены к минимуму – она словно бы намеренно экономила энергию, что, по предположению Генри, свидетельствовало о глубоком резерве силы. Спецци смотрел на нее с нескрываемым восхищением. Извинившись за то, что пришлось побеспокоить ее, он не без робости начал задавать вопросы по-немецки.

– Не будете ли вы любезны назвать нам свое полное имя, фройляйн?

– Герда Августа Браун.

– Вы работаете у барона и баронессы фон Вюртбург?

– Да.

– В каком качестве?

Герда чуть-чуть приподняла бровь. Этим едва заметным мимическим движением она безошибочно дала понять, что задавать вопросы, ответы на которые известны всем, – пустая трата времени. Спецци, открывавший новую страницу своего досье, этого не заметил.

– Я присматриваю за детьми, – ответила она.

– Есть ли у вас другие обязанности?

– Как бы это было возможно? У меня их и так достаточно.

Спецци взглянул на нее и немного покраснел, но на спокойном лице девушки не было ни малейшего признака надменности. Он продолжил:

– Пожалуйста, расскажите нам точно, что вы делали вчера.

После короткой паузы Герда поинтересовалась:

– В Италии принято вести допрос в присутствии публики?

И обратила на Генри спокойно-пристальный взгляд.

Спецци к этому времени уже весьма разволновался.

– Я веду расследование так, как считаю нужным, – сказал он и бросил на стол карандаш, остро заточенный грифель которого сломался с тихим треском. – Это не ваше дело, но я поясню: герр Тиббет имеет отношение к британской полиции...

– А-а! – Герда снова посмотрела на Генри, на этот раз с выражением, которое можно было истолковать как удовлетворение. – В таком случае я очень рада его присутствию.

От Спецци не укрылся тончайший оттенок язвительности. Он вспыхнул, но ничего не сказал, хотя вид у него был весьма удрученный.

– Вчера я встала, как обычно, в семь часов утра, – начала Герда, – и одела детей. Мы позавтракали в половине девятого и к половине десятого были готовы встать на лыжи. Сначала мы с детьми съехали в деревню по маршруту номер три, потом поднялись по канатной дороге на Альпийскую розу. Мы проделали три спуска: один утром и два днем. Ленч у нас был с собой, и мы съели его на террасе гостиницы «Роза» на вершине горы. Там в солнечном свете было очень красиво, – неожиданно добавила девушка.

– А потом?

– В пять часов мы закончили последний спуск и, как договаривались, встретились с баронессой в спортивном магазине – она хотела купить детям новые свитера. Совершив покупки, мы отправились в кафе «Олимпия», где присоединились к синьору ди Санти и группе англичан.

Спецци слушал этот пунктуальный доклад, произносимый тихим голосом, со смешанным выражением восхищения и раздражения. Когда Герда сделала паузу, он спросил:

– Видели ли вы в тот день герра Хозера?

– Во время завтрака. Я слышала, как он призвал синьора Россати и попросил его подготовить счет, поскольку уезжал последним поездом.

– И больше вы его не видели?

– До вечера – нет.

Спецци наклонился вперед.

– Что вы хотите этим сказать?

Герда снова едва заметно приподняла бровь.

– Разумеется, то, что я видела его, когда ехала на подъемнике вверх. Он спускался. Полагаю, к тому времени он уже был мертв.

Она говорила без малейшего намека на какие бы то ни было эмоции.

– Расскажите об этом подробнее.

– А что тут рассказывать? Я ехала последней. Первыми поднимались англичане, за ними синьор ди Санти, потом баронесса, Лотти и Ганси. Я была примерно на середине пути, когда увидела спускающегося Хозера.

– Вы без труда узнали его?

– Конечно. Уже стемнело, и шел снег, но от лампы на пилоне света было достаточно, к тому же на нем были эти ботинки из леопардового меха.

– Вы только что сказали, что, по вашему мнению, к тому времени он был уже мертв. А в тот момент что-то подобное не пришло вам в голову?

– Что он мертв? Нет. Он ссутулился, защищаясь от снега, прижал подбородок к груди и наклонил шляпу на глаза. Я заметила, что он покачнувшись в кресле, когда оно дернулось, проезжая мимо пилон, и подумала, что герр Хозер, наверное, заснул. – Герда помолчала, а потом по собственной инициативе добавила: – На миг во мне восторгалась надежда, что он выпадет из кресла и сломает себе шею. Но страшная перековка, конечно, это предотвратила.

Если бы Герда достала из кармана ручную гранату и положила ее на стол, это не произвело бы большего впечатления, чем ее слова. Девушка бесстрастно наблюдала, как Спецци вскочил, помянул черта, попросил ее повторить то, что она сказала, – Герда повторила, – и наконец рухнул обратно на стул, промокая пот, выступивший на лбу.

– Вы осознаете, какой опасности подвергаете себя, говоря такие слова, фройляйн? – воскликнул он почти с болью. – Почему вы это сказали? Зачем?

Герда бросила на него быстрый испепеляющий взгляд и обратилась к Генри:

– Вы бы все равно узнали, – сказала она. – Так лучше уж я сама скажу. Я ненавидела Фрица Хозера. Он убил моих родителей.

Это признание снова повергло Спецци в состояние лихорадочного возбуждения.

– Спокойствие! – выкрикнул он.

Герда не обратила на него ни малейшего внимания.

– Фамилия моего отца Браун, – объяснила она Генри, – но у моей матери была другая фамилия – Розенберг. Она была еврейкой. Вы могли слышать имя моего отца – Готфрид Браун.

– Актер, – сказал Генри.

– Да.

– Он был бесподобен. Я видел все его фильмы. Он работал с Дженнингсом и Рейнхардом...

– Да.

– И он, кажется... – Генри смущенно запнулся.

– Он покончил с собой, – ровным голосом подтвердила Герда, – после того как гестапо арестовало мою мать. Мама умерла в Равенсбрюке.

– А какое отношение к этому имеет Хозер? – Спецци отчаянно пытался вернуть себе бразды правления. Герда холодно взглянула на итальянца.

– Не думаю, чтобы вы что-нибудь знали о моем отце, – сказала она. – Он был великим актером и хорошим человеком, но слабым. Он ненавидел нацистский режим, но не имел храбрости открыто противостоять ему. У него случился нервный срыв, и он пошел на консультацию к Хозеру, который в то время практиковал в Берлине. Думаю, именно тогда он впервые начал принимать наркотики.

Повисла неловкая пауза.

– Жизнь в Берлине между войнами была... трудной, – продолжала Герда. – Во всяком случае, так мне рассказывали. Я была тогда маленькой, и моя мать делала все, чтобы я ничего не узнала о... – Она помолчала. – Мне жизнь казалась прекрасной.

Генри живо представил себе эту картину: маленькая темноволосая девочка, защищенная материнской любовью, укрытая от жестокости и морального разложения окружающего мира за хрупкими стенами прелестной детской комнаты, – и то, что должно было случиться, когда эти стены рухнули.

– Я, конечно, знала Хозера, он был нашим семейным доктором. Маме он никогда не нравился, а отец не желал и слышать ни о каком другом враче. Теперь и я подозреваю то, что моя мать подозревала тогда, – Хозер снабжал моего отца кокаином.

– Продолжайте, – тихо сказал Генри.

– Когда ситуация стала совсем плохой для... евреев и положение моего отца больше не могло служить охранной грамотой, мы с мамой уехали к моим тете и дяде, которые жили в деревне. Теперь я понимаю, что мы прятались там, но тогда я этого не знала. Мне то время представлялось каникулами, которые длились и длились. Отец навещал нас время от времени. Мне было всего семь лет, но даже я видела, как плохо он стал выглядеть... и в каком отчаянии пребывал. Однажды, гуляя в саду, я услышала, что отец плачет. Мой отец... плакал. – Единственной эмоцией, окрасившей в этот момент голос Герды, было удивление, вызванное воспоминанием. – Я прислушалась и разобрала, как он сказал: «Они не дадут мне работать... все слишком запуганы». А мама ответила: «Это из-за меня». А потом спросила: «Почему мы не можем уехать, все втроем? Это рискованно, но в данном случае риск оправдан. Мы могли бы поехать в Америку – тебя там хорошо знают...»

Разговор продолжался еще долго...

Герда бросила взгляд на Специ.

– Однажды, вскоре после этого, отец приехал очень взволнованный, с горящими глазами. Он велел маме быстро собираться, потому что мы уезжаем в Америку. «Но как?» – спросила мама, и отец ответил: «Хозер все устроил». Тогда мама сказала: «Ох, ты глупец! Что ты натворил?!» Но отец ее не слушал. «Это, конечно, дорого, – говорил он, – но оно того стоит. Я продал все – дом, машину... Его друзья заедут за нами сюда сегодня ночью...»

Герда помолчала.

– Помню, мама начала плакать. Я подбежала к ней, и она меня поцеловала. Именно в этот момент мы услышали, как подъехала машина и раздался стук в дверь. Конечно, это было гестапо. Они арестовали маму и забрали бы меня тоже, но моя тетя сказала им, что я – ее дочь. Не знаю уж почему, но ей поверили. Порой они бывали на удивление глупы. Потом гестаповцы похвалили моего отца за лояльность отечеству – за то, что он сообщил о местонахождении моей мамы «в соответствующие органы». В ту ночь тетя с дядей увезли меня на машине. Отец ехать с нами отказался. Он выждал, пока мы уедем, и выстрелил себе в голову.

Повисла тишина. Потрясенный и растроганный, Специ громко высморкался.

– А вы? – спросил Генри.

– Мы с тетей и дядей скрывались некоторое время, пока гестаповцы не потеряли к нам интерес. Потом вернулись на ферму, и я жила с ними как их дочь. После войны я выучилась на гувернантку, а три года назад поступила на службу к баронессе.

– Когда вы снова встретились с Хозером?

– Когда первый раз приехала сюда с детьми... три года тому назад. Я сразу его узнала. У меня очень хорошая память, – добавила Герда.

– Он знал, кто вы?

– Нет, уверена, что не знал. Браун – очень распространенная фамилия в Германии.

– Почему после войны вы не довели свою историю до сведения властей? – вклинился Специ.

Герда едва заметно улыбнулась.

– Историю? – переспросила она. – Разговор, подслушанный семилетней девочкой? Разве это доказательство?

– И вы задумали свой план мести. – Теперь голос капитана звучал спокойно, невозможно, как-то обреченно.

– Как я могла отомстить? Я просто ненавидела его, вот и все.

Специ, судя по всему, собрался с силами, чтобы сделать то, что самому ему было чрезвычайно неприятно. Он наклонился вперед над столом и спросил:

– Когда вы забрали у него пистолет?

В первый раз Герда по-настоящему удивилась.

– Пистолет? Какой пистолет?

– Вы знали, что Хозер носит с собой пистолет?

– Нет, не знала.

– И это все, что вы можете сказать?

– Да, капитан. Я избавила вас от кучи лишней работы, но больше ничем помочь не могу. – Герда встала. – Я его не убивала. Хотела бы, но не убивала.

Спецци бросил на нее отчаянный взгляд и сказал:

– Можете идти, но не пытайтесь покинуть отель.

– Благодарю, капитан. – На короткий миг взгляд Герды задержался на красивом смуглом лице капитана, и Генри показалось, что была в них какая-то тоска; затем девушка развернулась и выскользнула бесшумно и быстро, как тень.

– Ну, – сказал Генри, когда за ней закрылась дверь, – откровенность – лучшее оружие. Она была совершенно права, сказав, что вы рано или поздно это узнали бы. Вопрос в том, на самом ли деле мисс Браун обезоруживающе честна или чрезвычайно умна?

– Она – как ангел смерти, – мрачно проговорил Спецци. – Я думаю... боюсь, что нам незачем ждать сообщений из Рима. Вот вам мотив. Вот вам возможность. Вот вам убийца.

Капитан тяжело вздохнул.

– Я бы на вашем месте не торопился с выводами, – сочувственно произнес Генри. – Возможно, вы ошибаетесь.

Кто-то деликатно, но твердо постучал в дверь.

– Войдите! – резко крикнул Спецци. Он ничуть не растерялся, снова увидев на пороге как всегда невозмутимую Герду.

Спецци встал.

– Вы решили сообщить нам что-то еще? – спросил он.

Герда опустила взгляд и покачала головой.

– Я рассказала вам все, что знаю, капитан, – ответила она. – Я пришла лишь для того, чтобы передать вам сообщение моей хозяйки. Баронесса встала и с удовольствием поговорит с вами. Но предпочитает, чтобы беседа состоялась в ее комнате.

С этими словами Герда повернулась и вышла.

Генри вопросительно приподнял брови.

– Ну что, пойдем наверх или все же попросим леди спуститься сюда?

Спецци с хмурым видом пожал плечами.

– Ее отец – граф Понтемаджоре, а муж – барон фон Вюртбург. Идемте наверх.

Глава 9

Когда они вышли, Герда ждала в холле. Следуя впереди, девушка повела их по лестнице, восхитительно пахнувшей лаком и сосновым деревом, и остановилась у двери на втором этаже. В ответ на ее деликатный стук послышался голос барона. Герда открыла дверь.

– Полиция, – коротко сообщила она и отступила назад, пропуская мужчин.

Синьор Россати явно расстарался как мог, чтобы создать удобства, достойные таких важных гостей. Две лучшие комнаты отеля, соединенные внутренней дверью, были превращены в номер люкс. Та, в которую вошли Тиббет и Спецци, представляла собой гостиную: вместо кровати здесь были диван и два кресла; кофейный столик с сомнительной помощью пресс-папье, чернильницы и цикламена в горшке мужественно изображал письменный стол. За ширмой из вошеного ситца в углу, скорее всего, скрывался умывальник. Через открытую внутреннюю дверь Генри заметил смятые простыни на кровати и туалетный столик, заставленный флаконами с духами и косметикой. Обе комнаты выходили на балкон, опоясывавший дом на уровне второго этажа, сквозь высокие окна внутрь струился солнечный свет. За окнами вдали вырисовывались розовые вершины гор, парившие в воздухе и пронзавшие синее небо, а темные, богатого, насыщенного цвета оконные рамы соснового дерева обрамляли искрящийся снег. Видневшаяся далеко внизу Санта-Кьяра напоминала поселение, состоявшее из кукольных домиков, а кресла подъемника, медленно проплывавшие между деревьями, – заводную игрушку.

На первый взгляд комната казалась пустой. Потом Генри увидел барона. Тот стоял на балконе спиной к окну, опершись о деревянные перила цвета меда, и смотрел на расстилавшуюся внизу долину. Затем медленно выпрямился, обернулся и вошел в комнату.

Без шляпы его лицо казалось еще более длинным и угловатым. Он курил турецкую сигарету, ароматный дым которой клубился и зависал в морозном воздухе; вид у него был чрезвычайно сердитый и встревоженный. Спецци вежливо щелкнул каблуками и чуть склонил голову.

– Капитан Спецци, полиция Монтелунги, – официально представился он.

Барон слегка кивнул в подтверждение знакомства. Потом на секунду перевел взгляд своих бледно-голубых глаз на Генри и, обращаясь к Спецци, спросил по-немецки:

– Кто этот человек?

Спецци заметно вздрогнул и робко проговорил:

– Он офицер высокого ранга британской полиции, герр барон, принимающий участие в этом расследовании...

Барон нахмурился. Генри, начинающий сердиться, перебил Спецци:

– Моя фамилия Тиббет. Я направлен сюда Скотленд-Ярдом. А вы, должно быть, барон фон Вюртбург.

Он достал из портмоне визитную карточку и протянул барону.

Барон даже не взглянул на нее. По-прежнему обращаясь к Спецци, он сказал:

– Не вижу, какой интерес это дело может представлять для британской полиции.

– Это весьма запутанное дело, герр барон... – начал Спецци, немного вспотев. – Некоторые аспекты деятельности покойного...

Генри прервал его:

– Боюсь, я имею прямое отношение к этому расследованию, герр барон. Мне происходящее не нравится так же, как и вам, однако, к счастью, у нас нет необходимости беспокоить вас лично. Помочь нам, ответив на несколько вопросов, может ваша супруга.

Взгляд барона стал угрожающе холодным.

– Никто не будет задавать вопросы моей жене без моего присутствия, – отрезал он.

Ответы Генри и Спецци прозвучали одновременно.

– Боюсь, об этом не может быть и речи, – сказал Тиббет.

– Естественно, герр барон. Как пожелаете, – сказал капитан.

Воцарилось неловкое молчание. Потом Генри обратился к Спецци:

– Простите, капитан. Это ваше расследование, и вы, разумеется, вправе вести его так, как считаете нужным.

Барон лишь взглянул на инспектора с ледяной неприязнью, после чего подошел к двери, которая вела в спальню, и спросил:

– Ты готова, дорогая?

Мария Пиа, явно слышавшая все до последнего слова, появилась незамедлительно. Женщина была очень бледна, и Генри показалось, что она плакала. Хрупкость ее фигуры скрывал просторный белый свитер из чистой шерсти, надетый поверх небесно-голубых брюк-форлагеров. Она сокрушенно улыбнулась инспектору, словно извиняясь за поведение мужа и умоляя не думать сурово о ней самой. Генри ободряюще улыбнулся ей в ответ.

Грациозно пройдя через комнату, баронесса опустилась в кресло. Барон тут же устроился на его подлокотнике, приняв вид одновременно защитника и лица второстепенного. Тиббет сел в другое кресло, Спецци плюхнулся на диван и разложил свои записи на сиденье. Стенограф был счастлив расположиться вне поля зрения барона, за псевдописьменным столом.

Спецци начал на заискивающей ноте:

– Сожалею, что вынужден причинить вам неудобство, баронесса...

– Прошу говорить по-немецки, – перебил его барон.

Покраснев, Спецци начал заново:

– Я был бы рад избавить вас от этой неприятной беседы, баронесса, но тот факт, что вы находились на подъемнике в критический момент, заставляет меня...

– Понимаю, понимаю. Перейдем к вопросам, – предложила Мария Пиа по-итальянски. Спецци промокнул лоб платком и продолжил тем не менее по-немецки. Напряжение повисло в воздухе между ними, словно дрожащая струна.

– Вы сели в кресло подъемника... во сколько? – Капитан уставился в свои записи, чтобы не встречаться взглядом с бароном.

– Не могу сказать вам это совершенно точно. Около четверти седьмого, полагаю.

– Как я понимаю, вы ехали следом за синьором ди Санти и перед детьми и их няней.

При упоминании имени скульптора Мария Пиа немного напряглась. Но голос ее звучал безупречно ровно, когда она ответила – упорно по-итальянски:

– Да, верно.

– Я бы хотел, – продолжил Спецци, теперь немного более уверенно, хотя по-прежнему осознавая абсурдность беседы, ведущейся на двух языках, – я бы попросил вас точно описать, как выглядел Хозер, когда проезжал вниз мимо вас.

Мария Пиа нахмурилась.

– Я едва обратила на него внимание, – сказала она. – Было темно, очень холодно, и шел снег. Я лишь мысленно отметила, что это он, – на нем были эти ужасные ботинки. Он съезжился в кресле, но это казалось совершенно естественным при такой погоде.

– Вы знаете, что у Хозера был пистолет?

Марию Пиа вопрос, казалось, испугал.

– Пистолет? – переспросила она. – Да... да, я знала.

В тот же миг вмешался барон:

– Чушь! Откуда моя жена могла знать такие вещи?

Мария Пиа, проигнорировав его, серьезно продолжила объяснять Спецци:

– Об этом знали, полагаю, все. Однажды вечером – думаю, это была среда – он сидел в баре, а его портфель лежал на столе. Хозер сдвинул его на край, чтобы освободить место для бокала, и пистолет выпал на пол. У меня было странное ощущение...

Она помолчала, потом быстро закончила:

– У меня было странное ощущение, что он сделал это нарочно.

– Кто еще был в баре? – спросил Спецци.

– Почти все. – Мария Пиа сморщила свой хорошенький носик и задумалась.

– Не было Генри и Эмми, – наконец проговорила она, – а все остальные, думаю, были.

Помню, миссис Бакфаст еще отпустила колкое замечание по этому поводу. – Баронесса улыбнулась.

– Вы удивились, увидев пистолет? – спросил Спецци.

– Да, удивилась. Очень. Я не знала, что в наши времена люди носят с собой оружие.

– Это не имеет отношения к делу, – жестко перебил барон. – Пожалуйста, переходите к более существенным вопросам.

Спецци поворошил свои бумаги.

– Возвращаясь к событиям вчерашнего дня, баронесса, – сказал он, – видели ли вы Хозера до того?

– Кажется, я мимолетно пересеклась с ним после завтрака. Но я собиралась кататься на лыжах и спешила.

– Ясно. – Спецци сделал паузу. – А теперь, баронесса, я обязан задать вам несколько вопросов, касающихся другого человека. Я не хотел бы расстраивать вас, но...

Белое лицо Марии Пиа сделалось бледно-зеленым, рука вцепилась в подлокотник кресла. Барон в страшном напряжении наклонился вперед.

– Это касается фройляйн Герды Браун, – продолжил Спецци.

Рука баронессы, ковырявшая окантовку подлокотника, обмякла, как мертвая птица. Барон, однако, сохранял напряжение.

– Герды? – уточнила баронесса. В ее голосе слышалось неподдельное удивление. – Что вы хотите о ней узнать?

– Она была в баре, когда Хозер выронил свой пистолет?

– Нет. Разумеется, нет. Герда укладывала детей спать.

– Что она за человек? – поинтересовался Спецци, и Генри показалось, что голос капитана дрогнул.

– Милейший человек, – твердо ответила Мария Пиа. – Она очень спокойная, сдержанная и в высшей степени профессиональная. Дети ее любят и в то же время уважают, а детей, как вы знаете, обмануть трудно.

– Вы бы не сказали, что фройляйн Браун склонна к насилию?

– К насилию? – Голос Марии Пиа звучал все более и более удивленно. – Герда?!

– В конце концов, – осторожно заметил Спецци, – если принять во внимание ее прошлое и ее родителей...

– Но она всю жизнь прожила на ферме своего отца в Баварии, – возразила Мария Пиа. – Ну до того как уехала в Мюнхен учиться. Потом она откликнулась на мое объявление и пришла работать, это было три года тому назад.

– И вы никогда не встречались с ее родителями?

– Вообще-то встречалась, однажды. Постойте... – Мария Пиа задумалась. – Кажется, она говорила мне, что они не ее настоящие родители: ее удочерили, когда она была еще маленькой. Я никогда об этом не вспоминала.

– Кто же она тогда? – выпалил барон.

Спецци храбро пропустил его вопрос мимо ушей.

– Благодарю, баронесса. Это неважно. Просто я подумал, что...

– Если эта девица нам солгала, мы имеем право знать, – холодно бросил барон.

– Нет-нет, Герман. – Впервые Мария Пиа заговорила по-немецки. – Она нам не лгала – ведь так, капитан? Она сказала мне, что Брауны – не ее родители.

Барон не сводил глаз со Спецци.

– Кто она? – снова рявкнул он.

Капитан явно чувствовал себя неловко, но уступать не собирался.

– Уверяю вас, герр барон, это не имеет отношения к делу.

Барон гневно на него посмотрел.

– Я предприму усилия, чтобы выяснить это.

Он сделал короткую паузу.

– Если у вас больше нет вопросов, касающихся вчерашнего преступления, не оставите ли вы нас? Моя жена очень устала.

Спецци встал.

– Благодарю за сотрудничество, баронесса... Герр барон... Прошу прощения, что пришлось побеспокоить вас.

Он коротко поклонился баронессе и барону и направился к двери, сопровождаемый суетливым стенографом. Генри медленно поднялся.

– Позднее, – сказал он, – я был бы рад получить возможность перекинуться с вами словечком, баронесса.

Всю прошлую неделю он называл ее по имени, но сейчас для фамильярности момент был не подходящим.

Прежде чем барон успел что-либо вставить, она откликнулась сама:

– Разумеется, Генри. Когда пожелаете.

– Благодарю вас, – серьезно ответил Тиббет и последовал вниз по лестнице за двумя итальянцами.

Снова оказавшись в кабинете Россати, Спецци вытер лоб белым шелковым платком. Генри сочувственно улыбнулся ему, но капитан не желал никаких утешений.

– Чем скорее мы сможем арестовать эту девушку и покончить с этим, – с несчастным видом пробормотал он, – тем лучше я себя буду чувствовать.

Он снова сел за стол и велел пригласить Франко.

Ди Санти был бледен, от бессонницы под его темно-кариими глазами залегли глубокие тени. Тихим несчастным голосом он сообщил Спецци, что является скульптором, живет в Риме, а сюда, в Санта-Кьяру, приехал отдохнуть. Последние три года он приезжает в «Белла Висту» регулярно. С Хозером, по его словам, был знаком весьма шапочно. Впервые увидел врача в Риме, в доме своего друга-актера, три года тому назад, и, в сущности, именно Хозер рекомендовал ему «Белла Висту» как чудесный горнолыжный курорт. С тех пор он встречался с ним здесь, в отеле, где Хозер тоже отдыхал, но их отношения дальше того шапочного знакомства не продвинулись.

– Честно говоря, капитан, он не казался мне приятной личностью, – сказал Франко, но развивать тему не стал. Он признал, что видел, как пистолет выпал из портфеля Хозера в среду вечером.

– Меня поразило, – сказал он с презрением, – что он сделал это нарочно, ради дешевого эффекта.

Франко подтвердил, что накануне вечером ехал на подъемнике впереди баронессы, но сказал, что врача вовсе не заметил.

– У меня глаза были закрыты, – коротко пояснил он. – Подъем оказался очень неприятным, да и думал я совсем о другом.

На этом вклад Франко в расследование иссяк, и Генри, взглянув на часы и отметив, что уже половина первого, предложил прерваться на ленч. Он заметил поднимающуюся по тропе от подъемника Эмми и указал, что после ленча можно будет приступить к опросу англичан.

– Если только вы не желаете сначала встретиться с Книпферами, – добавил он.

– Я, конечно, поговорю со всеми, – ответил Спецци, – но мне Книпферы не представляются важными свидетелями. Во время убийства никого из них на подъемнике не было.

– С другой стороны, – возразил Генри, – думаю, они могут что-то рассказать о Хозере. Они проводили вместе немало времени.

И он поведал Спецци об истерике, случившейся с фрау Книпфер в баре накануне вечером.

Жену Генри нашел в их комнате, она расчесывала волосы.

– Твоя телеграмма благополучно отправлена, – доложила она мужу. – Ты должен мне чудовищную сумму денег – пять тысяч лир. Как у тебя прошло утро?

Генри коротко рассказал.

– На самом деле мне в это не верится, а тебе? – медленно произнесла Эмми, когда он закончил. – Не вижу я Герду в роли убийцы.

– Она вполне способна убить, – возразил Генри. – И у нее были и мотив, и возможность. Не забудь, что позади нее на подъемнике никто не ехал, так что никто не видел, что она делает. Но все равно... – Он запнулся.

– Твой нюх говорит тебе... – подначила Эмми.

– Нет. Я слишком мало пока знаю об этом деле, чтобы полагаться на нюх. Просто это не вписывается в ее характер...

Тиббет помолчал.

– Ладно, посмотрим. Спецци уже все для себя решил – бедняга, ему явно нравится эта девушка, и от этого он еще больше настраивает себя исполнять свой долг безжалостно. Надеюсь, он ошибается.

– Пошли поедим, – сказала Эмми.

Ленч не был веселым. Спецци и его помощники заняли бывший стол Хозера, отбрасывая на весь зал длинную тень закона. Книпферы ели молча и мрачно, как всегда. Франко сидел за столом один, и Генри не удивился, увидев, что Герда тоже сидит одна. Дети барона, которых в то утро отправили кататься на лыжах с частным инструктором, несколько минут спустя, громко тараторя, ввалились в холл и были решительно препровождены Анной наверх. Предположительно, им предстоял семейный ленч с родителями в гостиной баронессы – по лестнице вверх проследовала длинная процессия с подносами, – между тем как Герду выставили в общую столовую. Если ей это и не понравилось, девушка ничем себя не выдала. Ни малейшего проблеска эмоций не отразилось на ее лице.

Все англичане уже приступили к ленчу, когда Генри и Эмми вошли в столовую. Эмми, учитывая нынешнее затруднительное положение мужа, испытывала серьезные сомнения насчет того, чтобы занять обычное место за общим столом, поэтому откровенно обрадовалась, когда Роджер вскочил и отодвинул для нее стул. Похоже, он был решительно настроен сделать все, чтобы загладить вину за свою вчерашнюю грубость.

– Вот наконец и вы, – сказал он. – Мы уже начали опасаться, что вы пропали. Садитесь, Генри, мы уже все заказали. Как продвигается расследование?

– Вяло, – ответил Генри. – Предупреждаю: следующая очередь – вашей компании.

– Наконец-то! – воскликнул Джимми. – А то ожидание становится уже невыносимым. Вы собираетесь загонять нас в угол хитроумно-безжалостным перекрестным допросом, пока виновные не сломаются и не признаются во всем?

– Господи, – отозвался Генри, – надеюсь, что не придется. Нет, единственное, что мы пытаемся сделать сейчас, – это точно установить по времени вчерашние передвижения каждого. Утомительная рутинная работа, но проделать ее необходимо.

После этой реплики над столом повисла тишина, насыщенная почти осязаемым недоверием. Принесли еду, к которой приступили в атмосфере мрачной напряженности, нарушенной лишь однажды, когда Джимми расплескал суп на скатерть. Генри пришел к заключению, что

молодой Пассденделл, несмотря на свой внешне невинный вид, на самом деле находиться в весьма нервном состоянии, и решил избавить его от мучений как можно скорее.

– Джимми, хотите быть первым? – спросил он.

С несчастным видом, но храбро тот ответил:

– Хорошо. Все надо испробовать хотя бы раз в жизни.

Они вдвоем прошли в кабинет, где их уже ждал Спецци со своим помощником.

Беседа с Джимми не была отмечена никакими событиями и немного добавила к тому, что Генри и так уже знал. Джимми представился, заявил, что никогда прежде не встречался с Хозером и ничего о нем не слышал до приезда в «Белла Висту», и горячо заверил, что в глаза не видел покойного между завтраком и тем моментом, когда заметил сторбленную фигуру, мертвую или живую, спускавшуюся на подъемнике.

– Мертвую или живую, – добавил он задумчиво. – Занятно. Вот теперь, задним числом, я бы, наверное, сказал – мертвую, хотя мне это ни за что не пришлось бы в голову тогда. Он выглядел каким-то... обмякшим. Я еще подумал, что он заснул...

– Вы первым из постояльцев отеля ехали на подъемнике, так? – спросил Генри.

– Я? Да, наверное. Точно не помню.

– И еще один вопрос. Хозер занимал комнату, соседнюю с вашей, на третьем этаже. Вы когда-нибудь видели или слышали, чтобы там происходило что-либо подозрительное?

Джимми завокнулся.

– Не совсем понимаю, что вы имеете в виду, – сказал он.

– Я имею в виду разговоры или ссоры с кем-нибудь из живущих или работающих в отеле. Я имею в виду пистолет, оставленный на виду у всех.

– Боже мой, да, однажды я видел пистолет, – охотно подтвердил Джимми. – Помимо того раза, когда он выпал из его портфеля в среду. Однажды вечером, вернувшись с трассы, я заметил, что дверь в комнату Хозера открыта и пистолет лежит на столе. Он служил чем-то вроде пресс-папье для каких-то писем или чего-то в этом роде. Это было, кажется... да, это было за день до того... до того, как он умер.

– Ясно. Ну, думаю, это все. Благодарю вас.

Джимми уже встал, собравшись уходить, когда Генри вдруг добавил:

– Еще одно. Кому из вас принадлежала идея провести отпуск в «Белла Висте»?

Судя по всему, Джимми испытал некоторую неловкость.

– Роджеру, – ответил он. – Он, видите ли, уже бывал здесь.

– Меня с самого начала немного удивило, – продолжил Генри, – что вы и Каро отправились отдыхать в такое неприметное место, притом в дешевом поезде второго класса. Простите, но я бы подумал, что Санкт-Мориц больше в вашем стиле.

Джимми ухмыльнулся.

– Вы абсолютно правы. Путешествие было чудовищным, не так ли? Но, видите ли, Роджер не так обеспечен, как мы, а Каро до чертиков хотелось ехать вместе с ним, поэтому...

– Понимаю, – сказал Генри. – Да, нечто в этом роде я и предполагал.

Следующей в списке была Каро, и беседа с ней не доставила Генри никакого удовольствия. Девушка представляла собой сгусток нервов, выглядела так, словно только что плакала, и уклонялась практически от всех вопросов ответами вроде «я не знаю» или «я не могу вспомнить». Ненавидя свою работу, Генри кругами подвел ее к теме взаимоотношений с Роджером. После долгих увиливаний та признала, что отдых в «Белла Висте» – его идея.

– Как давно вы знакомы? – как бы невзначай спросил Генри.

– Не помню. Сто лет. Ну не сто, конечно... Полгода... Я не знаю.

– Но в любом случае меньше трех лет?

– Что вы имеете в виду? Почему я не могу быть знакома с ним три года?

– У вас есть какие-нибудь соображения по поводу того, почему он предложил поехать именно в «Белла Висту»?

– Нет. Да. Он бывал здесь раньше. К тому же здесь дешево.

– И, – подхватил Генри, – полагаю, это соображение сыграло большую роль, не так ли?

– Если и так, какое это имеет значение? Роджер не виноват, что он не богат. Зачем все тычут этим ему в лицо?

Собравшись с духом, Генри отчаянно бросился на штурм.

– Каро, вы знали, что когда-то Роджер был замешан в деле о контрабанде?

Девушка побелела как полотно.

– Неправда, – выпалила она. – Я вам не верю! Вы не имеете права бросать такие обвинения.

– Я не бросаю обвинения, – возразил Генри. – Я задаю вам вопрос. Так вы знали?

– Нет! – почти выкрикнула Каро. – Нет, не знала. И теперь не знаю. Вы не должны верить тому, что болтают люди.

– Почему вы так беспокоитесь за него? – очень мягко спросил Генри.

– Я не беспокоюсь. Я... о, вы все неправильно понимаете. Я больше ничего не скажу. Это не ваше дело.

– Что вы имели в виду, когда вчера сказали в баре, что Хозер был мерзким человеком?

– Я не то хотела сказать.

– Но сказали именно то. У вас должны были быть причины.

– Просто я его не любила.

– И все?

– Разумеется. Имею я право кого-то не любить?

– Простите, – сказал Генри, – я ведь просто пытаюсь докопаться до истины.

– Истины... – произнесла вслед за ним Каро, и это прозвучало как выдох. – О господи, разве мы все?..

«Боже сохрани, – подумал Генри. – Она сейчас расплчется».

– Хорошо, – поспешно произнес он вслух. – На данный момент это все. Вам сейчас не помешало бы выпить чашку чаю.

Каро молча кивнула и вышла из комнаты со страшно напряженным выражением лица.

– Очень интересно, – сказал Генри. – Теперь послушаем, что мистер Стейнз имеет нам сказать в свою защиту.

– Да, – расплылся в улыбке Спецци. – Полагаю, это будет настоящее откровение.

Роджер вошел совершенно непринужденно. Быстро и умело Генри провел его через события предыдущего дня: сообщение Хозера об отъезде за завтраком, катание Роджера с полковником Бакфастом на Имменфельдском спуске.

– Это ведь тот самый спуск, где погиб Джулио, не так ли? – спросил Генри.

Лицо Роджера омрачилось.

– Бедный Джулио, – сказал он. – Хороший был парень. Но спуск находился в опаснейшем состоянии, когда он поехал по нему. Там и вчера было сложно, хотя сейчас напáдал новый снег и трасса четко обозначена, но лыжня не видна.

– Вы ведь уже бывали в «Белла Висте», не так ли?

– В прошлом году. Провел здесь три последние недели января.

– Значит, вы довольно многих здесь знаете?

– Я бы не сказал. Большинство лыжных инструкторов, Россати, конечно... часть времени, что я здесь провел, в отеле жили Бакфасты и Хозер. Насколько я понимаю, они здесь более-менее постоянные гости.

– Это была ваша единственная до сих пор встреча с Хозером?

– Конечно. Где бы еще я мог с ним пересечься?

Генри пропустил последнюю реплику мимо ушей и спросил:

– Он вам нравился?

К его большому удивлению, Роджер запрокинул голову и громко рассмеялся.

– Ну вы, полицейские, даете... бесподобно! Нравился ли он мне? Вы же прекрасно знаете, что он пытался меня шантажировать!

– Шантажировать вас? – Удивление Генри было абсолютно искренним. – И чем же?

– Старина, не валяйте дурака, – воскликнул Роджер. – Вы ведь наверняка уже нашли записку. Где она была? У него в бумажнике?

Повернувшись к Спецци, Генри сказал по-итальянски:

– Мистер Стейнз, кажется, думает, что вы должны были обнаружить в бумажнике Хозера инкриминирующую записку. Вы ее действительно нашли?

Смущение и разочарование Спецци выглядело жалким. Он пошарил в нагрудном кармане своего щегольского мундира и протянул Генри маленький листок бумаги, вырванный из ежедневника, на котором было нацарапано по-итальянски: «Лупо, товар, который ты ожидаешь, находится в кафе. Забери его и отгрузи сегодня ночью. Р.С.»

– Почему вы не показали мне это раньше? – очень строго спросил Генри.

Спецци выглядел глубоко уязвленным.

– Я хотел, чтобы для него это стало неожиданностью, – ответил капитан. – Вы с ним друзья, и я... – Красноречивый жест дополнил ход его мысли. – Но какая теперь разница? Он сам упомянул о записке, прежде чем я успел сделать свой эффектный ход. Я ведь не понимаю по-английски.

Генри снова повернулся к Роджеру.

– Итак, – сказал он, – что дальше?

Роджер сидел, откинувшись назад, расслабившись, и наблюдал за происходящим, явно забавляясь.

– Меня эта записка ничуть не беспокоит, – заявил он. – Неуклюжая подделка.

– Проверим, – огрызнулся Спецци.

– Я не знаю, – продолжил Роджер, – откуда Хозер узнал про «Нэнси Мод». В прошлом году мы несколько раз поболтали, и, как я предполагаю, он подсмотрел мой лондонский адрес в книге регистраций. Так или иначе, в октябре я получил от него письмо. Удивлению моему не было предела.

Он достал из кармана портмоне, вынул из него письмо и передал его Генри. Письмо было отпечатано на машинке, на плотной дорогой бумаге.

Ул. Аурелиа, 49

Рим

4 октября

Дорогой мистер Стейнз!

Помните ли вы меня? Я имел удовольствие познакомиться с Вами в отеле «Белла Виста» в Санта-Кьяре в январе и во время разговоров, которые мы с Вами вели, был весьма впечатлен Вашей незаурядной деловой хваткой и Вашими организаторскими способностями. Поэтому я сразу же вспомнил о Вас недавно, когда возникло чрезвычайно интересное деловое предложение – предложение, которое может оказаться весьма и весьма прибыльным, если за его исполнение возьмется правильный человек.

Я бы очень хотел лично обсудить с Вами это дело, если оно Вас интересует. Поскольку я собираюсь снова посетить «Белла Висту» в следующем январе, хотел бы знать, не думаете ли и вы провести там свои

зимние каникулы. В этом случае мы могли бы с глазу на глаз обсудить план, который у меня имеется.

Со всем почтением,

Фриц Хозер.

Генри молча изучил этот знаменательный документ, потом заключил:

– Итак, вы приехали.

Роджер усмехнулся.

– Конечно, приехал, старина. Что плохого в том, чтобы узнать, о чем речь?

– Приехав сюда, вы не имели никакого представления о характере его делового предложения?

– Ни малейшего.

– Вас не насторожило, что все это сформулировано весьма сомнительно?

– А что плохого в том, чтобы это выяснить? – повторил Роджер.

– Хорошо, согласен. Продолжайте.

– Итак, я приехал. – Теперь в голосе Роджера появилась нотка горечи. – И узнал, что никакого делового предложения не существует. Просто грубая попытка шантажа. Я понимал, конечно, что записка поддельная, потому что никогда в жизни ничего подобного не писал: ту крысу Донати я впервые увидел в зале суда, в Риме. Но Хозер, несомненно, думал, что записка настоящая. Предполагаю, Лупо сам ее написал и продал Хозеру.

– И что вы сделали?

– Рассмеялся ему в лицо, – ответил Роджер, – и сказал, что, помимо того факта, что я полностью разорен и являю собой крайне сомнительный объект для шантажа, записка явно фальшивая, так что вперед, мол, делайте с ней что хотите.

– Почему вы не заявили на шантажиста властям?

– Дорогой мой, я на отдыхе, – сказал Роджер. – И кроме того, это означало бы снова разворошить то дело с «Нэнси Мод», о котором, признаться честно, я хотел бы забыть навсегда. Какой смысл копаться в старой грязи?

– И какова была реакция Хозера, когда вы рассмеялись ему в лицо?

Впервые Роджер ответил после небольшой заминки:

– Он не обрадовался, как вы можете догадаться. Попытался угрожать, но в конце концов до его тупой башки дошло, что я его ничуть не испугался. И тогда он сменил тон.

– Вы, часом, не переворачивали столы, не грозили ему судебным преследованием? – спросил Генри.

Роджер помолчал, закурил сигарету и наконец ответил:

– Вчера вы посоветовали мне говорить правду, и я намерен последовать вашему совету. Надеюсь, вы понимаете, что все это сугубо конфиденциально.

– Вы сами знаете, что я не могу вам этого обещать, – возразил Генри. – Единственное, что могу сказать: мы не станем упоминать об этом без крайней необходимости.

– Ладно. Это честно. – Роджер глубоко затянулся сигаретой. – Я пригрозил ему, что обращусь в полицию, – я чувствовал себя абсолютно уверенно и хотел, чтобы он это осознал. Но Хозер раскусил мой блеф и предложил подать на него в суд, указав при этом, что – как в случае победы, так и в случае поражения – у сэра Чарлза Уиттакера могут возникнуть вполне понятные возражения против меня в качестве будущего зятя, если это дело просочится в газеты. Видите ли, – с обезоруживающей прямоотой сообщил он, – я собираюсь жениться на Каро.

– А Хозер это знал?

– Он был на редкость хорошо информирован, – сухо признал Роджер. – Так или иначе, в конце концов мы пришли к соглашению: я не подаю в суд, а он уничтожает записку. Даже при том, что она была фальшивкой, я не хотел, чтобы такой человек, как Хозер, разгуливал с этой штукой в кармане. К сожалению, текст написан на странице из моего старого ежедневника –

тот оставался на борту «Нэнси Мод», когда посудину украли. Как видите, именная шапка на листке отчетливо читается, и я полагал, что Хозер – останься эта бумажка у него – мог бы доставить мне еще массу неприятностей.

Генри выглядел погруженным в свои мысли.

– Когда вы пришли к соглашению? – спросил он.

– Позавчера. Мы вместе пили чай в «Олимпии». Он достал записку из бумажника и поднес к ней спичку. Записка сгорела дотла. Я считал, что с этим покончено.

– Тогда как получилось, что записка оказалась при нем, когда его убили?

– Судя по всему, Хозер меня провел, – сердито ответил Роджер. – Он показал мне записку в вытянутой руке, но когда я попытался ее взять, отдернул руку, и записка упала на пол. Наверняка именно в тот момент он и подменил ее чистым листком бумаги. Только когда вы вчера вечером в баре намекнули, я понял, что, должно быть, произошло.

К собственной досаде, Генри почувствовал, что краснеет, и горячо понадеялся на слабое знание английского языка капитаном Спецци.

– Я тогда ничего не знал о записке. Всего лишь посоветовал вам говорить правду.

– Ну вот я и сказал. Теперь вы знаете.

– Вы понимаете, что нам придется отдать записку вместе с образцом вашего почерка на графологическую экспертизу?

Роджер улыбнулся.

– Разумеется. Валяйте. Я не боюсь.

– Да, – задумчиво ответил Генри, – вижу, что не боитесь.

В прекрасном расположении духа Роджер вручил ему свой паспорт с образцом подписи, без колебаний согласился переписать текст записки в блокнот Спецци и вывернул карманы в поисках описи багажа, заполненной тем же размашистым решительным почерком.

После его ухода Генри долго и пристально изучал записку из бумажника Хозера, держа ее рядом с текстом, только что переписанным Роджером. Почерки были внешне схожи, но даже на непрофессиональный взгляд инспектора записка шантажиста казалась фальсификацией. Он сообщил об этом Спецци, на которого его слова не произвели особого впечатления.

– Наверняка он старался изменить почерк, когда писал ее в Танжере, – высказался капитан. – Нужно отправить ее экспертам. Лично мне кажется, что записка подлинная.

– Могу ли я поинтересоваться, что еще вы нашли в карманах Хозера? – не без подковырки осведомился Генри.

Спецци принял вид оскорбленной невинности.

– Ничего сколько-нибудь интересного, мой друг. Лишь то, о чем я вам уже говорил. – Он сделал паузу. – А будет ли мне позволено поинтересоваться, кого еще из британских свидетелей вы проинструктировали о том, что им говорить на допросе?

Он с напускным смирением посмотрел на Тиббета, и оба разразились смехом.

– *Touché*²⁴, – признал Генри. – Виноват. Но имейте в виду: я бы не сказал ему ни слова, если бы знал о записке.

– Это послужит уроком нам обоим, – согласился Спецци. – Но уверен, что мы не причинили никакого вреда следствию. Я отошлю это, – он указал на записки, багажную квитанцию и паспорт, – в Рим сегодня вечером. Давайте теперь послушаем вашего доблестного соотечественника – полковника.

Полковник Бакфаст, судя по всему, придерживался того мнения, что о мертвых либо хорошо, либо ничего, и это побуждало его подходить к вопросу о личности Хозера с деликатностью бегемота, передвигающегося на цыпочках.

²⁴ Здесь: очко, один ноль в вашу пользу (*фр.*).

– Бедняга, – пробормотал он в усы. – Приятный во многих отношениях малый. Немец, конечно. Но он не виноват.

– Вообще-то он был итальянцем, – уточнил Генри.

– Итальянцем? В самом деле? Какое невезение! – воскликнул полковник, хотя было непонятно, относится ли его восклицание к трагедии, случившейся с Хозером, или к его национальности.

Да, он хорошо помнил Хозера по прошлому году и по позапрошлому, если на то пошло.

– Когда мы только приехали сюда, – сказал Генри, – у меня создалось впечатление, что он вам не очень нравится.

– Мне? – багровея, переспросил полковник. – Нет-нет. Я ничего не имел против него. Мы ведь были едва знакомы.

– Он никогда не рассказывал вам о себе или о своей работе?

– Боже милостивый, нет! – Полковник произнес это так, будто Генри предположил нечто в высшей степени оскорбительное. – С какой стати он стал бы это делать? Мы лишь время от времени перебрасывались несколькими словами.

Полковник заметно оживился, когда разговор коснулся его вчерашних спортивных занятий.

– Первоклассный маршрут, – заявил он. – Первоклассный! Разумеется, никакой лыжни: все засыпано снегом – просто превосходно. Мы спускались весьма медленно и достигли Имменфельда к двум часам. Там устроили себе поздний ленч, после чего я опробовал несколько местных спусков, пока Стейнз ходил по магазинам. Потом мы вернулись в Санта-Кьяру на поезде и присоединились ко всем вам в «Олимпии».

– А что вы можете сказать о поездке на подъемнике? Вы заметили Хозера, направлявшегося вниз?

Полковник прочистил горло и ответил:

– Там было чрезвычайно холодно и неудобно, как вы знаете. Пока ждали эту проклятую штуковину, мы продрогли до мозга костей. Неэффективность, вот как это называется. В Швейцарии ничего подобного не потерпели бы. Но когда имеешь дело с итальяшками...

Он вдруг заметил пристальный взгляд Спецци и сконфуженно запнулся. Потом нарочито поспешно продолжил:

– Сев в кресло, я укутался одеялом и, честно признаться, потерял всякий интерес к окружающему до того момента, как оказался наверху. Поэтому я вообще не заметил, что бедняга едет вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.